

ШРИ АУРОБИНДО

САВИТРИ

Шри Ауробиндо Савитри

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69293824

SelfPub; 2023

Аннотация

Перед тобой, читатель, перевод поэмы, проливающий свет на истинное предназначение Человека. Автор её – великий индийский мудрец, философ, йогин Ауробиндо Гхош, которого позднее стали называть Шри Ауробиндо. Поэма основывается на легенде, рассказанной в «Махабхарате» – великом индийском эпосе. Повествование начинается с рассказа о Йоге Ашвапати – отца Савитри, в дальнейшем переходя к пути, который проделала Савитри, спускаясь в потусторонний мир бога Ямы, чтобы вызволить своего возлюбленного Сатъявана. Поэма состоит из 49 песен в 12 книгах, общим объемом в 724 страницы. В данной публикации содержится перевод с 1 по 302 страницу оригинала – перевод первых двух книг, предваряющих путешествие Савитри.

Содержание

Шри Ауробиндо Савитри

Предисловие

Перед тобой, читатель, поэма, проливающая свет на истинное предназначение Человека. Автор её – великий индийский мудрец, философ, йогин Ауробиндо Гхош, которого позднее стали называть Шри Ауробиндо.

«Савитри» начиналась как повествовательная поэма умеренной длины, содержание которой основывалось на легенде, рассказанной в «Махабхарате». Постепенно насыщая содержание поэмы своим собственным духовным видением, Шри Ауробиндо превращает «Савитри» в масштабное эпическое произведение. Он поясняет: «Я использовал поэму как средство для духовного восхождения: начинал её писать, находясь на определенном ментальном уровне, а когда достигал более высокого уровня, то переписывал её... Фактически, я считал «Савитри» не завершенной поэмой, но полем эксперимента, который позволяет увидеть, насколько далеко может продвинуться поэтическое творчество, основанное на меняющемся собственном йогическом сознании писателя...».

В общей сложности поэма состоит из 3 частей, 12 книг и 49 песен. Главы поэмы Шри Ауробиндо обозначил на ан-

глийском, как «Santo», поэтому в дальнейшем в переводе на русский мы будем называть их «Песнями».

«Савитри» приобрела нынешний образ, пройдя через три главные фазы. До 1920 года Шри Ауробиндо создал несколько черновиков повествовательной поэмы, пересказывая изначальным образом историю Савитри и Сатьявана, описанную в «Махабхарате». Последняя версия состояла по плану из восьми книг в двух частях, причем книги не были разделены на отдельные песни. В 1930 году Шри Ауробиндо преобразовал повествовательную поэму в эпическую. Долгое время он концентрировался на описании Йоги Ашвапати, предваряющей рождение Савитри. К 1945 году он создал новую первую часть, содержащую 3 книги и множество стихотворных песней. В третьей фазе, помимо переделки для публикации первой части, Шри Ауробиндо переработал и расширил большинство книг, написанных в первый период. Он добавил книгу о Йоге Савитри и завершил части вторую и третью. Таким образом, процесс написания поэмы продолжался до 1950 года, то есть вплоть до смерти Шри Ауробиндо. Изначально поэма была достаточно короткой и не требовала разделения её на книги и песни. Разделы были отделены друг от друга только пустой строкой. В дальнейшем поэма пересоздавалась несколько раз. Некоторые книги были переработаны неоднократно. К другим Шри Ауробиндо едва прикасался. В окончательном варианте «Савитри» содержит 23837 строк.

Следует добавить, что для понимания поэмы необходимо располагать знаниями и терминологией, характерными для восточной литературы. Чтобы облегчить это понимание, перевод поэмы снабжен сносками с примечаниями переводчика, раскрывающими смысл некоторых пассажей и слов, присутствующих в поэме.

Отдельно нужно остановиться на имени одного из главных персонажей поэмы – на имени Ашвапати. Имя Ашвапати (в поэме это человеческий отец Савитри) переводится как Господь или Бог Лошади, Бог Тапасьи – концентрированной энергии духовного стремления, помогающей нам подняться из смертного состояния к бессмертным планам. Мы знаем, что в Ведах образ Лошади символизирует энергию. У всех нас есть Лошадь внутри нас, и обычно мы не контролируем её полностью. Ашвапати – бог, мастер своих энергий, и он может направлять их на осуществление своих целей и стремлений совершенным образом. В беседах с учениками Шри Ауробиндо говорил: «Ашвапати, отец Савитри – это Бог Энергий... Ашвапати – Йогин, который ищет средства, чтобы вывести мир из неведения».

Многие считают, что Йога Ашвапати, о которой рассказывается в первой части поэмы, это духовная автобиография самого Шри Ауробиндо, которого идентифицируют с царем Ашвапати. Делать такое сравнение слишком буквально не следует. Ашвапати – аспект Шри Ауробиндо, а эта поэма является продуктом его сознания, основанном не на воображе-

нии, а на духовном опыте, и очень многое из того, что касается Ашвапати в поэме, хорошо соотносится с тем, что открыл Шри Ауробиндо в своей собственной йоге.

Савитри

Часть 1

Книга первая

КНИГА НАЧАЛ

Песнь первая

РАССВЕТА ЗНАК

Был час до пробуждения Богов.

Путь преграждая божьему Явлению,

Гигантский дух вселенской Ночи лежал

С предчувствиями мрачными в Её темном храме вечности,

5. Недвижно распростершись на краю Безмолвья, в полном одиночестве.

Была почти неразличима, непроницаема, темна

Пучина Бесконечности бесплотной

В тех мрачных знаках, что ощущала Ночь незрячая;

Бездонное Ничто заполонило мир.

10. Очнувшаяся сила падшей, но безграничной сущно-

сти¹,

Что пробудилась меж первым и последним Небытием,
Взывая к сумрачному лону, из которого пришла,
От таинства непостижимого рождения
И медленного умирания отвернулась

15. И страстно захотела достигнуть завершения в пустом

Ничто.

Там, в темноте начала всех начал,

Немая видимость Непознаваемого, лишенная особенностей полностью,

Извечно повторяющая несознательное действие

И вечно продлевающая слепую волю,

20. Баюкала вселенскую дремоту невежественной Силы,

Чей сон, направленный на созиданье, зажигает солнца

И жизни наши в сомнамбулическом кружении несёт.

Наперекор гигантскому, пустому трансу этого Пространства,

Его оцепененью, хаосу без мысли и без жизни,

25. Как тень, кружащая в бездушной Пустоте,

Отброшенная вновь в бездумные виденья,

Земля вращалась в одиночестве, покинутой в пустынных безднах,

Забыв свой дух, свою судьбу забыв.

Бесстрастны были небеса, безлики, тихи и пустынны.

30. Затем в непостижимой темноте зашевелилось что-то;

¹ Здесь «сущность» это «разум Ночи».

Движенье смутное, невероятная Идея,

Настойчивое нечто, безо всякой цели, неудовлетворенное,

Желающее быть, но как того достичь не знающее вовсе,
Дразнило Несознание, чтобы осознать Неведение.

35. Та судорога, что пришла, оставила дрожащий след
И место предоставила неутоленному и старому желанию,
Чтобы оно смогло в тиши безлунного подвала подсознания

Взглянуть наверх и свет искать, отсутствующий там,
Закрытые глаза пропавшей памяти напрячь пытаясь,

40. Как тот, кто ищет «я» свое былое,

Но лишь встречает одни останки своего желания.

И было это так, как если б в глубине Ничто,

В самом ядре его предельного распада,

Скрывалась некая себя непомнящая сущность;

45. Живой она осталась в убитом и погребенном прошлом,

Приговоренной, чтоб восстановить усилие и боль,

Ожив в еще одной вселенной несбывшихся надежд.

Сознание без формы возжелало света,

А провидение пустое стремилось к отдаленным изменениям.

50. Как будто детский пальчик, коснувшийся щеки,

Напомнил о постоянной потребности в еде

Вселенской Матери, внимание к ребенку потерявшей;

Простор угрюмый охватило страстное желание младенца.
Вот, незаметно где-то была пробита брешь:

55. Трепещущая линия одна, большая,
Как смутная улыбка, влекущая заброшенное сердце,
Тревожила далекий край туманного сна жизни.

С другого края беспредельности прибыв,
Глаз божества проглядывал из тех немых глубин;

60. Посланником от солнца, казался он

Средь плотного вселенского покоя,
Скучающего мира и оцепенения застоя;

Пришел искать он дух покинутый и одинокий,

Упавший слишком низко, чтобы вспомнить забытое бла-
женство.

65. И вклиниваясь в космос, лишенный разума,

Его послание проползло сквозь тишь глухую,

Взывая к приключению сознания и к радости,

И, покорив разочарованную душу самой Природы,

Принудило добиться вновь согласия осязать и видеть.

70. В беззвучной Пустоте была посеяна надежда

И чувство рождено в глубинах темноты,

И в сердце Времени затрепетала память,

Как если б душу, что давно мертва, подвигли к жизни:

Но то забвение, которое приходит вслед падению,

75. Покрыло пятнами исписанные сплошь таблички про-
шлого,

И нужно было всё разрушенное воссоздать,

И скрупулезно проработать старый опыт ещё раз.
Всё можно сделать, если есть прикосновение бога.
Надежда проскользнула там, где не осмеливалась быть,
80. Среди покинутого безразличья Ночи.

И как просящий милостыню во враждебном мире,
Осиротелый, изгнанный отыскивать пристанище,
С изяществом рискованым, инстинктивным,
Как странствующее чудо без собственного места жизни,
85. В укромный закоулок неба пришел

Неясный зов неспешного чудесного движенья.
Настойчивая дрожь творящего прикосновенья
Уговорила темное, инертное спокойствие,
И красота, и чудо разбередили божьи небеса.

90. Блуждающая длань неяркого чарующего света,
Что озарила блеклый край мгновенья,

Пометила там раму золотую с мерцающим на ней шарни-
ром

На приоткрытых на границе тайны вратах мечтаний.

Один сверкающий просвет, раскрывший спрятанную
суть,

95. Заставил различить завуалированную необъятность
мира.

Тьма пала, соскользнув, словно покров, спадающий
С лежащего под нею тела бога.

Затем сквозь бледный крошечный разрыв, казавшийся
сначала

Едва достаточным для струйки крохотной, от солнц идущей,

100. Излилось откровение и пламя.

Короткий вечный знак вновь свыше проявился.

Чарующая сила из миров недостижимых,

Послание бессмертного неведомого Света,

Радужное, с сияньем лучезарным невидимого Бога,

105. Плающее на трепетной границе этого творенья, -

Рассвет создал свеченье изумительных оттенков,

Посеяв семена великолепия в те часы.

И воссияло божество – мгновенья посетитель.

На тонком крае жизни Видение на миг остановилось,

110. И наклонилось, над изогнутым дугою и погружённым

в думы лбом земли.

Передавая сложную для понимания красоту

Мистического ощущения иероглифами цвета,

Оно писало строки знаменательного мифа,

Рассказывая о величии рассветов духа

115. Сверкавшими знаменьями, начертанными в небе в

качестве листа.

Почти тогда и появилось откровение,

Откуда наши мысли и надежды вспышками сигнальными нисходят;

Великолепье одинокое незримой цели

Было почти заброшено на темень Пустоты.

120. Свободные Просторы опять нарушил звук шагов;

Безбрежья центр, Лик блаженного покоя

Бессмертные приподнял веки, которые распахивают небеса;

Вблизи них показался Образ некий из блаженств далеких.

Посланница от вечности к грядущим измененьям,

125. Богиня, обладающая бесконечным знанием, склонил
ла голову над ширью,

Охватывающей звёзд маршруты, судьбою predeterminedённые,

И обнаружила пространства, пригодные для поступи своей.

Взглянув на солнце за своей спиной,

Она с вниманием огромным к работе вечной приступила.

130. Земля вплотную ощутила приход этой Богини:

Ухо Природы, пробудившись, услышало Её шаги,

И ширь земная к Ней обратила свой безграничный взгляд

В глубинах запечатанных была посеяна Ее улыбка,

Которая вдохнула душу в безмолвие миров.

135. Всё стало неким посвященьем, ритуалом.

Вибрирующей связью меж небом и землей стал воздух,

Ширококрылый гимн священных струй его

Возник и опустился на алтарь холмов;

Ветви деревьев в молитве обратились к откровениям небес.

140. И здесь, где в полусне неведение обходит бездны,

Которые лежат в немой груди двусмысленной земли,
Здесь, где никто не знает ничего на шаг вперед,
А Истина поставила свой трон на призрачном фундаменте
сомнений,

На этом поле тяжкого труда мучительном и ненадёжном,
145. Простёртая под неким широчайшим неподвзятым
взглядом,

Как беспристрастная свидетельница радостей людских и
бед,

Земля в смирении несла дающий пробужденье свет.
И этот свет видения, пророчества,
Окутал чудесами формы самые обычные и не имеющие
цели;

150. Затем божественное откровенье, истаяв в мире
смертном,

Став лишним и умолкнув, отстранилось.
Не полностью исчезло горячее стремление,
Святое преклонение перед Присутствием и Силой
И ясное предвиденье чудесного грядущего рождения –
155. Такое совершенное не может быть у смертью ограни-
ченных сердец.

Совсем недолго свет бога может в этом мире пребывать:
И, озаряющая образ человека, красота души
Очерчивала страсть свою и таинство Материи личины
И рассыпала вечность в мгновеньях Времени.
160. И, вот, когда душа приблизилась к порогу своего

рождения,

Который разделяет время смертных с Безвременьем,
А искра божества, утратившая в тайнике Материи
Свой блеск, исчезла в неосознающих планах,
Весь этот преходящий жар магического пламени
165. Тотчас растаял в атмосфере, привыкшей к свету.

Послание иссякло, и посланник убыл.

Тот одинокий Зов, та необщительная Сила -
Назад Она убрала в некий дальний тайный мир
Небесного луча цветное чудо:

170. Богиня отвела свой взгляд от мира смертных.

Богатство красоты, естественное для богов,

Едва ли сможет утвердиться в глазах того, чей век недо-
лог;

Таинственное слишком для космических владений

Божественное тело Славы было удалено с небес:

175. Диковина и чудо – Она покинула сей мир.

И день земной обычным светом озарился.

Истаял перерыв, работа утомительная снова закипела,

И шум быстротекущей Жизни

От поисков Её слепых пошел кругами.

180. Все обратились вновь к своим делам обыденным и
неизменным;

Весь мир живой на всей земле повиновался, как и прежде,

Всем импульсам непредсказуемых мгновений.

И главным здесь, с изменчивым умом своим,

Единственным, кто смотрит пристально в сокрытый лик
грядущего,

185. Стал человек, взваливший ношу судьбы такой себе
на плечи.

Вот, и Савитри пробудилась среди тех людей,
Которые примкнуть спешили к чудесной песне Глашатая
небес

И, соблазнившись красотой видимых путей,
Излили громко свою долю недолговечного восторга.

190. Сродни той вечности, откуда вышла, -

Она участия не принимала в восторгах этих;

Не отзывался Гость внутри нее, обретший тело -

Могущественный странник в мире этом молчал.

Зов этот, что пробуждает в человеке скачки воображенья

195. И страстный переменчивый мотив погони,

Иллюзию желанья, окрашенную дрожью,

Явился в её сердце чуждой сладкозвучной нотой.

Не для Савитри было послание Времени в мгновеньях
света.

Внутри нее было страдание богов,

200. На время в нашу человеческую форму заключенных,

Бессмертье, побежденное материальной смертью.

Однажды ей уже принадлежал восторг Природы обшир-
ней этого,

Но не смогла она его оставить в этой хрупкой земной ос-

нове

Или надолго сохранить в себе его небесно-золотистый цвет.

205. Движение малое внутри глубокой бездны Времени
И хрупкую ничтожность жизни, что отрицает Силу,
И широту осознающую и гордую вместе с блаженством
Она в отлитый образ человека привнесла с собой,
Добавила восторг невозмутимый, что соединяет душу од-
ного со всеми,

210. Прибавила ключ к пламенным дверям блаженства.
Земли крупица, которая нуждается в живице слез и радости,

Отвергла благо вечного восторга:

Она отдала тот самый цветоцвет любви,
Что был вручен ей – безграничья дочери.

215. Напрасной оказалась это жертвоприношение её.
Своей божественности драгоценной щедрость,

Саму себя, всё, чем была, она отдала людям в услуженье,
Надеясь существо свое возвышенное в них вживить,
И приспособить к жизни в их телах всё то,

220. Что небеса могут естественно взрастить на смертной почве.

Непросто к изменению земной природы людей склонить;
Смертные с болью переносят прикосновение вечности:
Они страшатся чистой нетерпимости небес,
Атаки их эфира и огня;

225. Они ворчат на счастье беспечальное свое,
Почти что с ненавистью отвергают свет, который им при-
носят боги;

Они дрожат от силы их обнаженной Истины,
От свежести и мощи ничем не ограниченного Голоса
небес.

Накладывая бездн закон на выси те,
230. Они пятнают грязью этой посланников небес:
Шипы природы падшей – та защита,
Что обращают смертные против спасительных рук Мило-
сти;

И Бога сыновей они встречают смертью и болью.
А слава озарений, пересекающих земную сцену,
235. Их гаснувшие солнца-мысли – всё померкло от несве-
дущих умов,

Работа предана, добро обращено во зло,
Они лишь крест воздвигли – вот, за величье плата их,-
Оставив позади всего одно прославленное Имя.
Огонь уже пришел, коснулся человеческих сердец и убыл;
240. Лишь часть людей то пламя подхватила и обратилась
к высотам жизни.

Мир слишком разный пришла улучшить и спасти Савит-
ри,

Его несведущую душу тяготило ее величье,
И из туманной бездны пришел ответ ужасный,
Как отголосок той борьбы, падения и горя.

245. Жить вместе с горем и смерти смотреть в лицо Савитри предстояло,

И участь смертная уделом стала её Бессмертья.
Таким путем попавшая в капкан земных судеб,
Покинутая счастьем, присущим от рожденья ей,
Земное одеяние темной жизни примеряя,

250. Скрывая суть свою даже от тех, кого любила,
Свершившегося часа тяжелых испытаний ожидая,
Божественность возрастала человеческой судьбой.
Разъединило мрачное предвиденье её

От всех, кому она была сияющей звездой, опорой;

255. Столь сильную опасность и такую боль делить с другими невозможно;

То горе, что должно прийти, она таила в своих израненных глубинах.

Как тот, кто наблюдает за людьми, слепыми от рожденья,
И взваливает ношу расы, не осознающей это, на себя,

Прибежище врагу давая, которого должна питать своей сердечной мукой,

260. Она предстала лицом к лицу пред неизвестными делами и судьбою;

Не ожидая помощи, пришлось ей ужас испытать, и бросить вызов, и предвидеть.

Давно пришло предсказанное, роковое утро,
С собою принесся вослед обычный будний полдень.

Природа следует вперед, могущественный избирая путь,

265. Не обращая совсем внимания на то, что разбивает
жизнь иль душу;

И, умерщвленных оставляя за собой, идет она вперед:

Лишь примечает это человек, и видит всё всевидящее око
Бога.

Но даже в тот момент отчаянья души,

В свидании жестоком с болью и неизбежной смертью,

270. Не вырвался из губ Савитри ни зов о помощи, ни да-
же стон;

Ни с кем не поделилась она тайной своей беды:

Спокойным было её лицо, и мужество безмолвной делало
её.

Лишь внешнее страдало существо, усиля прилагая;

Божественной наполовину была в ней человечность:

275. Открылся дух её всесущему и всеобъемлющему Ду-
ху,

Её природа ощутила всю Природу своею собственной.

Все жизни по отдельности несла она внутри себя;

Весь мир она в себе держала, невозмутимо отстранив-
шись:

Единым стал благоговейный страх её с великим страхом
мира,

280. А сила опиралась на космические силы,

И с ней была любовь вселенской Матери.

Но по сравнению со злом, боль приносящим основам жиз-
ни,

Её беда была всего лишь обычным рядовым явлением;
И из страдания своего она сковала тайный острый меч.

285. Весь разум свой и сердце, открытое для всех людей,
Она отдала для работы безответной и бессмертной.

Сначала горя не было в груди Савитри;

И жизнь её, объятая врожденной земной дремотой,

Инертная, свободу получившая внутри забвения,

290. Распростиралась на горизонте разума, по сути оста-
ваясь не сознательной.

Жизнь эта была глухой и безмятежной, как камень и звез-
да.

Савитри пребывала в тишине, вдали от скорби и печали,
В расщелине глубокой, меж царствами двумя.

Ничто не говорило здесь о горе.

295. Затем пришло воспоминанье слабое, похожее на
тьень.

Вздыхнув, сложила руки на груди она

И осознала близкую мучительную боль, глубокую и
тихую,

Такую старую, вдруг ставшую естественной для места это-
го:

Не знала, лишь, она, зачем и как боль эта появилась здесь.

300. Была ещё удалена отсюда Сила, что зажигает разум:

Тяжёлыми, не склонными к работе оставались люди – слу-
ги жизни,

Словно работники, не получившие еще оплату за блажен-

СТВО.

И не желал гореть печальный факел чувств,
А мозг, лишённый помощи, не находил следов былого.

305. И лишь земная смутная природа хранила образ прошлого в себе.

Но, вот, Савитри шевельнулась, космическую тяжесть ощутила жизнь её.

И по беззвучному приказу тела

Назад вернулся сильный быстрокрылый дух её -

Назад, под гнет своей судьбы, одев ярмо невежества,

310. Назад, к труду и стрессу смертных дней,

Дорогу освещая сквозь виденья странных знаков,

Через моря слабеющих с рассветом снов.

Затем природы дом невидимое колебанье ощутил,

И все укромные его места без промедленья озарились,

315. И по часам открылись дверные створки памяти,

И мысли устремились к тем дверям усталой поступью.

Пришли к Савитри снова Земля, Любовь и Смерть,

Что спорят вечно, и стали, окружив ее,

Как образы гигантов, сражающихся издавна в ночи:

320. Те божества, рожденные из Несознания смутного,

К борьбе и к острой и душевной боли пробудились.

И там, под тенью пламенеющего сердца,

В том мрачном центре внушающего ужас спора

Пучины безутешной страж,

325. Наследующий долгую агонию земного шара,

Подобно каменной фигуре высокой божьей Боли,
Смотрел в Пространство беспристрастным и застывшим

взглядом

И видел горя вечные глубины, не замечая жизни цель.

Суровая божественность ему боль причиняла,

330. И, к трону своему прикованный, он удовлетворенья

ждал

От ежедневной дани слез, ею непролитых еще.

Вернулся вновь вопрос жестокий о мгновеньях жизни человеческой.

Страданий и желаний жертвоприношение,

Что предлагает бессмертному экстазу Земля,

335. Вновь стало совершаться под вечной дланью Бога.

Уже неспящая Савитри без ропота стерпела марш сомкнутых мгновений

И посмотрела на этот мир зеленый и улыбочивый, но сопряженный с риском,

И услышала невежественный крик живых творений.

Среди обычных звуков на повседневной сцене

340. Её душа восстала, противостоя Судьбе и Времени.

Недвижная внутри, Савитри собирала силу.

То был тот самый день, когда уйти из жизни был должен Сатъяван.

Конец Песни первой

Песнь вторая

ИСХОД

На время опустившись в мысли тайники,

Савитри разум переместился к многоликим воспомина-
ниям прошлого,

Ожившим вновь, и осознал цель их прихода:

Воспоминанья, угасая, в ней нерушимо жили;

5. То прошлое, как призрак «я» невидимый и роковой,

И преходящий, и исчезающий из преходящих глаз,

Несло в своей груди фантомной будущее наше.

По следу быстро исчезающих событий, повернутому
вспять,

Неумолимо двигался поток минут.

10. На берегу таинственного этого излива,

Что населен был видами известными, исчезнувшими ны-
не,

И образами тонкими того, что раньше было,

Стоял свидетель-дух Савитри, обзревая Время.

Всё то, о чем она мечтала и на что надеялась, всё, что сбы-
лось,

15. Умчалось на орлиных крыльях в Лету сквозь небеса
ожившей памяти.

Как будто в многоцветьи внутреннего жаркого рассвета

Широкие дороги и тропы милые, влекущие по жизни,

Предстали пред её, как солнце, чистым, всё фиксирующим взглядом:

От ярких дней в стране чудесной детства

20. И юности, парящей среди лазурно-синих гор и райских рощ,

И крыльев ослепительных Любви

До темного оцепенения под молчаливой тенью рока,

Когда в последнем повороте с адом состязались небеса.

Двенадцать страстных месяцев вели ко дню несчастья.

25. Нисходит полная и сверхъестественная тьма

На человека иногда, когда он начинает приближаться к Богу:

Приходит час, когда недостает всех средств его Природы;

Тогда из-под Неведения защиты вытесненный разом,

Отброшенный назад к своим элементарным изначальным нуждам,

30. Он должен скинуть, наконец, с себя свою поверхностную суть

И неприкрытой стать сущностью, что обитает внутри него:

Такая участь для Савитри выпала в тот день.

Настал момент решить, должна ли жизнь напрасной быть

Иль нужно пробудить в себе бессмертную стихию,

35. Такую свою волю, что тела своего судьбу отменит.

Ведь, только Дух бессмертный своею вечной силой

Ярмо, рождением наложенное бранным, может снять.

И только это «Я», что создает тот самый образ «я»,
Может стереть весь этот ряд застывший, непрерывный,
40. Что именами разными соединяет все бесчисленные
жизни,

Личины эти разные, забывшие себя,
И скрытно наблюдает в сознательных деяньях наших
За шлейфом старых забытых мыслей и поступков,

Не признавая завещаний от наших погребенных «я» -
45. Наследства тягостного наших форм, исчезнувших на-
век,

Вслепую принятого телом и душой.

Был в этих наблюдениях как будто эпизод забытого рас-
сказа:

Утеряно его начало, мотив и фабула сокрыты;

История, прожитая однажды, всё подготовила и создала
50. Судьбу, дарованную нам сейчас – дитё энергий про-
шлых жизней.

Вот этот стойкий ряд космических последствий,

Скрепленных прочно связями сокрытыми и неизбежны-
ми,

Должна была Савитри разорвать и низвести одной лишь
силой своей души,

И прошлое свое – преграду на пути к бессмертью –

55. Ей нужно было сравнять с землей и заново сформиро-
вать свою судьбу.

А диалог с Богами изначальными,

Которые встречаются на границах неизвестного,

Её души спор с воплощенным Небытием

В опасной, смутной обстановке ей нужно было выиграть:

60. С бесформенной Причиной должно было столкнуться

существо её,

И всей вселенной противопоставить одно лишь «я» своё.

Там, на вершине голой, где «Я» стоит перед пустым Ни-

что,

А жизнь теряет смысл, и у любви опоры нет,

Свое решение нужно защитить Савитри на грани смерти,

65. В пещере угасания людей о беззащитном требовании

жизни заявить

И право отстаять своё быть и любить.

Необходимо изменение внести в устройство строгое При-

роды;

Она должна добиться освобождения от прошлого оков,

И старый счет страдания погасить,

70. И вычеркнуть из Времени соединенный длинный долг

души,

Тяжелые обременения кармических Богов

И медленную месть неумолимого Закона,

Тяжелую необходимость вселенской боли

И жертву тяжкую, и результат трагический.

75. Она должна прорваться за барьер, где Время не суще-

ствует вовсе,

Проникнуть глубиною мыслей в чудовищную тишь Пусто-

ты,

Взглянуть в страдающие от одиночества глаза бессмертной Смерти

И обнаженным духом своим измерить Бесконечность ночи.

Великий миг, страданье приносящий, теперь стал ближе.

80. Словно у войска, одетого в броню и марширующего к своей судьбе,

Те дни последние и долгие прошли тяжелой поступью,

Хотя и долгие, но всё же быстротечные и слишком приближавшие конец.

Одна среди множества любимых лиц,

Одна, осознающая, среди сердец счастливых, неосознающих -

85. Дух, защищенный её броней, дежурство нес в те самые часы,

Прислушиваясь к потрясающим предвиденным шагам

В сокрытой красоте не свойственных для человека чаш.

Как воин на арене смолкшей, грозной,

Она стояла ради мира, не знающего ничего об этом:

90. Не ожидая помощи, Савитри сберегала Силу внутри себя;

Отсутствовали здесь глаза земных свидетелей;

Природа одинокая внизу и Боги наверху

Лишь были очевидцами того наполненного мощью спора.

Суровые холмы, стремящиеся к небу, были вокруг нее,

95. Обширные зеленые леса с их шелестом глубокомысленным,

Невнятно бормотавшие приглушенное заклинание.

Густая, пышная и красочная жизнь, сокрытая от всех, сама в себе,

Задрапированная в монотонность насыщенно-зеленых ярких листьев,

И множество цветов веселых в пестрых солнечных лучах

100. Стеною окружили сцену судьбы её, уединенную от всех.

Там поднялась она к высотам духа своего:

Дух-гений тех немислимых безмолвий,

Что душу пропитал её своим бескрайним одиночеством,

Открыл ей чистую реальность её сути,

105. Соединив вплотную Савитри с этим окруженьем.

То одиночество часы её людского воплощенья подняло

До уровня основы вечной, уникальной.

Сила прямых и очень скромных нужд

Уменьшила всю тяжесть повседневных человеческих забот,

110. Обременительную массу потребностей ненужных,

Оставив только тонкий и первичный слой простых физических желаний;

Земли же первобытной потрясающая первозданность,

В раздумья погрузившийся глухой массив деревьев

И в размышлении застывшее сапфировое небо,

115. И значимость формальная неспешно шествующих
месяцев

Оставили обширное пространство ей для Бога и надежды.
Так её драмы прожит был сияющий пролог.

Для вечности шагов установилось место на земле -
Одно среди томления лесов.

120. За ним присматривали острые лучи стремленья,
Взирающие сквозь золотистый Времени просвет.

Здесь тишина, подслушивая, ощутила слова еще не ска-
занные ею,

Часы совсем забыли здесь о движеньи, ведущем к печаль-
ным измененьям.

С внезапностью, присущей божественным пришествиям,

125. Вновь повторяя чудо нисхожденья первого

И превращая в восхищенье вялое земное движение по
кругу,

Любовь пришла к ней, затмевая мрак и смерть -

Так бог Любви нашел в ней свой совершенный храм.

С тех пор, как к небесам тянуться начало земное существо

130. На жизненном пути суровых долгих испытаний,

Луч Света ни одно творенье не несло в себе ещё -

Луч испытаний разных Богом существа людского,

Молниеносный, из небес в пучины наши.

На благородный род указывало всё в Савитри.

135. Небес наперсник, тесно связанный с просторами зем-
ли,

Возвышенный и скорый её юный дух-провидец,
Через миры великолепья и покоя шествуя,
Перелетал при помощи воображенья к явлениям нерождён-
дённому.

Савитри воля была яркой, без ошибок, с несомненным са-
мообладанием;

140. А ум её, как море искренности безупречной,
Неистовый в потоке, не содержал в себе волн мутных.
Подобно динамичному мистическому танцу жрицы
Экстазов чистых и совершенных, которую ведет
И вдохновляет свод откровений Истины -

145. Той самой жрицы, что танцует у богов в пророческой
пещере, -

Подобно танцу, сердце тишины в руках восторга божьего
Наполнило ударами глубокими творящими -
Ударами сей притчи о рассвете – всё тело,
Что приютом оказалось божественности скрытой

150. Иль дверью золотою храма в запредельный мир.
Бессмертья ритмы в поступи её земной царили;
Её улыбка, её взгляд будили ощущение небес
Даже в материи простой, а интенсивный их восторг
Лил щедро неземную красоту на все людские жизни.

155. Деянием врожденным была её неограниченная жерт-
венность;

Великодушие такое же обширное, как море или небо,
Окутывало своею мощью всё, что приходило,

И создавало ощущение величия мира:

Её заботливость была как солнце нежной и спокойной,
160. А страсти пыл был в равновесии, как голубое небо.

Душа ее летела как загнанная птица,

На крыльях утомленных уносясь из штормового мира,

В стремлении достичь покоя на груди воспоминаний -

В приюте безопасной и прекрасной нежной тишины,

165. Где можно заново испытать всю жизнь в потоках сла-
достных блаженства,

Восстановить утерянное состояние счастья,

Вновь ощутить великолепье атмосферы природы светлой,

Очистить радость под её горячим многоцветным управле-

нием.

Неисчерпаемая бездна сострадания, алтарь безмолвия -

170. Её душевная поддержка открыли врата небес;

Любовь её была обширней всей вселенной,

И в сердце её мог получить прибежище весь мир.

В нём пребывало божество Любви в своем величьи без-

граничном:

Вне атмосферы ограниченной, в неволе содержащей су-
щество её,

175. Она могла реально ощутить дыхание духа тонкое,

Высокое настолько, что было в силах сделать всё вокруг

божественным явлением.

Ведь, даже глубины существа её являлись тайниками света.

Она была и словом, и молчаньем в одночасье,

Материком покоя, что распространяет сам себя,

180. И океаном чистого бесстрашного огня;

Безмолвие богов и сила их принадлежали ей.

В ней бог нашел такое же безбрежие Любви, как у себя,

И здесь же он обнаружил высь небес с их тонкой теплотой,

В которой двигаться он мог, как в доме своём родном.

185. В ней он увидел свою же собственную вечность.

И даже нить печали до той поры не прерывала её луч света.

С тех пор, как мысли взор в теле её, дыханьем скованном,

В теле, живущем на груди земной, непрочной, брэнной,

Взор тот, с симпатией открытый к счастливым звездам,

190. Где жизнь не подвергается печальным измененьям,

Припомнил красоту, которую не открывали смертью движимые веки,

И удивился земному миру слабых хрупких форм,

Влекомых парусами Времени блистающего,

Была с ней неподвластность вечных, не рождённых Сил.

195. И хоть она склонилась под тяжестью земною,

Шаги её, всё ж, были соразмерны шагам Богов.

Дыхание земли не в силах было запятнать сверкающее зеркало:

И, не затронутое пылью нашей смертной атмосферы,

Восторг небес духовный оно всё также отражало.

200. Все те, что жили в круге света самой Савитри, едва

ли видели

В извечных небесах её блистательного друга детства,
Спустившегося из царств недостижимых

Во след пришествию её, такому яркому и притягательно-
му, -

Парящую над нею Феникс-птицу бесконечного блажен-
ства,

205. Парящую на крыльях, что ярким пламенели огнем:
Небес защитник, исполненный покоя, охранял дитя, на-
правленное с миссией.

Богатой красками орбитой был первый срок её,
А годы те сменялись, как золотые одеяния богов;
И в счастье том безветренном на троне восседала моло-
дость её.

210. Но радость эта не может продолжаться вечно:

Есть тьма в материи земной, что не желает,

Чтобы долго длилась излишне радостная нота.

Неотвратимая Рука была к Савитри слишком близко:

Так облаченная Бессмертьем попала в ловушку Времени.

215. Тот, кто встречает существ великих, взваливших бре-
мя на себя, нашел её.

Определил он путь и испытанье тяжкое,

Избрав для страшной жертвы её души

Паденье, смерть и горе единственными стимулами духа, –

Бог сомневающийся факелом страданья этим

220. Открыл перед Савитри бездну мира несовершенного,

Призвав её заполнить пучину эту своей бескрайней сущью.
Бог царственный, безжалостный, своим спокойным взгля-

дом

Фиксирующий Вечности ужасную стратегию,

Измерил затруднение могуществом Савитри

225. И вырыл ещё глубже пропасть, которую должно всё

человечество преодолеть.

Атаковав внезапно божественную суть Савитри,

Он сделал её сердце сражающимся сердцем человека,

А силу её заставил следовать по предназначенной дороге.

Как раз для этого она и приняла обличье смертное;

230. Она пришла сражаться с этой Тенью, и ей пришлось

Лицом к лицу столкнуться с загадкой существования че-

ловека

И кратковременной борьбой жизни в ночи Материи

немой.

Смириться ей с Невежеством и смертью

Или дорогу проложить в Бессмертье

235. И победить в божественной игре за человека, или

проиграть –

Выбор души её определился жребием Судьбы.

Но родилась она не для того, чтобы страдать и покоряться,

Вести вперед, освобождать была её блистательная роль.

Её соткали не из земной материи, пригодной только

240. Для деяний несерьезных, обычных Сил.

Отображение фигуры, мятущейся на полотне Судьбы,

Которую наполовину оживили для шоу преходящего,
Или фигуры, потерпевшей кораблекрушение в Желанья
океане

И брошенной в водовороты игры жестокой,

245. Швыряемой по безднам Случая,

Или творение, рожденное сгибаться под тяжестью ярма

Невольником, игрушкой Времени-владыки,

Иль пешка ещё одна, судьба которой быть продвинутой

на шаг -

Шаг небольшой вперед, один, на той доске неисчислимых

жизней

250. В той шахматной игре земной души с неумолимым

Роком -

Так представляется фигура человека, изображаемая Вре-

менем.

Сознательное тело, Сила, породившая себя – она пришла

на Землю.

В загадочном явлении текущих сумерков богов,

При тихом, странном и нелегком компромиссе

255. Природы ограниченной с Душою безграничной,

Где двигаться должно всё меж предопределенным Случа-

ем

И равнодушной слепой Необходимостью,

Души огонь не смеет слишком высоко взлетать.

Но если он однажды встретит Пламя изначальное, глубо-

кое,

260. Прикосновение это уничтожить может все сотворенные ограничения,

И перед силой Бесконечья земля склонится.

Тюрьмой является весь этот необъятный материальный мир:

В нём поперек любой дороги стоит намертво врытый, твердокаменный Закон,

И стражи серые, огромные шагают перед каждым вратами.

265. Тот серый трибунал Невежества –

Святая Инквизиция жрецов Ночи –

Сидит над приговором душе-авантюристке,

А двойственные заповеди и Кармы правило

Удерживают Бога и Титана в нас:

270. Боль с неизменной плетью, радость с платой серебром

Стоят на страже Колеса, крутящегося вхолостую.

Они в оковы заключают тот разум, что карабкается ввысь,

Печатью запечатывают сердце, распахнутое настежь;

А Смерть задерживает Жизнь, шагающую в поиске открытий.

275. Так пребывает в безопасности трон Несознания,

Пока неспешно исчезают друг за другом целые эпохи,

А Существо живое пасется за оградой священной,

И Сокол золотой не может больше в небеса взлететь.

Но, вот, поднялся кто-то и зажег огонь, не ограниченный

ничем.

280. Хоть и была она осуждена той темной Силой, что ненавидит счастье,

В ужасном том суде, где жизнь должна платить за радость,
И чисто механически судья приговорил её

К мучительному испытанию бременем всех человеческих надежд,

Но, всё ж, Савитри не склонила головы перед суровым приговором

285. И сердце беззащитное не обнажила судьбы удару.

Обычно так должна склоняться воля человека, порожденная умом,

Послушная законам прошлых лет,

Без жалоб принимающая вызов этот низших богов.

Но в ней было посеяно сверхчеловеческое семя.

290. Крылья могучие мечты не смог сложить Савитри дух,

И отказался он искать обычный путь

Или, найдя, что смыслы жизни золотые все утрачены,

С землей смириться, вычеркнутой из списка звездного,

И погасить отчаяньем черным Свет, который был дарован богом.

295. Привыкшее к началам истинным и вечным,

Савитри существо осознавало свои божественные корни

И не просило смертного непрочного освобождения от боли,

И не латало неудачу соглашеньем или компромиссом.

Было известно ей, какую нужно выполнить работу и что сказать;

300. Историю души своей, ещё незавершенную, записывая

Посредством дел и мыслей, начертанных в книге Природы, -

Она не согласилась закрыть страницу жизни светлую

И отменить свое общение со всею вечностью

Или безвольным согласиём своим скрепить

305. Баланс жестокий предстоящего обмена в мире этом.

Та сила, что трудилась в ней упорно с той поры, как сотворили землю,

В жизнь претворяя план великого мироустройства,

Осуществляя после смерти намеченные бессмертьем цели,

Отвергла с отвращеньем роль разочарования бесплодного,

310. В которой утрачивался смысл рождения во Времени,

И отказалась подчиниться воле случайных фактов

Иль предоставить слепому случаю высокую судьбу свою.

В себе самой она нашла надежное спасительное средство,

И право суверенное свое поставила она против железного закона:

315. Одна лишь её воля противостояла космическому принципу.

Восстало благородство это, чтоб колесо слепое Страшно-

го суда остановить.

Незримый постучался в тайные сокрытые врата Савитри,
И её сила, возросшая стократно от этого удара молнии
Во глубине души, тотчас же пробудилась ото сна.

320. И вынесла она этот удар Того, кто убивает и спасает.

Став на пути внушающего страх движенья, невидимого
простому зрению,

Преградой став ужасу маршрута, который изменить не в
состоянии никто,

Она столкнулась с машинерией вселенной лицом к лицу;
Восстало сердце на пути катящегося колеса:

325. Гигантское вращенье приостановилось перед ним -

Так повстречали огонь души те непреклонные обычаи.

В её руках вдруг оказался магический рычаг,

Что вечно направляет волю Невыразимого сокрытого:

Молитва, дело мастера, велика идея

330. Соединить способны силу человека с трансцендент-
ной Силой.

Тогда любое чудо становится всеобщим правилом,

Одно могучее деянье может изменить весь ход событий;

Единственная мысль при этом становится всесильной,
всемогущей.

Сейчас всё кажется нам необъятным скопищем Природы
механизмов;

335. Порабощенье безграничное материи законом

И затяжного предопределенья цепь железная,

Природы прочные и неизменные привычки, что имитируют Закон,

Её империя, подобная искусной, но не осознающей ничего машине, —

Всё это отменяет право свободной воли для человека.

340. Он кажется машиной среди машин:

При этом поршень его мозга выкачивает мыслей образы наружу,

А бьющееся сердце вырезывает образы эмоций;

И без сознания энергия как будто фабрикует душу.

Или фигура мироздания являет признаки Случайности,

345. Привязанной к сбивающему с толку шесту Материи,

Вокруг которого Природа повторяет циклами свои вращения.

Тогда здесь проявляется случайный ряд слепых событий,

Которых разум человека наделяет иллюзорным смыслом,

Иль Жизни инстинктивный поиск, что опирается на чей-

то опыт,

350. Иль грандиозная работа погрязшего в невежестве

ума.

Но, вот, приходит мудрость, и возникает виденье глубинное, -

Тогда Природы инструмент сам коронует самого себя её царем;

Он ощущает свою сознательную силу и существо свидетеля;

Душа его со стороны взирает за игрой Природы и видит высочайший Свет.

355. Так позади машины грубой, плотской Божественность встает.

В огне триумфа эта истина ворвалась;

Победа завоевана была для Бога в человеке,

И божество явило свой скрытый прежде лик.

Великая Мать Мира в Савитри тотчас же восстала:

360. Холодный мертвый поворот судьбы сменился выбором живым,

И поступь духа утвердилась над Обстоятельством.

Отбросила она бесчувственное, страшное, идущее по кругу Колесо,

И тотчас же остановила безмолвный марш слепой Необходимости.

Воитель пламенный с вершин непреходящих,

365. Кому дозволили своею силой открыть закрытую мешающую дверь,

С личины Смерти сбросил маску её глухого самовластья

И разорвал сознания и Времени границы.

Конец Песни второй

Песнь третья

ЙОГА ЦАРЯ:

ЙОГА ОСВОБОЖДЕНИЯ ДУШИ

Желание вселенной явило свету появление Савитри в теле
бренном.

Передний край извечных поисков возглавив,
Главный герой в этом таинственном спектакле,
Где Неизвестное исследует себя в различных формах
5. И ограничивает свою вечность predetermined с ро-

ком,

А Пустота слепая создает усилия, чтобы жить и видеть,
Герой-мудрец и труженик, творящий совершенство,
Внёс силу светоносную в стремление молчаливое Земли.
Из высших сфер дух Ашвапати опустился

10. И в поле зрения людского недолговечного попал -
Был он посланцем к нам из вечности далекой.

Его рождение было символом и знаком -

Лучом, ведущим человека по неизведанным земным до-
рогам;

И человеческая суть его, подобная прозрачному покрову,

15. Скрывало то Всеведущее, что за руку ведет незрячий
мир.

С космическим Пространством, Временем был тесно свя-
зан он,

Земле и человеку выплачивая Бога долг,

Поскольку в праве этом был, являясь Ему сыном.

С невежеством, присущим смертным, хоть и соглашаясь,

20. Всезнание его несло всем людям Свет невыразимый.
Подобно силе некой Постоянства изначального,
Притянутой к мгновениям потоку,
Хранил в себе он образ всех Пространств, лежащих поза-
ди мгновений этих:

Была в нем мощь, Непостижимому присущая.

25. Архивовед всех тайных знаков Реальности потусто-
ронней,

Сверхчеловеческих мечтаний охранитель -

Печатью был отмечен он воспоминаний мощных,

И грандиозные лучи их лил он на человеческую жизнь.

И долгим ростом были дни его навстречу Вседержителю.

30. Направленное к небу существо, питающее свои корни

Пищей из источников оккультных и духовных,

Взбиралось белыми лучами навстречу к еще невидимому

Солнцу.

Его душа была посланником всей вечности,

Был ум его похожим на огонь, вздымающийся к небесам,

35. А воля – охотником, стремящимся идти по следу све-

та.

Был каждый вздох его подобен всплеску океана,

Каждое действие носило отпечаток бога,

Мгновенье каждое было как взмах могучих крыльев.

И небольшой кусочек нашей смертной жизни,

40. Которого коснулся житель тех высот,

Живого Бесконечья становился игровой площадкой.

Телесный внешний вид – не всё, что существует,
Форма обманчива, а личность только маска;
Силы небесные сокрытыми в глубинах человека нахо-
дятся могут.

45. Его кораблик хрупкий перевозит через море лет
Обличие Нетленного, доселе неизвестное.

Дух пребывает в нас, являясь Бога пламенем,
Частицей огненной чудеснейшего Дива.

Творец он своего блаженства и красоты своей,

50. Бессмертный в нашей смертной малости.

Этот ваятель внешних форм того же Бесконечья,

Этот завесой защищенный Обитатель, непознанный ещё, -

Он – самопосвященный в мистерии, сокрытой плотною

вуалью, -

Идею космоса свою сам прячет в семени немом, ничтожно

малом.

55. С негласной силою оккультной той Идеи,

Что свыше предопределяет действие и форму,

Он переходит от жизни к жизни, поднимаясь по ступеням,

Меняя воплощенное самим собою «я» от формы к форме;

за образом своим

Приглядывает сущность, которая растёт под взглядом

пристальным его,

60. И в червяке ничтожном бога он грядущего предвидит.

В конце концов, скиталец этот по дорогам Времени

К границам вечности приходит.

Задрапированный под преходящий образ человеческого рода,

Он остро ощущает собственное вещество – неумирающее «я» -

65. И тотчас же теряет своё родство со смертными людьми.

Луч вечности пронзает его сердце,
Мышление его уходит в бесконечность,
И обращается всё в нём к просторам духа.
Душа его срывает все покровы, чтобы с Божественной душой соединиться,

70. А океан Сверхжизни поглощает жизнь его.

Уже напился он из Матери миров груди;
Его структуру наполняет Сверхприрода:
Она воспринимает его духа вечную основу
Незыблемым залогом её изменчивого мира

75. И формирует образ ею не рождённых ещё сил.

Мать-созидательница вечно постигает в нём себя,
В творении этом истинных её деяний:

Её лицо проглядывает сквозь его личину, в его глазах блещут её глаза;

И существо её в единстве с ним глубоко состоит.

80. Затем Божественное, бывшее сокрытым, на свет выходит.

Единство неизменное, а также динамическая Сила
Нисходят в человека, как неотъемлемые знаки Божества;

Его душа и тело получают этот превосходный образец.

Жизнь человека – это подготовка с неясной долгой перспективой,

85. Как круговерть тяжелого труда, надежды, мира и войны,

Проложенная Жизнью на неизученной материи земли.

И в восхождении своём к вершине, которой не касался ещё никто,

С огнем выискивает он сквозь полумрак гипотез

Едва знакомую сокрытую реальность, всегда теряемую всеми.

90. Он ищет что-то иль кого-то, ещё не найденного прежде,

Он ищет поклоненье идеалу, которого никто здесь не достиг,

Спиралью бесконечных взлетов и падений,

Пока в конце концов он не достигнет той гигантской выси,

С которой его Слава озарит того, кто сделал нас,

95. И мы ворвёмся в бесконечность Бога.

Мы совершим побег через границу нашей собственной природы

Под свод живого света Сверхприроды.

Сейчас всё это стало ясно Ашвапати – сыну Силы.

В нём этот высший переход положен был в основу.

100. Сам внеземной и изначальный Имманентный,

Искусством чьим является течение Природы,

Творец вселенский в этом свою руку тайно приложил,
Чтоб в скоротечность погруженную машину к деяниям
небесным повернуть.

Высокое Присутствие трудилося позади двусмысленной
завесы:

105. Оно ковало для Ашвапати почву, чтоб вынесла она
Титана вес.

И очищая полуотёсанные блоки природной силы,
Оно вмуровывало его душу в скульптурное изображение
бога.

Творец материи чудесной для наших «я»,
Над сложным и высоким замыслом своим трудясь
110. В безбрежной мастерской космического мира,
Лепил ритмично части существа во Времени своём.
Внезапно чудо запредельное явилось:
То в муках родовых в оккультном лоне жизни
Его Величество, сокрытое под маской, безусловно очер-
тило

115. Задуманную им вершину всего того, что должно
быть.

Венец архитектуры всех миров,
В котором Небо и Земля таинственно переплелись, -
Божественность соединил он с планом смертным.
В тот час Провидец был рожден – блистательный гость
Времени.

120. Освободился ум его от тех ограничений, что вводит

Небо.

Грифоны – стражи Дня и Ночи – отступили,
И в Небе этом, ранее закрытом, прореха вскрылась;
Вернулось к прошлым целям сознательное существо его:
Ориентиры слабой личности исчезли,

125. И остров его эго соединился с материком своим.

Преодолен был этот мир доселе жестко ограниченных созданий:

Барьеры пали, и к Неизвестному открылась жизнь.

Все соглашения прошлых пониманий были отринуты,

И, удаляя подчиненья строгое условие,

130. Был договор души с неведеньем Природы расторг-

нут.

Все мрачные запреты существа были отброшены,

И интеллекта яркая тяжелая узда разрушена,

И истина, отныне полная, нашла себе обширное небесное пространство,

И зрение небесное теперь всё видело и знало,

135. И безграничным светом стал разум, ограниченный

доселе,

И с бесконечностью отныне «я» смертное соединилось.

Его движенье с той поры напоминало полёт орла.

Закончился период ученичества, Неведеньем ведомый,

И Мудрость подняла его на уровень искусных мастеров,

140. Души небесным каменщиком сделав,

Чтоб тайный дом Бессмертия построить,

И претендентом стать божественного Вневременья:
Власть и свобода к нему воззвали с тех высот;
Над сумерками разума и ночью жизни, ведомой звездами,
145. Заря блеснула дня духовного.

Был в полном единении Ашвапати с обширной сущностью своей,

И с каждым разом реже все его поступки определялись человеческой природой;

Большее существо увидело мир больший.

Бесстрашное стремленье к знанию осмелилось стереть
150. Границы безопасности, очерченные Разумом, которые препятствуют

Его полёту и погружению души внутрь Бесконечья.

Неспешными, свободными, обширными деянья Ашвапати стали,

И даже первые его шаги земные, мелкие ограничения устранили.

Руками, подкрепленными Энергией преображенья,

155. Он ухватил без промедленья, как лук титана,
Лежащие в глубокой тишине в подвале тайном запечатанном

Те силы, что без пользы спят внутри всех нас.

Он чудо превратил в обычную работу

И сделал повседневной частью всех божественных деяний,

160. Вполне естественных для уровня такого.

Усилия, что делал он, могли бы вдребезги разрушить силу сердца смертного,

Но совершались в царстве том они с могучей простотой;

И цели ставил он великие для повседневных дел Природы.

Сплошным потоком шли к нему дары божественного духа,

165. Поскольку были привилегией и принципом подобной жизни.

Восторг глубокий приносило очищенное восприятие мира,

А внутреннее видение не ожидало долгих размышлений:

Природу всю оно охватывало взглядом быстрым и простым,

В суть самую всего вокруг оно смотрело;

170. Стал Ашвапати видеть душу, не обманываясь больше формой.

И восприятие чистое его то знало в людях, что таилось неизвестным в них;

Оно улавливало суть идеи в самом уме, желание любое – в сердце;

Оно срывало серые покровы тайны с побуждений,

Которые скрывали люди от собственного взора.

175. Он чувствовал, как жизнь, стучащая в сердцах других людей,

Вторгается в него с их горем или счастьем;

Невысказанные их надежды, гнев, любовь

Захлестывали волнами его или потоками вторгались

В ничем не заму́тненный океан его покоя.

180. Он слышал звуки мыслей, что нисходят свыше

И отражаются под сводами других умов;

Попали в поле зрения его потоки мыслей мира;

Так внутреннее «я» его приблизилось вплотную к «я»
других людей

И испытало на себе всю тяжесть общих уз, родства с дру-
гими,

185. Однако оставаясь незатронутым – царем, свободным
ото всех.

Магический аккорд настроил, оживляя,

Симфониям эфира в такт все старые земные струны;

Всех слуг ума и жизни в этом отклике души

Подвигнул тот аккорд счастливыми участниками стать,

190. А нерв и плоть в те самые чувствительные струны

И записи сиянья и экстаза превратить;

Все средства тела сделал он служителями духа.

Божественное это отправленье с присущей ему изяще-
ством и милостью

Его людскую приземленность осветило работой тонкой;

195. Так опыт жизненный глубинных связей тела

Заставил пробудиться душу, что одурманена влиянием
Материи была.

В глухой стене, что закрывает нас от нашей сущности,

В сокрытой тайне видимого сна -

Мистическом пространстве, что существует позади бессонных мыслей, -

200. Открылась дверь, силой Материи воздвигнутая,
Высвобождая то, что было не захвачено земными чувства-

ми:

Мир неизведанный и полностью незримый для внешнего
ума

Явился в протяжениях души, лишенных звуков.

Сидел в раздумьях в тайном этом зале Ашвапати,

205. В те страны светлые грядущего глядя,

Где стало истинною явью то, что грезилось его уму,

Где всё, что жизнь желает страстно, пододвигается вплот-

ную.
Он видел Совершенных, живущих там в жилищах звёзд-

Несущих на себе великолепие бессмертной формы

210. И возлежащих в бережных объятьях Вечного покоя,

Блаженных в сердцебиеньях божьего экстаза.

Он жил в мистическом пространстве, где возникает
мысль,

А волю кормят Силою небесной

И молоком достоинств Вечного питают,

215. Пока не вырастет она в подобье бога.

В сокрытых интерьерах, потаенных переходах

Оккультных залов самого Свидетеля со стенами, что ум

возвёл,

Открылись окна внутреннего взора.

Пространством Времени, что целостно и неделимо,
Ашвапати овладел.

220. Подняв тяжелую завесу плоти;

Ступил он на порог, что змей-хранитель ревностно стерёг,

И вглядываться стал в мерцающие коридоры Бесконечья,

Безмолвно вслушиваясь тихим сердцем

В пришествие чего-то нового и неизвестного ещё.

225. Он созерцал пустую тишь

И слышал поступь немыслимой ещё идеи

В аллеях дальних запредельного пространства.

Он слышал тайный Глас – то Слово вещее -

И видел нашу скрытую личину.

230. Все внутренние планы отворили двери хрустальные
свои,

И жизнь его соприкоснулась с влияньями и силами, кото-
рых прежде она не знала.

Пришло виденье царств, что выше наших,

Пришла осведомленность о высших сферах и небесах,

О существах, не ограниченных короткой жизнью,

235. И оболочках, что гораздо тоньше наших смертных
тел,

Структурах, слишком утончённых для восприятий мате-
риальных наших,

Деяниях, сверкающих богоподобным светом,

Движениях, что побуждает делать сверхсознательная сила,

И радостях, что никогда не изливаются сквозь бранные тела,

240. И о пейзажах красивей земных, и о счастливых жизнях.

Сознание блаженства, красоты

И знание, что становится предметом постиженья,

Сменили чувство, что было отделено от сердца,

И притянули в свои объятия всю Природу.

245. Ум выглянул наружу, чтобы встретить скрытые миры:

Сверкающая атмосфера непостижимыми выиграла образами всех оттенков,

В ноздрях затрепетали ароматы, идущие с небес,

Язык неторопливо ощутил мёд рая.

Слух, как канал гармонии вселенской,

250. Наполнился потоками божественных звучаний,

Стал ложем оккультных звуков, которых земля услышать не способна.

Из тайного, сокрытого пространства, где обитает дремлющее «я»,

Неведомой, глубинной правды глас пришел,

Звучащий под вселенским сводом

255. И слышимый лишь в тишине всезнания,

Захваченный интуитивно сердцем и тайным чувством.

Он нёс в себе безмолвную и запечатанную суть,
Он выражал запрос земли, который не был пока услышан,
И песню обещания струил ещё не воплотившихся небес,
260. Всего, что скрыто во всемогущем Сне до сей поры.
В той беспрестанной драме, Временем влекомый
В своём внимающем всему потоке, что несёт
Необъяснимое сомненье мира в бесцельном странствии,
Смех наслажденья неусыпного запузырился пеной,
265. Желание шептавшей, которое не может умереть:
Пришел плач мира о блаженстве бытия,
Великолепьи и величьи его неутомимой воли к жизни,
Призыв души к рискованным приключениям в пространстве
И путешествию сквозь все волшебные столетья,
270. К труду существ в материальной вселенной этой,
К их поиску мистического смысла жизни
И радости высокого духовного ответа,
К сердечному биению довольства жизнью
От всякой сладости ее даров,
275. К дыханью учащенному и пульсу, трепету надежды,
страха,
И к вкусу боли, слёз, экстаза,
К удару острому восторга от внезапного блаженства,
К рыданию от страсти и от нескончаемого горя.
Шум приглушенный, шепот тех неслышных звуков,
280. Толпятся что вокруг наших сердец, но не найдут
окошка,

Чтобы войти, в песнь превратился новую, духовную
Всего того, что так страдает, поскольку неизвестно ещё
миру,

Всего того, что тщетно трудится в старании родиться,
Всей сладости, которой не вкусил ещё никто,
285. Всей красоты, которой не было дотолё.

Неслышное нашим ушам глухим и смертным,
Многоголосье ритмов мира сплетало изумительную
песнь,

К которой жизнь стремится приспособить здесь уда-
ры-рифмы,

Передвигая все пределы наши навстречу к беспредельно-
му,

290. Настраивая жизнь конечную на бесконечность.
Ворчание глухое из пещеры подсознания раздалось -
То бормотанье было первичного невежества;

Пришел ответ на недовольство неразборчивое это -
Был явлен свыше молнией и громовыми крыльями

295. Сверкающий раскатами Невыразимому священный

ГИМН

И прославленье сверхсознательного света.

Открыто было всё, что выразить не мог никто здесь;

Виденье и мечта стали сюжетами рассказов истины

Иль символами, что правдивей фактов,

300. Иль истинами, что в силу возвели печати сверхпри-
роды.

Бессмертные глаза приблизились и заглянули в его глаза,
Заговорили, встав рядом с Ашвапати и существа из царств
других:

Вечно живые существа, которых мертвыми зовем мы,
Которые смогли после рождения и смерти оставить славу
о себе,

305. Чтоб мудрость изложить, что превосходит все слова
пустые:

Добра цари и зла цари,
Что обратились к разума суждению,
Провозгласили истину святую своих позиций, противоре-
чащих друг другу.

И всякий Бога выразителем считал лишь одного себя:

310. Так боги света и титаны тьмы
За душу Ашвапати, как за ценный приз, сражались.
И каждый час, что Времени колчан высвобождал,
Рождал песнь нового открытия
Гудением звенящей тетивы молодого эксперимента.

315. Поэмой фантастической духовной стал каждый день
его,

Как если б он родился в ярком новом мире;
Нежданным другом в нём забилось приключение,
И радости вкус острый сладкий принесла опасность;
Переживанием глубоким стало каждое событие.

320. Прошли эпические встречи, нежданные высокие бе-
седы состоялись,

Пришли советы, которые небесной речью были созданы,
А губы сокровенные нашептывали сладкие посылы,
Чтоб в сердце принести восторга зов,
Чтоб море искушений сладких похитить из прекрасных
царств,

325. Из мира же блаженства – сонм неожиданных экста-
зов.

То было место чуда и восторга.
Всё ясно мог воспринимать его ярчайший тонкий слух;
Любой контакт пронизывал его вибрацией могуществ
неизвестных.

Так осязание, разбуженное близостью к пространствам
неземным,

330. Ответ давало тонким безграничьям,
А стон серебряный открывшихся ворот предвосхищал
Молниеносный взгляд, который Ашвапати бросил в невидимые царства.

Его сознание и видение его росли всегда,
И проявлялся в них простор достойный и полёт высокий;
335. Он перешел границу, что Материя разметила по праву,

И за границей этой пояс пересек, в котором мысль сменяет жизнь.

Из мира знаков он вдруг пришел
К безмолвью «я», где никакого мира нет совсем,
И за пределы посмотрел вовнутрь безличной глуби.

340. Все символические образы право на жизнь здесь потеряли,

И признаки пропали, которые могли все чувства наши распознать,

И сердце здесь не билось больше в теле,

Глаза не любовались больше здесь красотой формы.

Пришли необычайные и яркие моменты молчаливого покоя.

345. Он воспарил в пространстве, лишенном всяких знаков,

Наполненном до края аморфным содержимом,

Где мир был заключен в едином существе,

И познавалось всё лишь только в свете тождественности с ним,

И собственную самоочевидностью своею был Дух.

350. Глазами человека всматривался в мир Всевышний,

И видел он во всех творениях себя,

И узнавал свой голос собственный в воззрении каждом, в каждом слове.

Единство в нём завершено, нет поисков, объятий новых,

Любовь – стремление Единого к нему Единому,

355. И красота – лишь милое отличие Его же самого,

А уникальность – его же множества реальная душа.

Все истины объединяются в одну в нём Истину,

А все понятия в себе соединяют подлинную Сущность.

В нём, познающая себя своим же собственным и беско-

нечным «я»,

360. Божественная мудрость чистая, беспримесная
В покое вечном пребывала одиноко, молчаливо,
Без движенья всевидящей владыкой полновластной.
В ней знанью не нужны слова, чтоб воплотить Идею;
Идея, ищущая место в беспредельном,

365. Скучая от своего бессмертия, лишённого приюта,
Не просится для отдыха в резную яркую ячейку мысли,
Чей взгляд на всё вокруг, урезанный одним окошком,
Всего лишь видит небольшую часть небес обширных Бо-

га.

Здесь беспредельный дружит с беспредельным;

370. Пока ты в нём – ты больше всего мира,
Пока ты в нём – ты своя собственная вечность.

В уме земном не концентрировался больше Ашвапати;
Безмолвия всевидящая сила наполнила его по самый
край:

Охваченный богоявлением чистым и безмолвным

375. В видении, что превосходит формы,
И в житии, что превосходить жизнь,

Приблизился он к неподвижному сознанию, которое под-
держивало всё.

И глас, что может речью ум тревожить,
Стал молчаливым знанием в его душе,

380. А сила, что ощущает истину свою лишь в действе,
Была отправлена сейчас в покой беззвучный, всемогу-

щий.

Свобода от опеки над мирами

И перерыв короткий поиска, что радости и муки нам приносит,

Преобразили всё давление Природы в невозмутимую тишь Бога.

385. Единодушие глубокое сменило жизни долгий спор.

Война воззрений, которые рождает мирозданье,

Сил столкновение, стремящихся к господству

С таким ужасным боем, что можно этим возжечь звезду

Иль сотворить крупинку пыли,

390. Дороги, что овалами немymi по пространству кружат,

Что поиском стремлений мира вспаханы,

Отрыжки долгие потока Времени,

Мученье, заостряющее жуткой страсти силу,

Что пробуждает бурное кипение в тупых земных наносах

395. И вырезает из этой грязи личность,

Страдание, которое питает Природы голод,

И течка страсти, что создает пылающую боль,

Судьба, которая карает добродетель крушением надежд,

Трагедия, что разрушает длительное счастье,

400. Рыдания Любви, Богов раздоры -

Всё прекратилось в истине, которая живёт в своём особом свете.

Его душа свободной стала, свидетелем происходящего и

властелином.

Не поглощенный более потоком, мгновенья оседлавшим,
В котором ум дрейфует непрестанно, как странник на
плоту,

405. Спешащий от явления одного к другому,
В покое Ашвапати пребывал во Времени неразделимом.
Как если бы история, писавшаяся долго и разом данная
ему сейчас,

Хранилась в настоящем его этом – всё прошлое и будущее
вместе сразу.

Бесчисленные годы он ощущал в секундах,
410. А все часы как маленькие точки на странице жизни
видел.

Один аспект Реальности, доселе неизвестный,
Значение космической картины изменил.
Огромная вселенная – материальный мир – всё это стало
Лишь результатом небольшим работы колоссальной силы:

415. Луч вековечный, обгоняющий мгновенья,
То озарил ему, что никогда ещё никто не видел.
В безмолвии могучем утвердилась мысль;
Расширился, потом затих усердно размышлявший ум
мыслителя,

Божественная Мудрость прикоснулась к его трепещуще-
му сердцу:

420. Его душа могла плыть за пределы барьера мысли,
освещенного теперь,

Ум больше не скрывал безбрежность Бесконечья.

Вот, он увидел мельком на пустынном заходящем небо-
склоне,

Поверх исчезновенья медленного звёзд, последнего мер-
цанья их,

Недвижного Покоя сверхсознательные царства,

425. Где рассужденье исчезает, и умолкает слово, -

Лежит лишь одиноко там Непостижимое тропой непрото-
рённой.

Туда никто не приходил, и голос там не раздавался;

Безмолвие господствовало там, и был там лишь Абсолют.

Из этой тишины ум новорожденный возник

430. И пробудился к истинам еще не выразимым,

И проявились формы, несущие значение без слов,

Всевидающая мысль и самооткровенья глас.

Узнал источник он, откуда его дух пришел:

Движение было здесь обручено с Простором неподвиж-
ным;

435. Тогда свои основы он в Бесконечье погрузил

И ощутил там устремлённой в вечность жизнь свою.

Вначале лишь недолго эти состояния божественные

И взлеты самообладанья полного без перерыва могут
длиться.

Высокое, свет люющее давление спадает очень быстро,

440. Уходят неподвижность тела окаменевшего, затихший

жизни транс,

Мощь, затаившая дыхание, покой молчащего ума;
Они так медленно уходят, как день садится золотой.
Застывшие недвижно части тела от покоя устают;
Так ностальгия по прежним малым удовольствиям, делам,
445. Потребность возвратить свои привычные и мелочные

«Я»,

Чтобы идти путем обычным, низшим,

Потребность, распростершись, отдохнуть в естественном
падении,

Как у ребенка, что учится ходить, но долго делать так не
может,

Обычно замещает волю того титана, который к восхожде-
нию стремится вечно.

450. Тускнеет огонь священный, зажженный на алтаре сер-
дечном.

Уз подсознания тяга старая вновь возрождается;

Она безвольный дух с высот утаскивает прочь,

Или тупое это притяжение нас увлекает вниз

К основе материальной нашей, ведомой слепой инерцией.

455. Всевышний Дипломат использовать и это может -

Он делает наше падение средством для великого подъема.

Ибо и в поле ветреном несведущей Природы,

И в хаосе сумбурном каждой смертной жизни

«Я» света вековечного и Сила, не имеющая формы,

460. Бок о бок следуют под сенью духа нисхожденья;

Единая вовеки двойственность – Единый
Дом избирает свой среди смятенья чувств.
Он – гость всеведущий, руководитель тонкий,
Невидимым нисходит Он в те части нашей сути, что нечи-
сты,

465. И делает свою работу под завесой тайны,
Пока все части эти не осознают высшую потребность и
волю к изменению.

Всё здесь должно усвоить подчиненье высшему закону,
Все клетки тела наши должны хранить Бессмертья пламя.
Иначе дух один придет к истоку своему,

470. Вверяя мир, спасенный лишь наполовину, своей со-
мнительной судьбе.

Тогда Природа, оставаясь неспасенной, будет трудиться
вечно;

Беспомощно кружиться будет в пространстве планета на-
ша,

И цель безмерная творенья осуществиться никогда не
сможет,

Пока вселенная не сгинет незавершенной в стремлении
тщетном.

475. Даже богоподобной силе, чтобы возвыситься, прихо-
дится претерпевать паденье:

Высокое сознание Ашвапати отступило;

Поверхностное существо его, пришедшее в упадок, смут-
ное,

Прочувствовать стремилось опять величие былое,
Вернуть контакт спасительный, высокий, его божественное пламя,

480. Призвать божественную Силу, поскольку это необходимо стало.

Всегда та сила изливалась как внезапный дождь,
Или её присутствие росло в груди неторопливо;
Оно карабкалось к той высоте, что в памяти хранилась,
Иль воспаряло над вершиной той, с которой пало.

485. С подъемом его каждым вширь росло паренье -
Существование в сферах высших, полностью духовных;
Всё шире становилось в нём пространство Света.

И в этом колебании между землей и небом -
В невыразимом усилении прочной связи между ними -

490. Росло сияние в нём, подобно росту прибывающей луны, -

Сияние целостности его души.

Союз Единственного в роде человеческом с Реальностью вселенской,

Взор пристальный Один, из каждого лица идущий,
Присутствие божественное Вечности во времени,

495. Что расширяет взгляд смутный смертного ума на суть вещей,

Мостом соединяя разрыв меж силой человека и Судьбой,

-
Всё это цельным сделало разрозненное существо его, что

здесь бытует в нас.

В конце концов, добился он владения собою прочного, духовного,

Приюта постоянного в том самом царстве Вечного
500. И поселения в Неизменном,
И безопасности в Безмолвии, в Луче божественном.
Достижение вершины части существа его в безмолвном
пребывали «Я»,

А ум его покоиться мог в небесах
И вниз смотреть на волшебство игры,
505. В которой на коленях Ночи и Рассвета лежит беспечно
Бог-дитя,

А Бог-предвечный одевает маску Времени.
Высотам тихим и глубинам беспокойным
Его спокойный дух давал без предпочтений полное согласие:

Уравновешенная чистота спокойной силы,
510. Неколебимый и глубокий взгляд на Времени волненье

Встречали всякий опыт в неизменной тишине.
Бесстрастный к горю и к восторгу,
Не соблазненный ни призывом и ни чудом,
Недвижно созерцал поток явлений он

515. И подтверждал спокойно и отстраненно всё то, что
существует:

Так помогал покой несокрушимый духа Ашвапати трудя-

щемся миру.

А его сила, безмолвием и виденьем духовным вдохновлённая,

Могла трудиться с просветленным, приобретенным заново, искусством

Над грубым материалом, из которого всё сделано вокруг,
520. И над отказом массы вещества инертной,
Над серым фронтом вселенского Неведенья
И над невежеством Материи, и над огромной ошибкой жизни.

Как скульптор, что высекает из камня божество,
Он стёсывал, не торопясь, ту оболочку темную,
525. Что представляет линию защиты неведенья Природы,
Иллюзию и тайну Несознания, в покров чей черный
Сам Вечный оборачивает голову свою,
Чтоб действовать неузнанным во Времени космическом.
Величие самотворения на высших уровнях,
530. Преображение в мистических глубинах,
Благоприятное космическое действие начать подвигли
И заново сформировать картину мира в нём,
В которой обретен в Природе Бог, исполнена Природа в Боге.

Уже была видна в нём эта задача Силы:
535. Жизнь выстроила дом свой на вершине его сущностного «я»;

Его душа, ум, сердце стали единым ярким солнцем;

Лишь в низших сферах жизни оставалась темнота.

Но даже там, в том сумраке неясном этой жизни

Был труд и пламени дыханье;

540. Неясная, укрытая плащом небесным, сила мощная работала

Под наблюдением спокойным Свидетеля недвижимого, сокрытого внутри.

И, вот, в оставленной внизу Природе, что сражалась с тьмой,

Возникли длительные промежутки света:

Сияние молний друг за другом озарило небо,

545. Свидетельством огня и блеска переживание стало,

Покрылся рябью воздух вкруг кораблей Богов,

Несли они богатства странные невидимого мира;

Блеск озарения полностью заполнил мысли пустоту,

И Знание вступило в разговор с безмолвьями, что Свет ещё не осознали,

550. Излились реки просвещенной силы и восторга,

Прекрасного мгновенья и блаженства штормовые всплески

Дождем пролились из всемогущей Тайны, что пребывала свыше.

Оттуда устремились вниз Всеведенья орлы.

Густой покров был прорван, и слова великие услышаны;

555. Повторенный в уединённых уголках души,

Клич мудрости из трансцендентных высей

В горах невидимого мира зазвучал;
Те голоса, внимающие внутреннему слуху,
Несли сказания пророков к Ашвапати.

560. Приблизились к нему вплотную из той недостижимой Тайны

Укутанные в пламя всплески Сло́ва вечного
И вспышки яркие оккультных откровений Света.
В нём воцарилось Знание священное,
Секунды чьи высвечивают больше, чем годы рассуждений.

565. Упал сияющего откровенья луч,
Подобно указующему пальцу, он приковал вниманье к Истине,

И, вот, как при небесной вспышке, что озаряет землю,
Незамедлительное различенье интуиции в нём сразу воссияло.

Один короткий взгляд теперь мог отделить всю истину от лжи,

570. Или возжечь огонь сигнальный сильный в темноте,
Чтобы проверить претендентов, толпой идущих сквозь врата ума

И предъявляющих подделанные подписи богов,
Иль отделить от них невесту тайную в изменчивом наряде,

Иль изучить внимательно проявленный лик мысли или жизни.

575. Неоднократно вдохновенье молниеносными бросками -

Посланницей внезапной и всевидящей с высот своих –
Пересекало немые коридоры рассудка Ашвапати,
Внося своё ритмическое восприятие сокрытой сути.
Звучала музыка, превосходящая музыку речи смертной.

580. Как если бы из чаши золотой Блаженства всеохватного

Восторг божественного света, внезапного прозрения восторг,

Экстаз бессмертного волнительного Слова

Излился в его сердце, как в пустой сосуд,

Излился повторяющийся раз за разом восторг начальный
Бога,

585. Творящего во Времени младом и абсолютно девственном.

Сосредоточенное в небольшом пространстве в краткое мгновенье,

Все-Знание, спрессованное в мыслях величайших, лишенных слов,

Вселило в выжидающую тишину его глубин

Кристалл первопричинный Абсолюта –

590. Частицу невыразимой Истины,

Что явлена безмолвием душе безмолвной.

Внутри той тишины работала богиня интенсивного тво-

рения,

И сила бессловесная её росла в нём с дружелюбием глу-
боким;

За явленным и непредвиденным она держала наблюденье,
595. Считая полем своим по праву все владенья непред-
виденного мира.

В единый луч её Всевидение стянулось,
Как стягивается взгляд пристальный в невидимую точку,
Пока сквозь интенсивность одного ярчайшего пятна
Пророческое откровенье изображений мира
600. Не вступит в царство самого провидца.

Сверкания великого рука нагая возникла вдруг
И разорвала дымку темную Неведенья:

Невероятно острый кончик её пальца, направленного в
эту темноту,

Ударом пламенным раскрыл всё то, что было скрыто в За-
предельном.

605. Со взором, бодрствующим в безмолвных высях тран-
са,

И разумом, цепляющим невообразимое само,
Одним рискованным прыжком оставив позади себя
Стену высокую и черную, скрывающую сверхсознание,
Она ворвалась с вдохновенной речью, как с косой,

610. И силой захватила Непостижимого обширное владе-
нье.

Она, как собирательница мельчайших зерен Истины,

Связующая воедино бесконечный опыт,
Проникла в охраняемые тайны Силы Мира,
В её магические методы, укрытые во многие покровы;
615. Она же собирала те потерянные тайны, что Время
обронило

В забитых пылью щелях, лежащих по маршруту восхож-
дения,

Средь старых и заброшенных мечтаний спешащего Ума
И похороненных следов забытого давно пространства.

Путь меряя от бездны первозданной и до вершины гор-
ней,

620. Она соединяла все незримые глубины и края далекие
Иль по дорогам Неба и Ада стремительно неслась,

Преследуя, как гончая ищейка, всё знание, встречаемое
ею.

Как собиратель и писец рассказа мудрости сокрытой,
Сияющих минут её небесной речи,

625. Она передавала пророку и провидцу,

Используя невидимую службу оккультного ума,

Тот самый сборник вдохновенный Истины мистической.

Как архивариус опросного листа богов

И как глашатай молчаливых восприятий самого Всевыш-
него,

630. Она несла слова бессмертные всем смертным людям.

Над тонким и сверкающим изгибом разума

Освобожденные, как воздух, что блистающим туманом

луну скрывает,

Широкие пространства виденья без всякого предела, без границы

Вплывали в круг познаний духа Ашвапати.

635. И душу его, что странствовала здесь, встречали океаны бытия,

Безмолвно призывая к бесконечному открытию;

Вневременные царства радости и абсолютной силы

Здесь простирались в вечной тишине;

Дороги, что к счастью бесконечному ведут,

640. Бежали сквозь просторы созерцанья, как улыбки грёз:

Здесь в золотом мгновении блеска стояла обнаженной степь,

Лежащая под ярким солнцем в Бесконечьи этом непроторённом.

Вдоль обнаженного изгиба в «Я» безграничном,

Бегущие сквозь сердце скрытое явлений мира,

645. Дорог тех точки следовали друг за другом

По неопределимой линии, что Вечность неустанно сквозь года несёт.

Вселенского Ума магический порядок,

Что заставляет бесконечности свободу испробовать в себе,

Испробовать всю композицию суровую явлений знаковых
Природы

650. И жизни бесконечные сигналы событий важных,
В законы превращал случайные возвраты,
В гармонию вселенной – хаос знамений.

Благодаря богатым чудесам и сложным сопряжениям,
Что проявляет танец духа под маскою Материи своей,

655. Гармония узора мира становилась всё яснее:

В порядке самоустановленном его воздействий симметрии,

Справляемых в далеких перспективах души,

И реализм искусства иллюзорного его,

И логика познания интеллекта безграничного,

660. И вечности меняющейся магия его.

Взгляд брошен был на нечто неизвестное ещё,

И сразу проступили буквы Слова неизменного вовеки:

В невыразимом, непреложном Изначалье

Стал виден след Идей, что сотворили мир,

665. След, что всплывает из морей бездонных.

И в землю черную Природы транса было посеяно

Слепого и огромного желанья Духа семя,

И древо космоса было зачато из него -

Магические ветви раскинуло оно сквозь сон пространства.

670. Реальности бескрайные приобрели определенный облик:

Из тени Неизвестного выглядывала там

Лишенная телес Невыразимость, что видела рождение Бо-

га

И попыталась добыть из смертного ума и сердца
Божественное имя и тело, неподверженное смерти.

675. Вот, губы неподвижные, громада сверхреальных крыльев,

Лицо, укрытое Сном сверхсознательным,

Глаза, что видят всё сквозь сомкнутые веки,

Явили Архитектора, который строит в состоянии транса.

Проглянуло извечное желание, родившееся в полной Пустоте,

680. И тотчас же увидел Ашвапати надежду, что никогда не спит,

Узрел того, кто вечно старается догнать Судьбу, что мимолётна,

Познать невыразимый смысл мечты, что беспредельна.

Мелькнувший лишь на миг, незримый для Ума,

Как если б сила Бога огнем его сигнальным осветила,

685. Мир лучезарный Истины бессмертной

Сверкнул звездой неясной на границе ночи

Над золотом блистающей гряды Сверхразума.

И сквозь покров искусный он сразу же увидел

Любви улыбку, что одобряет долгую игру,

690. Спокойную терпимость, грудь материнскую той Мудрости,

Что вскармливает детский смех слепого Случая,

Безмолвие, наставника великой всемогущей Силы,

Всеведущую тишину и лоно Слова, что бессмертно,
И Безвременья лик, в раздумья погруженный и спокой-
ный,

695. И творческое око Вечности.

Ниспосылающая вдохновение Богиня вошла в грудь
смертного

И создала там место для изучения божественного знания,
Святилище пророческого монолога,

Где сразу же воссела на треножнике² ума:

700. Расширилось всё высшее и осветилось низшее.

И в сердцевине низшей темноты она раскрыла источник
света,

Глубинам неоткрытым навязала форму,

Вибрирующий гул придала неопишным просторам и

Сквозь шири необъятные, безбрежные, беззвучные, без-
звездные

705. На землю принесла частицы откровений – мысли,

Что высечены были ею из тишины того Невыразимого.

Глас в сердце произнёс невыраженное словами Имя,

Мечта той Мысли, что странствует сквозь Космос в поис-
ке всевышнем,

Вошла в незримый и запретный дом:

710. Божественного Дня богатство нашлось в том доме.

² По преданию главная жрица-прорицательница Дельфийского оракула сидела во время прорицаний на огромном золотом треножнике. Здесь Шри Ауробиндо отсылает нас к трем опорам, трем элементам ума. Это – физический ум, витальный ум и ментальный ум.

Светильник драгоценный загорелся в глубоком подсознании;

Вверх поднятый, он высветил сокровища Пещеры той,
Где спят они, укрытые густою темнотой
И охраняемые лапами дракона Ночи;

715. Их не используют скупые торговцы смыслом,
Хотя они значением бесценным обладают для спасенья
мира.

Та темнота, несущая рассвет в своей груди,
Искала вечный, видимый издалека, ответный луч,
Прихода ожидая божественного света,

720. Спасения потерянных сокровищ Солнца.

Те траты Бога, невероятно щедрого,
Которые идут на стройки мира, не имеющего дна,

И при создании творенья расточительном используются
беззаботно

И расхищаются ворами этой бездонной Глуби, -

725. Лежат сокровища золотые там Предвечного,

Сокрытыми от взгляда и касания, и даже от намеренья лю-
бого,

Хранимыми в слепых пещерах океана глубокого неведе-
нья,

Чтоб люди не нашли их и не стали Богам подобны.

Незримые высоты виденье озарило,

730. И из глубин беззвучных воссияла мудрость, открыв-
шая

Истолкование глубокое, что возвеличивает Истину,
Перестановку жизни грандиозную из Ночи в День;
Сменились мира ценности, цель этой жизни возвышая;
Пришли и слово мудрое, и мысль гораздо шире той,
735. Что может принести неспешный труд ума людского.
И пробудилось чувство тайное, которое постичь могло
Его Присутствие, Величие Его повсюду.

Вселенная сейчас же перестала быть вихрем бессмыслен-
ным,

Кружащимся инертно внутри машины необъятной;
740. Отбросила она свой грандиозный и безжизненный
фасад,

Она теперь не механизм и не случайная работа,
Но проявление живое движенья тела Бога.

Дух, скрытый в силах тех и формах тех,
Свидетелем живого представленья стал:

745. Та красота и чудо непрерывное
Зажгли в себе Неявленного свет.

В нём двигался Предвечный, лишенный формы,

Ища в явлениях и душах ту форму для себя, что станет
совершенной.

Жизнь больше не напоминала тупого и бессмысленного
образа.

750. В борьбе и продвиженьях этих Ашвапати видел
Тяжелый труд рожденья божества.

Загадочное знание при этом маскировалось под Неведе-

нье;

Судьба покрыла необходимостью незримой
Игру возможности случайной всемогущей Воли.

755. Восторг и слава, и очарованье -

Бог Всеблаженный в сердце был неузнанным ещё;

Страдания мира стали искупленьем за брошенное в тюрьму блаженство.

Причастье радостное скрашивало в Ашвапати часы, спешащие неумолимо;

Дни шествовали по предначертанной судьбой дороге,

760. А ночи стали спутниками духа, созерцающего путь.

Вот, душу Ашвапати небесный импульс оживил;

Прогулка медленная Времени сменилась чудесным маршем;

И божий Карлик³ воспарил к не завоёванным мирам,

Поскольку для победы полной одной земли Ему недоставало.

765. Лишь прежде отмечающая только Силы поступь,

Тяжелую, слепую, по ничтожным головам людским,

³ Здесь Шри Ауробиндо намекает на мифологическую фигуру карлика Ваманы – аватара бога Вишну, – который пришел к царю по имени Бали, завоевавшему весь мир, в виде карлика и в награду за своё благословение попросил у царя землю, которую он может покрыть за три шага. Царь, не зная, кто перед ним стоит, согласился, сказав: «И это всё?» Карлик стал расти и первым шагом покрыл всю землю, небо, небесные планеты и остальную часть Вселенной. Сделав второй шаг, Вамана пробил оболочку вселенной, откуда во вселенную просочилась капля Причинного океана. Третий шаг сделать было некуда, и царь, склонив голову, предложил сделать его прямо на неё, полностью подчинившись божеству.

Жизнь стала тотчас же уверенным сближением с Богом,
Существование – божественным экспериментом,
Вселенная – благоприятной перспективой самой души.

770. Мир стал зачатием, рождением Духа

Внутри живых фигур Материи -

Бессмертного носила в муках Природа в своей утробе,
Чтоб к вечной жизни смогла она взойти через него.

В покое недвижимом, светлом лежало Ашвапати суще-
ство,

775. Купаясь в родниках чистейшего божественного све-
та;

Оно блуждало в полях обширных, мудрых внутреннего
«Я»,

Что были освещены лучами солнца вечного, бессмертно-
го.

«Я» тела тонкого могло поднять

Земные части существа к высоким планам

780. И ощутить на них дыхание небесной атмосферы.

Оно уже вершило путешествие своё к божественным вы-
сотам:

Влекомое наверх ветрами быстрокрылой радости

И к Свету вознесённое, который удержать всегда не в си-
лах было,

Оно свой разум к высочайшей Истине приблизило

785. И обрело способность жизни ощущать блаженство.

Всё в нас, подавленное прежде, стало проявляться.

Пришло освобождение души от тёмного Невежества -
То было первое духовное открытие ума и тела Ашвапати.
Обширное познание Бога излилось свыше,
790. И изнутри расширилось познание мира:

Все мысли повседневные при этом обратились к Истине,
к Единому,

Все самые обычные дела наполненными стали Светом
внутренним.

Пределы осознав, которые Природа от нас скрывает,
И на движения Её, что превосходят наш кругозор, настро-
ившись,

795. Единым с непроявленной Вселенной стал Ашвапати.
Его способность воспрятья удивила источники Её энер-
гий мощных;

Он говорил с неведомыми нам Хранителями всех миров,
Узрел он формы те, которые наш смертный глаз не видит.
Его открытые глаза телами наделяли сущностей незри-
мых,

800. Космические силы в их работе видел Ашвапати,
И ощущал за волей человека он оккультный импульс.
Секреты Времени были прочитанною книгой для него,
Ибо все записи прошедшего и будущего
Прорисовывали на странице неба свои отрывки.

805. По воле и мастерству Создателя единый гармонич-
ный

Представитель человеческий вышагивал на равных с Богом;

Дела его не изменяли пламя внутреннего мира.

Вот так ковалось на земле величие его поступков.

В его телесных клетках вырос дух живой,

810. Который понимал значение деяний, ограниченных судьбой,

Похожих на движение незавершенных Сил

Вне свода жизни в необъятные просторы духа.

Он жил уединенно, ограничив разум этим уединеньем,

Как полубог, который формирует людские жизни:

815. Стремленье одного воодушевляло род людской;

Никто не знал, откуда появилась Сила, что начала работу.

С ним были связаны вселенские источники Её;

Он привлекал энергии, которые века преобразуют,

Земную малость наполняя их безграничной мощью.

820. Великие мечты, неизмеримые обычным взглядом,

Он делал формой для грядущих дел,

И на фасаде лет он в бронзе отливал свои деяния.

Опережали продвиженье человечества сквозь Время его шаги.

В глубоком одиночестве сверкали солнцем дни его.

Конец Песни третьей

Песнь четвертая

ТАЙНОЕ ЗНАНИЕ

Достиг он той вершины, с которой его взору открывались
выси горние.

Начальные сближенья наши с бескрайным, безграничным
Бесконечьем

Сверканиям зари подобны, что алеет на далеком горизон-
те,

Пока не появилось величаво солнце, сокрытое ещё за
небосклоном.

5. Сейчас мы видим только тень того, что позже будет со-
вершаться.

Земной взгляд в Неизвестность отдаленную
Лишь предисловье к восхождению геройскому
Души людской из состоянья блёклого земного
К открытию внутреннего существа, которое потом вели-
ким станет,

10. К сверканиям далеким Света вековечного.
Мир этот наш – начало и основа,
Где Жизнь и Разум осуществляют те мечты, что сами и
задумали;

Но, всё ж, реальность строить здесь должна божественная
Сила.

Мы есть совсем не малость, ограниченная смертью:

15. Бессмертные просторы, позабытые сейчас,

Открытия ждут в «я» наших высших;

Высоты безграничные, глубины бытия – всё это, конечно,
наше.

Сродни невыразимой Тайне, Мистике

И вечности во Времени, несбывшемся ещё,

20. Небесным Ближним выси те Природы.

На царства горние, сокрытые от наших поисков,

Что далеки безмерно от путей проторенных поверхност-
ной Природы

И высоки настолько, что простые смертные дышать не мо-
гут там,

Нам указывает позабытое в глубинах наших кровное род-
ство,

25. А робкий голос транса и молитвы

Зовет к тем светлым безграничьям, что утеряны сейчас.

Когда мы даже в наши души не в состоянии заглянуть

Иль остаемся, погрузившись целиком, в сознании земном,

Всё ж есть в нас нечто, что возрастает к свету -

30. Ведь есть и светлые места, и небеса спокойные,

Как и сокровищницы блеска и экстаза,

И храмы божеству, которого никто не может видеть.

В нас дремлет ещё память хаотичная, аморфная,

Но иногда, когда наш взор направлен внутрь,

35. Вуаль невежества земного спадает с наших глаз;

Высвобождение короткое чудесное при этом настает.

Ту узкую полоску зажатого тисками опыта,

Мы оставляем позади отмеренной нам жизни,
Её пространства слишком малого, шагов наших коротких.

40. В те одиночества великие часы души людские могут
пребывать

В безмолвных царствах стойкого негаснущего света,
И на орлиных пиках спокойной Силы, откуда видно всё,
И в луноликих океанах скорого бездонного Блаженства,
И в тихих беспредельных пространствах духа.

45. В процессе постепенного раскрытия «Я» здесь, на
Земле

Невыразимая Мистерия, случаясь, избирает
Для нисхождения своего ту иль иную оболочку человека.
Тогда дыхание приходит из небесных высей,
Присутствие рождается, и пробуждается Свет путевод-
ный,

50. На средства для достиженья цели ложится тишина:
Похожее на монумент из мрамора, лишённое движений,
И с каменным спокойствием становится опорой тело,
Что образ вечного Покоя поддерживает стойко.
Иль Сила откровения врывается, сверкая;

55. Из некоего пространства высшего обширного прорыв
свершает Знание,

Влекущее с собой свои лучистые моря,
И с трепетом дрожит Природа от силы пламени его.
Случается, что нами овладевает Личность величайшая,
В которой собственную личность мы распознаем;

60. Но можем мы поклоняться и Властителю душ наших.
Тогда нашего тела эго малое ослабевает и стихает;
И не настаивая больше на «я» своём отдельном,
Теряя значимость пустую отдельного рождения своего,
Оно наедине нас оставляет с Богом и Природой.

65. В моменты те, когда свет внутренний зажжен,
А «дорогие» гости жизни остались за порогом,
Наш дух уединяется и говорит с глубинами своими.
Сознание, расширившись, все свои двери раскрывает;

Затем, вторгаясь из безмолвий духа, ненадолго,

70. Луч вечной Славы нисходит к нам, чтоб причастить

Людскую нашу плоть, охваченную им и озаренную,

И оставляет непорочности огромную печать на наших
жизнях.

При этом в области забвенья смертного ума

Всплывают вечности сигналы,

75. Проявленные в трансе сомкнутым глазам провидца

Иль обнаруженные чудным нематериальным чувством

В уединении глубоком сокровенном.

Приоткрывает лик свой истина, которую не смог познать
бы разум,

Мы слышим то, что уши смертного не слышали ни разу,

80. Мы ощущаем то, что чувство смертного не ощущало

никогда,

Мы любим то, что отвергает и чего страшится простое
сердце;

Наши умы смолкают перед Всеведеньем лучистым;
К нам из палат души взывает Глас;
Испытываем мы тогда восторг прикосновенья Божества
85. В уединениях золотых бессмертного огня.

Все эти знаки являются родными «я» бóльшему,
Которое живет внутри, невидимое нами;

Но только иногда священное касание приходит к нам,
И наши жизни несёт поток волн более могучих,

90. А душу нашу двигает Присутствие божественнее
прежнего.

Иль иногда сквозь покрыва земные к нам что-то пробива-
ется,

Быть может, милость и красота духовной искры,
Журчащим языком небесного огня взлетая.

Это – мы сами и чужестранец высший, его и ощущаем мы,
95. Он существует и действует незримо, как будто бы его

и нет;

Он следует согласно линии рожденья бесконечной,

Хотя и кажется, что умирает вместе с оболочкой смерт-
ной.

Уверенный, что существует Апокалипсис,

Он не считает ни мгновенья, ни часы;

100. Великий и спокойный – он видит, как текут века,

И терпеливо ожидает чуда измененья человека

В неспешном поступательном движении силы мира

И долгим марше Времени, который раскрывает суть явле-

ний.

Он – и источник, и главный ключ к разгадке,
105. И тишина над головой, и голос внутренний,
И образ верный, что утвердился в сердце,
И широта, не окружённая стенами, и точка, что неизме-
рима и бездонна,

И истина явлений тайных всех в Пространстве,
Реальность та, к которой устремлены деяния наши,
110. И наших жизней тайный грандиозный смысл.

Он и сокровище в пчелиных сотах Бога,
И яркое Величие, сокрытое покровом тёмным,
Он и сияние божественного пламени,
Наш золотой фонтан блаженства мира,
115. Бессмертие, упрятанное в блеклую одежду смерти,
Божественности не рождённой нашей образ;
Нашу судьбу хранит он внутри глубин,
Где скоротечной сути семя вечное покоится.

В себе всегда мы носим ключ волшебный,
120. Сокрытый в герметической оккультной оболочке
жизни.

Горящий пламенем Свидетель в прибежище том заповед-
ном

Внимательно глядит сквозь Время и глухие стены Формы;
В его глазах закрытых присутствует предвечный свет;
Суть тайную он видит, которую словами не расскажешь,
125. Он знает неосознанного мира цель,

Суть таинства лет уходящих.

Но всё укрыто тайной и сокрыто в подсознании;

Необходимо развернуться внутрь себя, а сердце сделать интуитивным,

Необходима сила зрения такого, которое в духовное обращено.

130. В противном случае наш разум, пробудившийся, своим коротким взглядом

Представит путешествием бесцельным сомнительный тот курс,

Который Случай проложил или которым он отважился идти по некой Воле,

Иль курс покажется ему Необходимостью без цели, без причины,

Которую насильно проявили и быть заставили.

135. В этом пространстве плотном нет ничего простого или ясного:

Само людское существо нам кажется проблемным,

Жизнь наша – экспериментом смутным,

Душа – светом, трепещущим в каком-то странном и невежественном мире,

Земля – брутальной механической случайностью,

140. Какой-то паутиной смерти, в которой мы по случаю живем.

Всё то, чему мы научились, нам кажется сомнительной до-

гадкой,

Достигнутый успех – всего лишь переход, всего лишь стадия развития,

И отдаленный результат того успеха скрыт полностью от взора нашего,

Будь то счастливый шанс или случайная судьба.

145. От неизвестного мы к неизвестному идем.

Существование наше преходящее здесь вечно окружают

Вопросов безответных сумрачные тени;

Упрятанные в тьму глухую тайны Несознания, лежат они

Сокрытыми от нас до линии начального отсчета судьбоносной Жизни.

150. В бездонном океане Ночи чьё-то устремление -

Плод тела брэнного и полутемного ума -

Свой одинокий язычок сознательного пламени вздымает

К неумирающему Свету, потерянному в вечности;

Плод этот слышит одиноким откликом на зов свой

155. Ответ туманный в сердце человеческом несведущем.

И видит он согласие Бога на этот брэнной жизни парадокс,

Встречает он загадку нераскрытую рождения Бессмертного во Времени,

Не понимая, для чего ему пришлось прийти на эту землю

Иль по какой причине здесь существуют муки и страдания.

160. Вдоль по извилистой дороге вечности,

Сквозь Времени пески Земля-Богиня тащится с трудом,

Во мраке, по спирали, не ведая о цели восхождения.
В ней Существо есть, которое она надеется познать,
В ней – Слово то, что сердцу говорит её, хотя она его не
может слышать,

165. В ней – та Судьба, что принуждает, но обличье это
она не может видеть.

Сквозь Пустоту по подсознательной орбите,
Из собственных глубин, лишенных всякой мысли, она
стремится ввысь:

Её приобретение – рискованная жизнь, восторг борьбы;
Мышление, что может рассуждать, но вряд ли знает,
170. В ней медленно растит и создает идею, речь,
Что большей частью прозвища дает, чем освещает;
Трепещущая радость, что блаженства, несомненно, меньше,
ше,

Распространяется из этой красоты, которой умереть придется.

Тревожимая грустью, влачащейся у ног её,
175. И высшее осозная, которое не завоевано ещё,
Она в своей груди неутомимой питает беспрестанно
Стремленье внутреннее, что отбирает у неё покой и от-
дых.

Погрязшая в невежестве, уставшая, но и неукротимая в
стремлении своём,

Она, пройдя сражения души и трепет боли, пытается най-
ти

180. То совершенство чистое, что так необходимо её природе искаженной,

И Божества дыхание, чтоб грязь смести с её породы.

Она желает страстно веры, что может поражение пережить,

И сладости любви, которая не знает смерти,

И воссиянья истины, бесспорной вечно.

185. Растет в ней свет, она приобретает голос и учится воспринимать

Реально состояние своё и дело, сделанное ею;

Лишь истина одна, необходимая, от пониманья ускользает у неё:

Кто есть она, и символом чего она является.

Её шаги в движение приводит бессловесный шёпот,

190. В котором ощущает она силу, но смысл ускользает от неё;

Лишь редко к ней намёки прибывают в качестве ориентиров,

Безмерные божественные вспышки раскалывают мозг её,

И только иногда, в часы её раздумий и мечтаний

Потерянная ею истина приходит как будто бы издалека,

195. Хотя, на самом деле, изнутри её души.

То измененье, что догадок сторонится, вплотную приближается,

И, до сих пор отложенное, оно всё ж принуждает пробовать, надеяться,

Хотя и кажется великим чересчур, чтобы отважилась на это брэнная надежда.

Её встречает образ небесных Сил -

200. К себе влекущих Сил потерянной до сей поры божественной родни,

Идущей к ней с высоким, ярким, отрешенным взглядом.

Итак, она приблизилась к тому, чем не была еще,

И тянет руки к тому, что никогда ей не принадлежало.

Протягивая их из неосознающей Пустоты,

205. Со страстью молится она незримым образам Богов,

Вымаливая у Судьбы безмолвной и труженика Времени

то самое,

Что очень нужно ей и что намного превосходит её пределы:

Ум, никогда не поражаемый блеском иллюзий,

И Волю, что выражает божественность души,

210. И Силу, не понуждающую к отступленью из-за скорости своей,

И Радость, что не тянет за собою тенью горе.

Она стремится к Ним и чувствует: Они ей суждены,

И эту привилегию небес она истребует как своё собственное право.

Законность её права всевидящие Боги одобряют,

215. Поскольку ярче разума людского мир освещает их горный свет:

Интуитивные прозрения нам подтверждают это,

И наши души принимают то, что отвергают слепые рассуждения.

Земли крылатые химеры являются небесными конями Истины и

знаком невозможности от Бога на том, чему быть непременно суждено.

220. Лишь некоторые могут выйти за пределы настоящего Иль перепрыгнуть эту путаную изгородь рассудка.

Всё, что случается здесь на Земле, и всё, что позади Неё, - Лишь части плана, который в сердце своем хранит Единый,

И о котором знает лишь он один.

225. Свое зерно внутри себя всегда содержат все внешние события,

И даже эта произвольная Судьба, что подражает Случаю, - Большая груда непонятных результатов -

Собой являет диаграмму истин, что действуют незримо: Законы Неизвестного творят само известное.

230. Те результаты, что принимают форму внешних проявлений наших жизней,

Они, как коды некие вибраций, лежащих за порогом осознания,

Которые мы смутно ощущаем и которые нас удивляют иногда,

Как некие последствия подавленных реальностей, Что возрождаются с трудом в материальном мире:

235. Их порождают силы скрытые духовного светила,
Которые сквозь случай чрезвычайный туннель копают к свету.

Но кто проложит путь в таинственную бездну и узнает,
Что за глубокая потребность души людской
Определила действие случайное и результат полученный?

240. Наши глаза поглощены рутинной повседневных дел,
Они устремлены на внешние картины;
Мы слышим сильный грохот лишь случившихся событий
И удивляемся причине скрытой существующих явлений.

Однако нашим могло быть Знание, предвидящее суть,

245. Если бы навсегда мы утвердили внутри себя наш дух
Иль если могли бы слышать приглушённый голос духа
этого.

Увы, нечасто тень того, что в будущем произойдет,
Проявлена бывает в настоящем чувству тайному,
Что ощущает потрясенье от незримого,

250. И изредка, лишь для немногих, кому ответ дарован,
Могущественный ход развития вселенской Воли
Приоткрывает образ свой,
Отождествляя разум мира с нашим разумом.

Арена нашей жизни ограничена дугою, наполненною
плотно тем,

255. Что наблюдаем мы, и ощущеньями, догадками, оцен-
ками,

И только иногда Неведомого свет здесь проявляется,

Чтоб пробудить провидца и пророка в нас.

Лишь внешнее, ближайшее, прямое – вот поле для деяний наших,

А умершее прошлое – всего лишь наша подоплёка и под-
держка;

260. Ум держит душу узницей, а мы – рабы своих поступ-
ков;

Чтоб солнца мудрости достичь, нам нужно освободить
свой взор.

Преемник мимолётного животного ума,

По-прежнему, ещё дитя в руках могучих земной Природы

-

Наш человек живет в ряду мгновений, сменяющих друг
друга;

265. И только настоящее ему присуждено менять,

Но память его смотрит в тень прошлого,

А будущее ускользает от внимания при каждом его дви-
жении вперед;

И видит он не истину, но лишь воображаемые одеяния её.

Вооруженный ограниченной и ненадежной силой,

270. Спасает он труды свои от случая, враждебного ему.

Невежество, что бьется внутри него – помощник его ре-
шений:

Он ждет, чтобы увидеть результат своих деяний,

Он хочет оценить всю несомненность своих мыслей,

Не знает он, чего достигнет или когда искомое случится;

275. Не знает даже он, останется в живых весь род людской в конце концов

Или закончит жизнь свою как мастодонт,
Который был царем зверей, но навсегда с земли исчез.
Не знает он и смысла своей жизни,
И о своей судьбе высокой и блистательной он также ничего не знает.

280. Лишь существа бессмертные, что обитают на небесах своих,

И пребывают вечно вне Времени и вне Пространства, -
Хозяева людского жития, свободные от кандалов мышления,

Смотрители Судьбы и Воли, и Случайности,
Эксперты теоремы устремленья мира -

285. Они лишь могут видеть ту Идею и Силу ту, что Времени течение меняют,

Ту Мощь, что с гривой света приходит из нераскрытых ещё миров,

И слышать, пока с усердием глубоким мир слепо трудится,
Галоп копыт событий непредвиденных
Сверхчеловеческого Всадника, несущегося рядом,

290. И обращаться снова к безмолвным высям Бога,
Невозмутимо наблюдая за назойливым гудением земли и криками испуга;

Они передвигаются молниеносными скачками, как будто раскаты грома,

И оставляют свой след на попоранной груди обычной Жизни.

Над миром этим стоят его творцы,

295. Мистический источник они видят в его явлении.

Не обращают внимания они на внешнюю игру, сбивающую с толку,

Не замечают суетливые тяжелые шаги мгновения,

Но слушают с терпением спокойным Нерожденных

Судьбы далекой медленную поступь,

300. Что приближает Её к нам из Времени немислимых глубин,

Не слышимую средь людского гама поступь,

Не замечаемую глазом, который видит лишь результат и повод.

Внимательные к Истине невидимой, они воспринимают

Звук, как будто бы от крыльев незримого авгура,

305. И голоса неизмеримой важности,

И шепот, исходящий из Материи сна вещего.

В звучании этом проникновенном услышать они могут

Иль приглушённый голос, что ухо Жизни беззаботно пропустило,

Или пророческую речь всеведущего транс Мысли.

310. И за иллюзией надежд, что мимо пробегают,

За видимостью внешней и явным действием,

За точным Случаем и предположением смутным,

Среди сражения сил, средь ног, вытаптывающих всё во-

круг,

Сквозь крики радости, страдания и боли,

315. Сквозь торжество побед, сражения, отчаянья

Они Блаженство наблюдают, к которому сердце земли
взывало

На той дороге долгой, конца которой ещё не видно.

Сквозь дни сомнений ведет дорога эта, и именно по ней

Ведут они беспечный трогательный мир.

320. Одетый в тайну Запредельный ещё взбирается на
трон свой.

Когда сжимая грудь земли, тьма уплотняется,

А ум людской физической становится единственным све-
тилом,

Безмолвной, скрытной будет поступь – как будто вор кра-
дется -

Того, кто тихо и незримо входит в жилище это.

325. Неслышный Голос после скажет, и душа послушно
подчинится,

И Сила проскользнет в покои сокровенные ума,

Очарование и свежесть откроют двери жизни, закрытые
доселе,

И красота преодолет сопротивляющийся изменению
мир,

Свет Истины охватит неожиданно Природу,

330. Уловка Бога тайная заставит сердце наполниться бла-
женством,

И неожиданно земля божественною станет.

В Материи при этом зажжется пламя духа,

Рождение святое возгорится в людях – от тела к телу;

Гимн звезд разбудит полностью ночное небо,

335. Дни станут пилигримов счастливым маршем,

А наша воля – силой Вечности могучей,

При этом мысли будут лучами светлыми божественного
солнца.

Немногие увидят то, что до сих пор никто не понимает;

Состарится успеет Бог, пока все мудрецы ведут беседы и
почивают;

340. И человек его приход не осознёт, пока не будет сде-
лана Работа,

И веры в нём не будет, пока час Бога не пробьёт.

Сознание, что истины своей не знает, подобное искателю,

Блуждающему в поисках обманчивых рассветов

Меж намерений светлых и тёмных существа его,

345. Здесь странствует в том полумраке, который светлым
миром кажется ему:

Такое междуцарствие Реальности

Мышление целостное пресекает и отсекает Силу абсолют-
ную;

Оно стоит на месте иль с непонятным интервалом дви-
жется по кругу,

В сомненьях пребывая о своем начале и о завершении

своём,

350. Иль по дороге следует, которой нет конца;

Живет оно в пустом огромном Несознании

Вдали от изначальных Сумерек, вдали от Пламени фи-
нального,

Подобно мысли, существующей настойчиво в обширной
пустоте.

И словно неразборчивая фраза,

355. Внушившая Уму несметный ворох толкований,

Оно значеньем наделяет случайный мир.

Предположение, что зиждется на доводах сомнительных,

Послание непонятное, запутанная мысль,

Теряющая цель свою, есть всё, что может выразить оно:

360. Сознание это выражает только часть вселенского бо-
жественного слова. Оно два

Исполинских знака только оставляет без движенья, и сло-
во это теряет смысл⁴,

При этом без разрешения вращает средний знак,

В себе несущий универсум, тайною сокрытый,

Как если б настоящее одно без прошлого, без будущего
вкупе,

365. Круженья тот же самый цикл повторяя,

Вращалось вокруг своей оси в своём пустом Пространстве.

⁴ Мудрецы древности говорили, что вселенское божественное слово ОМ состо-
ит из трех знаков или звуков: А, У и М (АУМ). Средний знак У, по мнению Шри
Ауробиндо, обозначает UNIVERSE – Вселенную.

Сокрыт творения смысл в таком сознании;

Без всякого контекста оно читает эту вселенскую страницу:

Все знаки эти всматриваются в нас неведомым рисунком,
370. Как если б явлены нам были они на языке чужом

Иль шифром символов, сверкающих без всякого ключа к разгадке,

Как часть иносказания высокого.

В глазах творения бренного оно имеет вид

Великолепья чуда бесполезного, никчемного;

375. Себя напрасно расточая, что может лишь недолго продолжаться,

Подобная реке, что моря своего не может отыскать вовек,

Вселенная течёт сквозь жизнь и смерть на острие у Времени,

И пламя ее мощных действий творит в Ночи огонь.

Глубокая потребность наша – соединить ещё раз то,

380. Что в наше время противоположно, разделено, раздвоено,

Раздвинуто по сферам независимым и встретиться не может никогда,

Или друг другу противолежит подобно полюсам разноименным Дня и Ночи.

Должны заполнить мы пробел огромный, сотворенный нами -

Необходимо воссоединить одну закрытую согласную, сто-

ящую в конце⁵,

385. И гласные открытой Бесконечности, стоящие в начале⁶;

Материю и Разум здесь дефис должен соединить -

Он есть короткая и узкая тропинка души, ввысь восходящей:

Необходимо восстановить связь сущего всего, что тайною укрыта,

Сердца наши – призвать к себе утерянную нами Идею Бога,

390. Восстановить то Слово совершенное, объединить

И Альфу, и Омегу в одном священном звуке;

Тогда существовать будут в согласии Дух и Природа.

Две эти части станут завершением таинственного плана.

В эфире «Я» обширном и лишенном формы, лишенном знаков,

395. В Безмолвьи неизменном, белом, обнаженном,

Сверкая отстраненно, как золотые ослепительные солнца,

Сокрытые в лучах, через которые глаз смертного смотреть

не может,

Чистейшие, ничем не ограниченные силы Духа

Сияют пламенем в уединении мыслей Бога.

400. В его блаженстве неотъемлемом

⁵ «М» – согласная с закрытым звуком.

⁶ «А» и «У» гласные с открытым звуком, которые вместе с согласной образуют слово «AUM».

Живут восторг, сияние, тишина,

Живут вдали от Силы, что кричит о боли:

Избавлены они от близости израненных сердец

И отвергают ложную Идею горя,

405. Покоятся они невозмутимо на вечной Воле -

Безукоризненные в знании своём, в своём могуществе.

Ведь, повинуются они закону Духа и принимают во внимание лишь его;

У них нет цели, что-то постигать, намерения служить кому-то.

В своей непреходящей чистоте неумолимо отвергают они

410. Любой обмен или оплату в виде поклонения;

Их не колеблет ни молящийся невежда, ни крик протеста,

И во внимание не принимают они наш грех и добродетель нашу;

Не подчиняются они тем голосам, что умоляют,

Не держат они и отношений с господством фальши;

415. Защитники они безмолвья Истины,

Хранители закона неизменного.

Источник их могущества – Отождествление себя с Божественным,

Глубокое предание Ему себя – путь их к познанию.

Покой, подобный сну, является их действием.

420. Взирая на борьбу нашу глазами беспристрастными,

В покое пребывая независимом от бед, под звездами

Глядят они, бессмертные, на действия Случайности и

Смерти,

Недвижно наблюдая движение тысячелетий.

Не трогают их развороты длинной карты предначертанной Судьбы,

425. И всё ж без этих проявлений Духа вселенная быть не смогла б.

Глухой к мольбам, желанию, надежде и судьбе,

Их центр нерушимого могущества, движений никаких не проявляя,

Поддерживает грандиозную задачу мира.

Свет знаний их не позволяет умереть ей из-за неведения,

430. Их безразличие хранит стремление её.

Подобно высоте, что побуждает низкое всегда взбираться вверх,

Подобно широте, влекущей малое к просторам приключения,

Их отчужденность побуждает человека превосходить себя.

Вздывается страсть наша, чтоб соединиться с покоем Вечного,

435. Наш карликовый ум стремится свет Всеведущего встретить,

Сердца беспомощные наши тщатся силу Всемогущего лелеять.

Явленья Духа, неохотно соглашаясь с мудростью, что ад создала,

И с горькой пользой слез и смерти,
И молча уступая Времени, идущему без остановки шаг за шагом,

440. О боли, что сердце мира жалит, кажется, не думают,
Не думают о боли, что разрывает его тело и живое существо;

Превыше радости, печали ход величия такого:
Участия они не принимают в добре, что умирает после,
Безмолвные и чистые, они не разделяют сделанного зла;
445. Иначе сила их искажена быть может и человека может не спасти.

Осознающий истину, что обитает в противоположностях от Бога,

И пробудившийся к движению всевидящей вселенской Силы, -

Бессмертный видит то, что мы совсем не видим:
Лет долгих и двусмысленных итог неспешный,
450. Добро, которого не ждали, от дел несчастных.
Он смотрит на аспекты скрытые и силы, скрытые от взгляда,

И видит он закон и ход событий истинный естественный.
Его не побуждают к действию желания своей короткой жизни,

Его не беспокоят шпоры жалости и страха,
455. Он не торопится распутать узел космических проблем

Иль сгладить скрип, что раздирает сердце мира.

Во Времени он ожидает часа Вечности.

Но всё же тайная духовная поддержка существует на Земле;

Пока витки неспешной Эволюции раскручивают жизнь,
460. И сквозь несокрушимые твердыни Природа прорубает себе дорогу,

Над всеми этими делами царит влиянье Бога.

Мы пребываем совсем не на случайном небесном теле,
Мы для решения задачи непосильной сюда заброшены -
Живые в неживой кружащейся вселенной;

465. Ведь, даже сквозь сложный хаос, называемый Судьбою,

Сквозь горечь смерти и паденья

Мы ощущаем божью Руку, простертую над нашей жизнью.

Присутствует Она в телах бесчисленных и при рождении нашем;

Своей железной хваткой Она реализует безотказно

470. Итог единственный предельный неизбежный,

Который никакая воля не в силах отобрать и рок не может изменить;

Она хранит Бессмертия корону сознательного полностью,
Божественность, обещанную нашим борющимся душам,

Когда отважилось в страдании жить и умереть впервые сердце человека.

475. Создатель мира нашего – его Владыка вечный:
Ошибки наши все – шаги Его по предначертанной дороге;
Работает Он с помощью превратностей жестоких нашей
жизни,

Работает Он с помощью тяжелого дыхания труда и битвы,
Работает Он с помощью слёз наших и грехов, и горестей,
480. И знание Его главенствует над всем незнанием на-

шим;
Ведь при любых явлениях, лежащих на наши плечи,
И при любых болезнях настоящих и коллизиях судьбы,
Когда кругом мы видим лишь бездействие и горе,
Нас через все невзгоды спокойно и безмолвно его могучее
Водительство ведет.

485. Как только мы того заслужим в великом этом мире,
на части разделённом,
Единство с Богом и Его блаженство врожденным нашим
правом станет.

В календаре Неведомого дата зафиксирована -
Рожденья годовщина гордого, высокого:

Тогда изменчивый свой шаг душа людская оправдает,

490. Всё станет близким, что сегодня нереально или слиш-
ком далеко для нас.

И, наконец, спокойные и удаленные Могущества начнут
свою работу.

Бесстрастные, готовые к задаче, предназначенной для
них,

Великолепья силы, что сострадают в мудрости своей извечной,

Ждут звука гласа Воплощенного, чтоб прыгнуть
495. И преодолеть глубокую расселину Неведенья,
И исцелить всю пустоту тоскующих разливов Жизни,
И бездну ту наполнить, которая является вселенной нашей.

Тем временем здесь и сейчас на полюсе, лежащем напротив Духа,

В мистерии глубин, которые Бог приспособил
500. Для своего жилища, скрытого от размышляющего взгляда,

При компромиссе твердой абсолютной Истины
И Света, что пребывает рядом с тёмной стороной явлений,

В трагикомедии божественного маскарада –
Этом далёком долгом поиске восторга, вечно длящегося рядом, -

505. В мечте великой, из которой создан мир,
Под сводом золотым, что опирается на спину черного дракона⁷,

Сознательная Сила, что действует в груди Природы -
Работница в одежде темной, претворяющая замысел космический,

Несущая в себе те образы богов, что были ещё не рожде-

⁷ Черный дракон – согласно Ведам это Несознание или Неведение.

ны,

510. Душеприказчица Идеи неизменной,
Стесненная в движениях, охваченная кольцами Судьбы -
Высвобождает час за часом секретный свой заряд,
Как попечитель терпеливый вечного и медленного Време-
ни.

Предвидит всё она в своих глубинах властных, скрытых
маской;

515. Стремление немое бессознательных пучин
При этом отвечает перед волей, что на высотах зрит,
А Слова первый звук – того, что разворачиваться стало⁸, -
Тяжеловесный, грубо ощущаемый, несёт свет завершения
своего.

Причастна Сила эта к глубинам нисхождения победы ве-
личайшей

520. И к предзнаменованью восхожденья безграничного
души.

Всё здесь, что кажется отдельным существом,
Есть только образ трансцендентного Единого:

Все существуют только благодаря ему, их жизнь – это его
дыхание;

Забвенья глину отливают в форму его незримое Присут-
ствие.

525. Партнером по игре с могущественной Матерью

⁸ АУМ.

Пришел Он на планету, что кружится в полнейшей темноте,

Чтоб в форму человека спрятаться от поиска Её⁹.

Он был сокрытым духом в Несознания сне,

Бесформенной Энергией, беззвучным Словом,

530. Он был здесь раньше, чем появились все начала,

Чем жизнь смогла дышать и появился свет ума.

Сообщником являясь Её вселенского притворства,

Он превращает образы реальные в свои подобия,

А символ назначает равным истине:

535. Всем своим мыслям вечным во Времени Он форму придает.

Он есть субстанция, и Он же – сущность всех вещей;

Она же сотворила из Него могущество своё и мастерство

И обвивает Его магией своих же настроений,

И создает из мириадов Его истин мечты свои, которым несть числа.

540. Господь существования к Ней низошел,

Бессмертное дитя среди недолговечных лет родилось.

О целях и о личностях задуманных мечтая,

Она преследует одну свою идею – идею лишь о Нём,

И здесь Её пленяет взгляд, там – жест:

545. Он вечно повторяет в них свои рожденья, что непрестанно длятся.

⁹ Шри Ауробиндо в соответствующем афоризме говорит, что Бог и Природа – как мальчик и девочка, играющие в прятки: они прячутся и ищут друг друга.

Он есть Создатель, и Он – сам мир, который сам и создал,
Он – виденье, и Он же есть Провидец,
Он – действие, и деятель сам в нём,
Он – знание, и сам же познающий,
550. Он есть мечта, и Он же сам мечтатель.

Есть Двое, которые по сути есть Единый, – во множестве миров они играют;

И в Знаныи, и в Неведеньи они уже встречались и творили,
И свет, и темнота – чередованье их открытых и закрытых глаз;

Боль наша и наше наслажденье – их схватка жесткая и жаркие объятья,

555. А все надежды и деянья наши – известны в их истории прекрасно;

Они повенчаны неслышно и в жизни нашей, и в наших мыслях.

Вселенная похожа здесь на вечный маскарад:

Всё, что нам видится, не то, чем оно в сущности является;

Оно – фактически лишь видение истины в мечтах,

560. Которое в мечтах быть может лишь частичной истиной,

Явлением, что видится значительным

На трудноразличимом фоне вечности;

Воспринимаем мы лишь только лик и оставляем без внимания все его значения;

Мы видим только часть и принимаем это всё за целое.

565. Таким они спектакль сделали, а мы все в нём лишь
роль играем:

Единый – автор и актер, и он же сам и сцена,
Он представляет Душу, а сценою является Природа.
Здесь, на земле, где должно нам исполнить свою роль,
Не знаем мы, как будет протекать ход этой драмы;

570. Речения, изложенные нами, окутаны их мыслью.
Хранит Она от взгляда нашего свой грандиозный план,
Скрывая и свое блаженство, и триумф
И пряча Любовь и Мудрость в своём сердце;
Из красоты Её и чуда

575. Мы можем ощущать лишь только малость приглу-
шенную.

В приниженное божество здесь также наряжается и Он;
Он отказался здесь от своего могущества,
От прежнего покоя своего и безграничья.
Он знает лишь Её, Он позабыл себя;

580. Он отказался от всего, чтобы Её великой сделать.
Надеется Он в Ней вновь обрести себя,
В жизнь воплотить, соединить покой свой вечный
С Её экстаза творческой страстью.

Владыкою являясь и земли, и неба,
585. Предоставляет Ей Он управление вселенной
И наблюдает за этой сценой как Свидетель.

Статист без слов Он на Её подмостках
Иль за кулисою присутствует безмолвно.

Он в этом мире, Ей принадлежащем, рождение принимает
590. И предугадывает смысл Её таинственного жеста,
Пытается понять тот случай, что меняет настроение Её,
Определяет Её замысел, который, вроде бы, Она не знает,
И служит Её тайной цели, уж, длительное время.

Он поклоняется Её величию, как поклоняются Богине;
595. Он преклоняется пред Ней – пред управителем своих

желаний,

Он предается Ей, как матери своих желаний,

Ей возжигает фимиам своих ночей и дней

И в жертву на алтарь Её приносит жизнь свою.

Заступник восхищенный Её любви и милосердия -

600. Весь мир Его является блаженством в Ней:

Все силы существа Его растут через Неё;

При помощи Неё определяет Он цель Бога, скрытую во
всём.

Придворный в Её свите многочисленной,

Согласный рядом быть, чтоб постоянно ощущать Её -

605. Он максимально претворяет в жизнь то малое, что
создает Она,

И своим собственным восторгом украшает все Её дела.

Короткий взгляд Её чудесным делает весь день Его,

А слово, сказанное Ею, часы Его блаженством окрыляет.

Она – опора всех без исключений дел Его и самого Его:

610. Возводит Он все дни свои счастливые на щедрых Её
дарах

И тащит на себе павлинье оперение восторга жизни,
И Его радость сияет солнцем от мимолётной Её улыбки.
Он всеми способами служит Её запросам царственным;
Он заставляет все часы вращаться, согласуясь с Её волей,
615. Всё отражает прихоти Её, всё только – их игра:
Весь этот мир обширный лишь есть Он и Она.

Это – тот самый узел, что связывает вместе звезды:
Они вдвоём являются Единым – секретом силы всей,
Они вдвоём являются Единым – властью и правом в су-
щем всём.

620. Его душа, безмолвная, мир подпирает и Её,
Все действия Его – из списков Её заповедей властных.
Счастливый и инертный лежит Он под Её стопами:
Он предлагает грудь свою Её космическому танцу,
В котором наши жизни представляют Её волнительный
театр,

625. Который вынести без силы Его внутри никто не мо-
жет,

Который не отринул бы никто из-за Его блаженства.
И Ею придуманы Его дела и мысли,
И бытие Его – Её простор зеркальный:
Он говорит и действует, лишь только вдохновленный Ею,
630. И подчиняются Его дела всем молчаливым Её запро-

сам:

Покорно переносит Он удары мира,

Поскольку Её прикосновенья формируют и душу Его, и тело:

Всё путешествие Его сквозь дни текущие – Её наполненный сияньем марш;

Бежит Он по Её дорогам по курсу, заданному Ею.

635. Свидетель Он и ученик и в радости Её, и в скорби,
Партнер в грехе, творимом Ею, и в добром деле,
Он согласился с самого начала с Её дорогами, подверженными страстью,

И грозная и сладостная сила ведет по ним Его.

Все действия Её Он подтверждает именем своим;

640. Его молчание скрепляет подписью Её дела;

Во исполнение замысла спектакля своего,

По прихоти момента и настроенью своему при этом,

По ходу времени в обычном этом очевидном повседневном мире,

Где всё наполнено глубинным смыслом и странно для взора видящего,

645. А образы обычные Природы являются плетеньями чудес,

Она при помощи Его свидетельского взгляда и механизма Его силы

Развертывает вещество космического Действа своего,

Своих событий, что возносят и терзают душу, развертывает при посредстве

Силы движущей своей, энергий, могущих спасти и по-

давливать,

650. И Слова своего, что молвит в тишине нашим сердцам,

И своего безмолвья, что превосходит Слово высочайшее,
Своих глубин и тех высот своих, к которым движется наш дух,

Своих событий, что сплетают наших жизней ткань,
И всё, благодаря чему мы можем потерять или найти себя,

655. Событья сладкие и горькие, великие и мелкие,
Дела ужасные и светлые, и божии по сути.

Она создала в космосе империю свою,

И напоённые могуществом, и тонкие Её законы руководят
тем царством.

Его сознание – ребенок на Её коленях,

660. А существо Его – обширнейшее поле для Её экспериментов,

Её пространство беспредельное – площадка для Его воззрений;

Она связует с ясным знаньем форм Времени

И творческого заблуждения ума, границы возводящего
повсюду,

И случая, что носит непреклонный лик судьбы,

665. И всей Её игры со смертью, болью и Незнанием
Его несчастное бессмертие, что было отменено для нас.

Его душа – лишь атом некой массы,

А вещество Его – материал Её работ.

И в смерти сущего всего Его дух выживает.

670. Взбирается Он вверх по кратким промежуткам бытия

Его из Ночи к Свету вековечному ведет Она.

Дар добровольный Его – беспрекословное предание себя,

При этом сила трансцендентная Его покорна Её силе.

В мистерии Её вселенского незнания,

675. В загадке Её игры непостижимой

Он действует по образу, что Ею установлен для Него.

Творение, что собрано из вещества, подверженного смер-

ти, -

Он мыслит Её мыслями, Её волнения вздымают Его грудь;

Он выглядит тем существом, каким Она хотела б Его ви-

деть,

680. Он – это всё, что может сделать Её мастерская воля.

Хоть кажется, что забавляется Она с ребенком собствен-

ным

Иль с куклой, взятой на одно лишь представленье, иль с

рабом,

Она ведет Его по непростым своим дорогам

К свободе и господству Вечности,

685. К позиции бессмертия, стоящего над этим миром.

И даже в Его смертной жизни в обличии телесном -

В обличии путника, идущего без цели между рождением

и смертью,

Мечтающего мимолётно о бессмертии, -

Чтоб царствовать, Она его подстёгивает властно. Он принимает Её силу;

690. Он на Неё одел хомут закона, который Она же и провозгласила,

А на корону возлагает личину думы человеческой.

Сидящий на поводке Её и связанный Её капризом скрытым,

Он изучает Её дороги, чтобы хотя б на час

Он смог добиться своего, и Она стала б его волю исполнять;

695. Он делает Её рабыней своей сиюминутной страсти:

Она идет на поводу творенья своего и притворяется, что подчинилась,

Поскольку была создана лишь для него и для его же пользы существует.

Но даже побеждая Её, он – большей частью Её раб;

Он – Её подчиненный, все его средства Ей принадлежат;

700. Он ничего не может без Неё, Она спокойно правит им.

Но, вот, Он пробуждает память собственного «Я» – сути своей:

Суть видит внутри себя лик божества,

Всевышний пробивается сквозь форму человека:

Вершины высочайшие свои Она демаскирует и себя являет Его супругой.

705. До той поры Он лишь забава в Её игре;

Правитель, вроде бы, Её и в то же время непростая Её игрушка;

Живой машиной, движимой Её источниками силы,
Он действует как будто бы во сне;

Шагая автоматом по колее Судьбы,

710. Он ковыляет, ведомый хворостиной Её Силы:

Как вол трудится мышление Его во Времени полях;

И воля, которую Он мыслит своей, приобретает форму в кузнице Её.

Послушный немому руководству Природы Мира,

В движение приводимый своею собственной огромной Силой,

715. Партнером, избранным в гигантской титанической

игре, -

Он сделал Её волю хозяином своей судьбы,

А Её прихоть – дозатором Его и наслаждения, и боли;

Он себя продал Её могуществу

За благо любое или любой удар по Её царственному выбору:

720. Ведь, даже в том, что чувству нашему страданием представляется,

Он ощущает сладость Её руководящего касания,

И видит в каждом своем опыте Её блаженные ладони;

Всем сердцем Он ощущает Её поступь счастья

И удивление от радости Её прихода

725. В событии каждом, в случае любом.

Всё, что Она способна делать непостижимо Его взору:
Он получает наслаждение в Ней, пловец Он в Её море,
Поклонник Он неутомимый Её блаженства миром;
Он радуется каждой Её мысли и действию каждому Её
730. И соглашается со всем, что может захотеть Она;
Стремится быть Он всем, что может пожелать Она:
Он – Дух Единый, неисчислимый –
Оставил позади себя своё уединенное бессмертие.
Он – бесконечное рождение в бескрайнем Времени,
735. Её конечное сообщество существ в Пространстве
бесконечном.

Хозяин жизни в нас таится
И в прятки Он играет со своею собственной Силой;
Бог тайный медлит в каждой орудии Природы.
Как в своём доме в человеке живет Присущий нам;
740. Вселенную Он сделал полем для развлечений соб-
ственных,
Просторным залом гимнастическим для дел своих могу-
чих.
Всезнающий – Он принимает наше состояние отсталое,
Божественный – Он входит в образ человека или живот-
ного любого;
Он – Вечный – санкционирует Судьбу и Время
745. И, как Бессмертный, развлекается со смертью.
Всезнающий решил на Невежество,

И примирился Всеблаженный быть бесчувственным.

Он – Воплощенный в мире борьбы и боли -

Как платье надевает радость или горе

750. И пьет свой опыт, как будто крепкое вино.

Он, чьё превосходство правит Просторами, наполненными смыслом,

Сейчас Пророком пребывает в глубинах наших подсознательных -

Отдельной одинокой просветленной Силой.

Он – Абсолютный, Совершенный, Уникальный -

755. Свою немую Силу из Безмолвия призвал,

Где та лежала в тишине невыразительной, бесформенной,

Храня от Времени во сне недвижимом своём

Невыразимое могущество уединенности Его.

Он – Абсолютный, Совершенный, Уникальный -

760. В безмолвии вступил в пространство наше:

Бесчисленным всем лицам он форму «я» в себе придал;

Своею силой Он выстроил обличье миллионов;

Он пребывает в тех, кто существует в его Просторе одиноком;

Его – весь космос, и только Он в нём Временем является.

765. Неуязвимый, Абсолютный, Совершенный -

Он тот, кто пребывает в нас, как сущность наша тайная,

Примерив на себя несовершенства маску.

Он сделал обитель плоти эту своею собственной,

Свой образ вбросив в человеческий размер,
770. Чтоб мы могли возрасти к Его размеру;

Затем Творец нас переплавит

В фигуру божества и замысел наложит

Бога на отливку смертного,

Тем самым возвышая жизнь конечную до бесконечия Его,

775. Соприкасая с вечностью мгновенье это.

Преобразование это – земли долг небесам:

С Всевышним повязала человека взаимная порука.

Его природу мы должны примерить на себя, как Он при-
мерил нашу;

Мы – Бога сыновья и быть должны точь-в-точь как Он:

780. Взрастить должны божественное мы в его частичке
человеческой.

Жизнь наша – это парадокс, Бог – ключ к его разгадке.

Меж тем, всё – только тень мечты, в которой

Для неподвижного и размышляющего духа

Сам он и жизнь его лишь надевают выражение мифа -

785. Обремененье долгой, ничего не значащей поэмы.

Ибо ключ скрыт, его содержит Несознание;

Бог тайный пребывает за его порогом.

В теле людском, что темнотою окружает Дух бессмерт-
ный,

Он – безымянный Обитатель, который наделяет силами
незримыми,

790. А также риском непредвиденного результата
Обличия Материи и побуждения, за мыслями стоящие;
Он – всемогущее, сокрытое Влияние -
Сидит неощутимо для обличья, в котором пребывает,
И знание своё скрывает, чтобы ум искал его.

795. Как странник в мире, созданном Его же мыслями,
Среди контрастов истин и ошибок Он кружит,
Чтоб найти ту мудрость, что, по большому счету, принад-
лежит Ему.

Он ищет самого себя, как позабывший,
Как тот, кто свет пытается найти, потерянный внутри се-
бя:

800. Как житель временный, что задержался в местах чу-
жих,

Он к дому путешествует, которого не помнит боле.

«Я» собственного истину пытается найти тот, кто и есть
та Истина;

Он сам – Игрок, который стал игрою,

Он сам – Мыслитель, который этой мыслью стал;

805. Он сам – те многие, что прежде были Единым бес-
словесным.

В обличьях символических вселенской Силы,

В её живых и неодушевленных знаках,

В сплетении событий её сложных

Он изучает чудо непрестанное – Он изучает самоё себя,

810. Пока в тысячу раз ббольшая загадка не будет решена

В одном отдельном свете всевидящей Души.

Таким был договор с Его супругою могучей
Ради любви Её, соединился Он с Нею навек,
Чтоб следовать по курсу временному вечности
815. Среди драм магических Её внезапных настроений,
Чтоб следовать сюрпризам Её замаскированной Идеи,
Превратностям Её бесчисленных причуд.

Нам кажется, две цели у Него, но они обе – лишь одно.
И созерцают они друг друга поверх владений Времени;
820. Дух и Материя – их и начало, и завершение.

Искатель Он в формах жизни скрытых смыслов
Обширной, неотмеченной ещё на картах, воли великой
Матери -

Нам примитивной, кажется, загадка Её земных дорог.

Исследователь Он и мореплаватель

825. Во внутреннем, укрытом тайной, беспредельном оке-
ане.

Искатель приключений Он и космолог

Магической земной малоизвестной географии.

По плану четкому закона для материальных Её творений,

Где кажется надежным всё, и изменение любое не меняет
ничего,

830. Хотя конец и остается нам навеки неизвестным,

И вечно неустойчив жизни переменчивой поток,

Его дороги предопределяет для него безмолвная судьба;

Как остановки на пути потока веков летящих, себя являют
земли твердые,

Которые прельщают и побуждают задержаться ненадолго;
835. Затем ум заставляют двигаться вперед иные перспек-
тивы,

Поскольку не приходит он к конечной точке безграничья,
Поскольку нет и убежденности последней, что может сде-
лать передышку мысль,

И нет в переживании души конечной остановки.
Граница, дальние края, в которых никогда Он не был,
840. И совершенство то, которого пока что не достиг, к
нему взывают

Из пределов дальних незримого доселе мира:
Лишь долгое начало было завершено.

Он – мореплаватель в потоке Времени,
Неторопливый первооткрыватель вещественной Вселен-
ной,

845. Который с жаром бросился в рождение это малое те-
лесное

И изучал свое умение посредством крошечных частичек
«я»,

Теперь рискует в бесконечьях неизведанных,
Как путешественник по океанам Вечности.
В начале этом движения по миру – исходном, отправном -
850. Его мы видим не замечающим свою божественную

силу

И посвященным лишь слегка в безбрежный её промысел.
Искусный капитан непрочного суденышка,
Торговец мелкими недолговечными товарами -
Цепляется за берег он сначала и избегает неизведанных

широт,

855. И не рискует смело встретить океан далекий и опасный.

Усердно ходит он по узкому прибрежному маршруту,
И плата отмеряется ему от порта к порту

Согласно с неизменным безопасным этим хождением по кругу -

Не ставит он на карту новое, невиданное им.

860. Но, вот, он слышит звук морей широких.

Раскинувшийся мир огромный зовет его к местам далеким

И к путешествиям под свод видений значимых,
К народам неизвестным и берегам ещё не покоренным.

Киль корабля его торгового надежно держит строй

865. И служит мировой торговле сокровищами Времени,
Срывая пену с моря, великого и окруженного со всех сторон землею,

Чтобы достичь в далеких странах той самой неизвестной гавани

И рынки там открыть для процветающих ремесел жизни,
Для тюков с товарами богатыми и для полотен разноцвет-

ных, статуэток,

870. Игрушек драгоценных, привезенных для детских игр,

Изделий тленных тяжкого труда,

Вещей великолепных, преходящих – добытых и теряемых
во днях.

Или пройдя сквозь скальные столбы ворот,

Но не рискуя рассекать еще никем не названные океаны

875. И путешествовать в мечту о дальних далях,

Плывет вблизи он побережий незнакомых

И гавани находит новые там – в островах, штормам от-
крытых,

Или, ведомый надежным компасом своею мысли,

Выныривает он сквозь дымку яркую, скрывающую звез-
ды,

880. И следует маршрутами торговыми Неведения.

Корабль его несется к неоткрытым берегам,

Он открывает там немислимые континенты:

Искатель островов Благодаренья -

Он оставляет земли прошлые и дальние моря пересекает,

885. И символом его предмета поиска становится извеч-
ное;

Жизнь для него меняет временем воздвигнутые сцены,

Те образы, что застилают бесконечность.

Ограничения земные отступают, и в атмосфере окружаю-
щей

Полупрозрачная вуаль уже не застилает его взор.

890. Он пересек уже пределы мысли смертной и надежды,

Достиг границы мира и смотрит пристально на то, что по-

зади;

Там тела смертного глаза свой погружают взор

В Глаза, что наблюдают вечность.

Другой великий мир исследовать здесь должен путеше-
ственник по Времени.

895. Вот, наконец, он слышит пение на горних тех высо-
тах,

И даль с ним говорит, и вырастает неизвестное пред ним:

Пересекает он незримого границы,

За грань выходит взора смертного

На виденье себя и сущего, что внове для него.

900. Он – дух в незавершенном мире,

В котором мир его не знает и не может сам познать себя:

Поверхностная значимость его безрезультатных поисков

Приобретает более глубокий смысл для внутреннего ви-
дения;

И его поиск – это поиск света темной,

905. Бессмертья – жизнью смертной.

В сосуде том земного воплощения

Сквозь узкие ограды ограниченного чувства

Он наблюдает Времени магические волны,

Где ум, луне подобный, освещает мира темноту.

910. Видны там, вечно уходящие от взора,

Лишь очертания туманного загадочного берега,
Как если б они были светом прорисованы мечты неясной,
призрачной.

Он – мореплаватель по морю Несознания бездонного -
Плывет сквозь звездный мир надежды мысленной
915. На палубе Материи к сияющему солнцу духа.

Сквозь шум и крик многоголосия земли,
Сквозь вознесенные и неизвестные безмолвья,
Сквозь странный срединный мир под небесами божьими
Идёт он к цели, находящейся вне карт земных,
920. Вне всех земных меридианов и параллелей.

Зачем он сквозь неведомое держит путь, и что за миссию
секретную

Доверила ему божественная Мать, никто не знает.
В сокрытой силе всемогущей Её воли,

Её дыханием ведомый сквозь вздрагивающие глубины жизни,
ни,

925. Сквозь грохот молний и безветренную тишь,
Сквозь мглу, туман, в котором ничего не видно,

Несет он на груди своей Её распоряжения, скрепленные
Её печатью.

Позднее он узнает, открывая манускрипт мистический,
Идет ли он к пустому порту в том Незримом,

930. Или, вооруженному Её указом, ему открыть придется
Новый ум и тело новое в чертогах Бога
И в Его доме славы Бессмертное взлелеять,

И с Бесконечностью единым сделать всё конечное.

Сквозь горькие потерянные годы, которым несть числа,
935. Его блуждающую лодку вперед толкают ветры океанские
Её:

Плеск волн космических во время этого движения

Распространяет слухи вокруг него и риск, и зов.

Он следует всегда в потоке Её силы.

Плывет он через жизнь и смерть, и через жизнь другую,

940. При этом путешествуя и пробудившись, и во сне.

Ему присуща мощь Её оккультной силы,

Которая его связует с судьбой его творения,

И никогда не сможет Путешественник могучий успокоиться,

И никогда не сможет прекратиться мистическое плавание
это,

945. Пока не будут несознания сумерки извлечены из
человеческой души,

Пока не овладеет утро Бога ночью человека.

Пока Природа существует, Он пребывает в ней,

Поскольку, без сомнения, Он и Она – едины;

Ведь на груди своей хранит Её Он даже во время сна.

950. И кто бы ни ушел, Её он не оставит,

Чтоб без неё покоиться в Непознаваемом.

Есть истина, которую познать необходимо, работа, которую необходимо сделать;

Её игра реальна – Он некую Мистерию осуществляет:

В космическом непостижимом капризе Матери есть план,
955. Намерение в Её игре обширной и случайной.

Она всегда его обдумывала – с первого рассвета жизни,
И волю эту постоянную скрывала своей игрой,
Чтоб Личность пробудить в безличной Пустоте
И Светом Истины сразить тяжелые земные корни транса,
960. Чтоб разбудить «я» спящее в глубинах неосознаю-

щих,

И Силу воскресить потерянную в этом сне змеином,
Чтобы из Времени могли смотреть глаза Извечного,
А мир смог проявить божественную явь,

Ибо для этого Он свою вечность чистую оставил,

965. И плоти ношу тяжкую Он возложил на дух,

Чтоб семя Божества смогло в Пространстве, разума ли-
шенном, дать свой росток.

Конец Песни четвертой

Песнь пятая

ЙОГА ЦАРЯ:

ЙОГА СВОБОДЫ И ВЕЛИЧИЯ ДУХА

Он знание это получил впервые от обычных смертных.

Допущенный преодолеть скрывающую светлый ум завесу,

Которая висит меж нашей мыслью и абсолютным виде-

ньем,

Он обнаружил дверь мистическую в мир оккультный,

5. Что существует рядом с родником предвиденья в душе,

И заглянул туда, где пребывают крылья райского блажен-

ства -

В пространство молчаливое, в котором всё известно из-
начально.

К сомнениям разным и всяким убеждениям безразлич-
ный

И жаждущий лишь одного реального открытого толчка,

10. Он разрубил оковы разума, что оплетают сердце чело-

века,

Отбросив прочь ярмо материального закона.

Привычки тела теперь уже не связывали силу духа:

Хотя жизнь прекратила своё биенье, не вторглась смерть

в него -

Отважился он жить, когда дыхание с мышлением затихли.

15. Так смог шагнуть он в то магическое место,

Которое увидеть вряд ли можно торопливым взором,

На миг лишь отвлеченным от всяких разных размышле-

ний разума,

От бедности земного взгляда на Природу.

Всё, что познали Боги, здесь было всем известно.

20. Здесь, в зале сокровенном, закрытом и безмолвном

Хранятся рукописи все без исключения вселенского пис-

ца;

Есть там скрижали и священного Закона,
И список Книги Бытия.

Присутствуют там тексты и глоссарий правды Вед.

25. Там ритмы и параметры движений звезд,

Что знаменуют все движенья человеческой судьбы -

Те значимые силы чисел и форм земных,

Тот тайный код истории людского мира,

Соотношение Природы и Души -

30. Записаны во глубине таинственного сердца Жизни.

Здесь в проблесках пространства памяти людского духа

Он смог восстановить те проливающие свет заметки на

полях

Двусмысленного, неразборчивого свитка, записанного
световыми точками,

И прояснить преамбулу, условие спасительное

35. В том темном Соглашении, при помощи которого царит всё то,

Что поднимается из сна Природы материальной,

Чтобы в другие, новые одежды облечь Предвечного.

Он смог перечитать сейчас и заново истолковать в том
свитке всё:

Причудливые символы, разрозненные, трудные для понимания знаки.

40. Он смог растолковать пророчество и парадокс оттуда,

Загадочные фразы и выражения непонятные,

Глубокий остроумный смысл противоречий в повторах

ИСТИНЫ

И распознать законную необходимость

Условий тяжких могучей той работы -

45. Тяжелый невозможный геркулесов труд Природы

В жизнь претворить могли лишь магия искусства Её муд-
рого,

Закон противодействия богов

И весь набор противоречий неразрывных.

Великая, в безмолвии пребывающая, Мать,

50. Используя в своём вселенском трансе для сотворения

и радости, и горя

Санкцию Вечности на некое рождение формы,

Неудержимо принимает для исполнения работы

Решимость, чтобы в неосознающем мире познавать,

Решимость, чтобы жить под властью смерти,

55. Неутомимое стремление к восторгу в сердце плоти

И исполняет с помощью явления души

При чудодейственном рождении в плазме космоса

Таинство соглашения Бога с Ночью.

Космический безмолвный Ум услышал еще раз

60. То обещание Предвечного своей творящей Силе,

Что к жизни вызвало срасти господни мира,

Крик смертного рождения,

А также начертало первый стих трагедии во Времени.

Из тех глубин возникла похороненная тайна мира;

65. Вот, Ашвапати прочитал указ, хранимый

В архивах тайника души, закрытых прежде,
И рассмотрел и подпись, и печать в нём огненную Муд-
рости

На выполняемой, покрытой тайною работе трудноразли-
чимой Силы,

Которая в самом Неведении ступени Света строит.

70. Глаза бессмертные открыло божество, доселе спящее:
Увидел он бесформенную мысль в бездушных формах,
Познал Материю, несущую во чреве ощущение духовное,
И Разум, что посмел Непознаваемое изучать -
Дитя Златое, которое вынашивает Жизнь.

75. В мысль с её чистой пустотой излился свет,
Передающий замысел вселенной знаками души -
Он изнутри читать стал мира внешнего писание:
Загадка потеряла свое смутное обличье и прояснилась.
Важнейшую страницу озарило сияние свыше.

80. В причуды времени намерение вмешалось,
Замысел встретил ковыляющую поступь Случая,
Судьба же обнаружила связь некую событий Воли, спо-
собной видеть;

Пространство прежнее немое наполнилось сознанием
безбрежным.

В той Пустоте увидел он всеведущего Вседержителя на
троне.

85. Желание, безмерная надежда охватили его сердце в

тот момент,

И чтобы разглядеть сверхчеловека форму,

К незримым и духовным высям глаза он поднял

В стремлении опустить на землю мир великий.

Должны были стать ему домом небеса, что промелькнули
пред его глазами.

90. Ярчайшее божественное солнце без всякого сомненья
вскоре озарит

То помещение сумрачное с его лестницею темной внут-
ренней,

Душу ребенка в детском крохотном саду

Среди предметов для занятий, постигаемых с трудом,

Душу, которая перерастает ранние основы интеллекта

95. И имитацию искусства земной Природы,

Свой диалект земной меняя на язык от Бога,

Исследуя Реальность в знаках бытия

И изучая логику божественного Бесконечья.

И этот Идеал стать должен повседневной истиной Приро-
ды,

100. Людское тело – озариться Богом, пребывающем внут-
ри,

Сердце и ум – почувствовать единство с миром сущим,

Душа осознающая – жить в мире осознания.

Как будто сквозь туман пик высочайший показался,

Величие проявилось вечно существующего Духа,

105. Который в некий фрагментарный мир был изгнан,

В среду одних подобий божественных явлений.

Подобья эти больше не могли служить преображённой

Ашвапати;

Гордость Бессмертного отвергла роковой удел

Жить скрягой, заключившим слишком скупую сделку, ле-

жащую

110. Между ничтожностью наших земных надежд

И сострадательностью необъятных Безграничий.

Достигнутая им высота отвергла слабость состояния зем-

ного:

Неудовлетворенная таким ограничением, широта его

Отпрянула от жалкого согласия с условиями Природы,

115. С презрением отвергла неприятный сокращенный

договор.

Исполнены в нём были начала только;

И кажется, что лишь была заложена Материи основа -

Основа лишь машины абсолютной, без души.

Иль всё казалось подогнанным из половинчатых идей,

120. Иль мы тисками обличия земного зажали

Несовершенный быстрый проблеск божественных явле-

ний,

Догадок и изменений небесных форм.

Сам хаос себя здесь соотносит с неким миром -

Структурой некой недолговечной, которая дрейфует в пу-

стоте:

125. Обрывки знаний и искры силы, не раскрывшие себя,

Краткие вспышки красоты в земных недолгих формах,
Отображения единства разрушенной Любви
Плывут, как будто «зайчики» зеркальные от солнца в небе
здесь.

Скопления густые незрелых пробных жизней
130. Увязаны всецело в мире нашем мозаичном.

Нет совершенного ответа на наши упования;
Есть лишь безмолвные слепые двери без всякого ключа;
Напрасно мысль стучится и свет, присвоенный себе,
несет.

Сердца, обманутые фальшью, что нам всучили на рынке
жизни,

135. Представ перед утраченным божественным блажен-
ством, цепенеют.

Есть грубый корм, чтобы насытить ненасытный ум,
Есть трепет нашей плоти, но нет волнения души.

Здесь даже тот восторг глубокий, который может Время
дать,

Является лишь подражанием блаженству, что не познано
умом,

140. И искаженным изваянием экстаза,
Счастьем израненным, которое не может с этим жить,
Мгновением коротким радости ума иль восприятия,
Подброшенного вселенской Силой телу – её рабу,
Или подобием восторга, навязанного нам

145. Неведением в его сералях.

Ибо всё то, что мы приобрели, быстро теряет цену,
Как старый обесцененный кредит в банке у Времени,
Как чек несовершеннолетний, который Несознанием подписан.
Усилие любое, чтобы что-то сделать, сопровождается нелогичностью,

150. И хаос ожидает каждый космос, сформированный уже:

Зерно провала скрывается в любом успехе.

И Ашвапати видел сомнительность всех обстоятельств здесь,

И неопределенность мысли человека, самонадеянной и гордой,

И мимолетность достижений его силы.

155. Он – человек разумный в неразумном мире,

Он – остров в море Неизвестного,

Он – малость, что пытается великой быть,

Животное с врожденной интуицией от бога.

Вся жизнь его – история, слишком обычная для пересказа,

160. Дела его – суммируя их вместе, дают пустяк, ничто,

Сознание его – светильник, зажженный, чтобы потом угаснуть,

Его надежда – лишь звезда над колыбелью и могилой.

И всё ж судьба великая стать может и его судьбою,

Поскольку вечный Дух есть его истина.

165. Он может заново создать себя и окружение своё,

И мир, в котором он живет, сформировать, как нужно:

Во Времени – невежда он, вне Времени – сам Знающий,
Он есть то «Я», что выше и Природы, и Судьбы.

И отстранилась его душа ото всего, что сделал он.

170. Умолк назойливый и бесполезный шум от бренного
труда,

Дней непрерывный кругооборот отброшен;

Затихло в отдалении многоголосие шагов всей жизни.

И лишь Безмолвие осталось его единственным партнером.

Бесстрастны и свободным от всех земных надежд стал он -

175. Фигурою в обители незримого Свидетеля,

Которая шагами измеряет обширный зал собора его мыс-
лей,

Лелея к небу устремленные невидимые крылья,

Под сводами, что смутно различимы в бесконечьи.

Зов был ему из тех высот непостижимых;

180. Индифферентный к небольшому аванпосту Разума,

Он в царстве пребывал обширном самого Предвечного.

Всё существо его сейчас превосходило Пространство,
мыслимое человеком,

А мысль его, лишенная оков, космическому виденью бли-
жайшей стала:

Вселенский свет объял его глаза,

185. Сквозь мозг и сердце золотой поток излился,

И в члены тела смертного божественная Сила низошла

Потоком из морей Блаженства вечных;

Он ощутил несказанную радость от этого пришествия.

Всеведущим Экстазом привлечённый,

190. Осознающий свой Источник тайный, всемогущий,

Живущий центр Безграничья этого

Расширился, чтоб равным стать со всем окружаем мира, -

Так Ашвапати развернулся к своей судьбе духовной.

Исчезли под его ногами вершины всей земной природы,

195. Как будто некие картины, оставленные на холсте

нестойкого эфира,

В чьём колебании далеком, затухая, теряются они -

Взобрался выше он, чтоб встретить Беспредельность.

Океаническая тишь Недвижного взирала за его подъемом:

Был он стрелою, через вечность пущенной

200. Внезапно из тугого лука Времени,

Лучом, что возвращается к родительскому солнцу.

Противник этого движения к свободе -

Дракон Неосознания черный – размахивал своим хво-

стом,

Бичуя силой дремлющее Бесконечье

205. В затмениях глубоких некой формы:

Пред Ашвапати лежала Смерть, похожая на те врата, что

в сон ведут.

Нацеленный лишь на Блаженство чистое

И алчущий добыть лишь Бога,

Взбирался он к Нему, пылая конусом огня.

210. Освобожденье божие такое дается лишь немногим и

нечасто.

Один среди многих тысяч, прежде незатронутых
И поглощенных только внешним планом мира,
Был избран тайным Оком очевидца,
И указующий перст Света лишь его ведет

215. Сквозь безграничия души, не нанесенные на карту.

Паломник он предвечной Истины,

И нам не охватить его безмерный ум;

Ушел от голосов он ограниченного царства,

Покинув однопутную во Времени дорогу бренной жизни.

220. Ступает он в преддвериях Незримого,

В пределах молчаливых обширнейшего плана

Или старается услышать, следуя Советчику бесплотному,
Клич одинокий в безграничной пустоте.

Глубокий рокот космоса стихает,

225. Он остается в тишине, которая царила до рождения
мира,

С душою, обнаженной пред Единым, который существует
вечно.

Вдали от безудержного влечения к предметам сотворен-
ным

Мысль и её кумиры тёмные тотчас же исчезают,

Шаблоны для творенья форм и личностей не существуют:

230. Здесь Ширь невыразимая осознает его, как самоё се-

бя.

Земли предвестник одинокий, идущей к Богу,

Он путешествует, чтоб встретить то, что невозможно передать словами,

Ступает он среди символов, еще не сформированных явлений, наблюдаемых

Закрытыми глазами молчаливых Нерожденных,
235. Прислушиваясь к эху одиноких своих шагов
В дворах извечных Уединенности божественной.
Остановившееся время наполнено невыразимым Чудом.
Его дух смешивается с сердцем вечности
И на себе несет безмолвье Бесконечья.

240. С божественном уходом от бранных мыслей,
В поступке необычном виденья души
Тянулось существо его в непроторённые высоты,
Отбросив одеяние своё людское.

Взрастало существо; чтоб встретить Ашвапати чистым и открытым,

245. Вниз Нисхождение могучие отправилось. Мощь,
Пламя,

Красота, бессмертными глазами видимые лишь наполовину,

Неистовый Экстаз, внушающая ужас Сладость
Окутали его своими колоссальными крылами,
Проникли внутрь нервов, сердца, мозга,

250. Затрепетавших, ослабевших от Явления этого:
От хватки незнакомой содрогнулось всё естество его.

В момент, который короче смерти, но длиннее Времени,
Какой-то Силой, которая безжалостней Любви, счастли-
вей Рая,

Беспрекословно взятое в божественные руки,
255. Влекомое неистовым блаженством и понуждаемое
им,

Потоком ураганным силы и восторга
Гонимое в немыслимые глубины
И возносимое в безмерные высоты,
Оно из лап смертельных Смерти было вырвано
260. И изменению беспредельному подвергнуто.

Всеведущий, который знает всё, не глядя и не рассуждая,
Не поддающийся познанию Всемогущий,
Мистическая Форма, которая миры в себе способна со-
держать,

В обитель страстную свою вмиг превратила душу Ашва-
паты,

265. Чтоб поиск одиночества его привел
К значениям объятья Бога.
И, вот, когда вневременное Око свело на нет часы,
Тем самым упраздняя деятеля вместе с действием,
Его дух широко и абсолютно безупречно заблистал:
270. Стал разум пробудившийся его чистою грифельной
доской,

Поверх которой мог писать сам Бог – Всемирный и Един-
ственный.

Всё то, что угнетает наше падшее сознание,

Было оставлено, как груз забытый:

При этом пламя, что казалось телом бога,

275. Все ограниченные образы из прошлого спокойно по-

глотило,

Для жития обширное оставив место «я» новому.

Прикосновение Вечности разрушило шаблоны чувств.

Всем его телом овладела неземная сила,

Гигантская работа оголила оболочки тела, скрытые от

глаз,

280. Энергии вмещались необычные, и мощные, невиди-

мые глазу руки

Мгновенно открутили тройную цепь ума и отпустили на

свободу

Всю широту небесную вниманья Божества.

Как с помощью одежды достигают образа её владельца,

Так с помощью материальных форм достигли Абсолюта

скрытого

285. Космическое чувство Ашвапати и трансцендентный

взгляд его.

Сильнее и возвышеннее стали эти инструменты.

Своя увеличительная линза пропала у иллюзии;

Как только из её слабеющей руки мерило это выпало,

Мельчайшим стало то, что принимало угрожающий раз-

мер.

290. Распался узкий обруч, которым это ограничивало

дух;

В открывшихся пред ним пространствах «я» громадных
Тело его сейчас казалось лишь личиной переходной,
А ум – крыльцом наружным какого-то бессмертного
жильца,

Крыльцом, раскрашенным бесчисленными фресками:

295. Дух Ашвапати ощутил сверхчеловека дуновенье.

Лишенное свободы божество прорвало ограждение кол-
довское.

Обрушились как будто бы под грохот грома и рокот моря
Глубокие барьеры, что стояли на пути невероятного исхо-
да.

Так неизменно существующие вместе с этим миром

300. Конец и цикл жизни у любой надежды и труда любо-
го,

Вобравшие неумолимо внутрь себя и мысли, и дела,

Все жестко закрепленные ограничения,

Изгладились под поступью того, кто воплотился в Ашва-
пати.

Покров зловещий сверху и бездонный склеп внизу,

305. Между которыми веками мечутся и жизнь, и мысль,

Неясные, внушающие страх границы которых пересекать
еще запрещено,

Страж темноты, немой и грозный,

Который властью наделен держать бескрылый дух

В пределах лишь Неведенья, Ума людского, -

310. Они, не защищающие больше двойственную вечность,

Исчезли, аннулируя свою чудовищную роль:

Немедленно фигура круга тщетного, замкнувшего творение земное,

Фигура, расширяющая ноль, утратила гигантский свой изгиб.

Все старые несокрушимые запреты сняты были:

315. Побеждена была земля, отменено Природы правило отжившее;

Питоньи кольца её Закона, ограничительного для людей,

Сдержанье не в состоянии были стремительно поднявшегося Бога:

Упразднены были сценарии Судьбы.

Не стало больше малого творения, которого преследовала смерть,

320. Ни хрупкой формы существа, оберегаемого от Безграничья,

Которое всё растворяет в самом себе.

Сильнейшие удары сердца мира, что затаилось в глубине его,

Как будто молотом взломали узкие плотины,

Хранившие нас в безопасности от сил вселенной.

325. Душа и космос встретились лицом к лицу, как силы равные.

Неограниченное существо в неизмеримом Времени

Наполнило Природу бесконечностью;
Диапазон неограниченных и титанических возможностей
увидел он в себе тотчас.

Открылось всё теперь всевидящему оку Ашвапати.
330. Природа тайная, с которой сняли всю её защиту,
Внушавшая когда-то опасенья в страшном полумраке,
Застигнутая им в своем уединении полном,
Лежала неприкрытой перед пылающим сверканием его
воли.

В палатах призрачных, залитых странным солнцем
335. И открываемых с трудом таинственными скрытыми
ключами,

Её рискованные тайны и замаскированные Силы
Признали полностью пришествие Ума, овладевающего
ими,

И покорились человеческому взгляду.
Неисчислимая в своих волшебных формах,
340. Непобедимая и быстрая во всех делах,
Природы сила тайная, присущая мирам великим,
Что возвышаются над полем действий нашим бедным
ограниченным,

И привилегия оккультная полубогов,
И безошибочная форма мощи Её тайных знаков,
345. Её рисунков той геометральной силы,
Потенций Её божьего, наполненного чудом промысла, -

Внимания добивались Силы, вскормленной землею.
Сознательной Природы животворный механизм
Вооружил до этого не проявлявшимся сверканием чуда
350. Пророческую страсть предвидения Ума,
Молниеносную открытость свободной силы и независи-
мой души.

Что ранее считалось невозможным, отныне стать могло
Возможного естественною ветвью,
Владением новым высочайшей нормы.
355. Всесильный оккультист в Пространстве воздвигает
Мир этот внешний, видимый, который в заблужденье вво-
дит чувство;

Он нити тайные сознания сплетает,
И для энергии своей, лишенной формы, сооружает он те-
ла;

Создал уже Он из пустого и аморфного Безбрежья
360. Чарующее волшебство материальных изваяний,
Магию цифры и расчетов, способных саморазвиваться,
Те жесткие, противоречащие смыслу связи, которые ни-
кто не может отменить,

Тот самый спутанный клубок невидимых законов;
Все правила надежные его, все скрытые процессы
365. Его неизъяснимого творенья безукоризненно реали-
зуют там,

Где каждая ошибка наша возделывает мертвые структуры
знания

Во славу яркого активного невежества.

По прихоти своей таинственной, далекой от Создателя за-
конов,

Природа также полновластно, как и Он, возделывает паст-
бища свои

370. И проявляет волю, которая неясные просторы обра-
зует,

Тем самым делая конечное из бесконечности Творца;
Она в своем чудачестве старается порядок также навести,
Поскольку опрометчивая гордость её пойти на риск реши-
ла,

Чтоб превзойти космические тайны скрытого Создателя.

375. Стремительная поступь блистательной фантазии
Природы,

Благодаря которой чудеса возрастают как цветы,
Всегда вернее разума, искуснее любого механизма,
Быстрее крыльев воображения людского.

Она преобразует всё вокруг словом и мыслью,

380. Материю любую покоряя волшебной палочкою Разу-
ма.

Разум – посредник между богом и землей.

Весь труд Природы могут отменить энергии его:

Он может приостановить и изменить закон земли реаль-
ный.

Сломав вгоняющую в сон печать земной привычки,

385. Он может разорвать Материи стальную хватку;

К разгневанному пристальному взгляду Смерти безразличный,

Он может обессмертить труд короткого момента:

Простое указание разумной силы,

Случайное воздействие согласия легкого его

390. Освободить способно спящую Энергию, которая заключена

Внутри покоев его мистического транса.

Сон тела разум делает оружием могучим,

Остановиться заставляет он дыхание, биенье сердца,

Пока незримое не найдено и невозможное не сделано ещё;

395. Передает он мысль без всяких внешних средств и слов.

Он изменяет события любые своей безмолвной волей,

Воздействует на расстоянии, ничем не прикасаясь ни к чему.

Он может высветить взором пророческим

Жизнь эту низкорослую, Невежество громадное,

400. А в теле нашем пробудить и демона, и бога,

Вызвать вакхический восторг и возбудить Неистовство,

Всесильного с Всеведущим призвать,

Восстановить забытое внутри любого человека Всемогущество.

Сиятельный владыка на плане своем собственном -

405. Царем быть может разум и в этом косном царстве:

Логическая схема его полубожественного замысла

Через короткое мгновение приносит

Творенья неожиданные действия, не достигавшиеся
прежде

Необычайным подсознательным умением Материи.

410. Всё – чудо здесь и может чудом измениться.

Таков тайный хребет могущества Природы.

В краю великих нематериальных планов,

В царствах неограниченного триумфа силы,

Где Разум – хозяин и обличье жизни,

415. И замыслы свои душа осуществляет собственною си-
лой,

Природа медитирует над словом Господа и смотрит

На невидимые связи, которые соединяют разлучённые по-
ля вселенной.

Для посвященного – того, кто соблюдает её законы,

Несет Она оттуда свет своих непостижимых царств:

420. У ног его здесь распростерся мир,

И его разум больше не ввергнут в матрицу Материи,

Через границы этих царств струит вселенская Природа

Потоком величайшей силы течения магические эти

И формулы огромной важности журчания течений тех,

425. Пока и небеса, и ад не станут поставлять на землю
свои богатства,

Пока рабыней смертной воли не станет вся вселенная.

Посредница богов сокрытых, безымянных,

Которые своей потусторонней волей воздействуют на че-

ловеческую жизнь, -

Природа, имитируя решения Всемирного Волшебника,
430. Сама изобретает рамки, чтобы самоограничить свою
свободу воли,

И сочиняет для своих магических причуд связующее ос-
нование.

Миры все делает она партнерами своих деяний,
Сообщниками своего могучего насилия,
Своих прыжков бесстрашных в невозможное:

435. Из каждого источника она взяла присущие ему, ис-
кусно созданные средства.

Она притягивает из союза планов, который был свободно
и с любовью создан,

Все элементы для проявленья силы своего творения:

Необычайное плетение непредсказуемого знания,

Собрание искусств божественных изобретений

440. Она смешала вместе, чтобы сделать нереальное ре-
альным

Иль просто угнетенную реальность освободить:

На острове своём неогороженном, чудесном, как у вол-
шебницы Цирцеи,

Где вперемишку всё, она пасёт свои оккультные могуще-
ства;

Искусство помнить Бесконечности любое мастерство,

445. Отсеянных капризов подсознания потоки,

Пометки магии, принадлежащей подсознательному пла-

ну,

Свобода суверенной Истины, не связанной законом,
Мысли, что были рождены в мире самих Бессмертных,
Пророчества, что вспыхивают над святыней,

450. Предупредительные знаки от гласа сверхъестественного внутреннего

И проблески молниеносного предвидения,

И откровенья внутреннему слуху,

И абсолютные и мощные вмешательства внезапные -

Необъяснимые деянья Сверхсознания

455. Соткали паутину гармоничную чудес

И призрачную технику искусства колоссального Природы.

Причудливое царство это попало под вниманье Ашвапати.

Природа больше любит тех, кто стойко противостоит её воздействиям:

Свои огромные владения и знание свое, и силу

460. Она отдала, подчиняясь, с неохотным восхищеньем;

Она саму себя отдала ради восторга, ради пользы.

Освобожденная от странствий по колеям глубоким,

Она вновь обрела те истинные цели, ради которых была создана когда-то:

Природа повернула против зла, которому когда-то помогла,

465. Гнев машинерии своей, свои невидимые средства по-

давления;

Свои опасные причуды и силу своевольную свою

Она отдала целиком служению душе

И руководству духовной воли.

Так деспот более великий усмирил Природы деспотию.

470. В защитной цитадели собственного «я», врасплох застигнутая этой волей

И побежденная неожиданным собственным царем,

Отдавшая свой долг и искупившая его своим служением,

Природа отступила, в экстазе победителю предавшись.

Пришлось открыть ей герметично запечатанную мудрость

475. И предъявить фрагменты тайны всемогущества.

Сила оккультная – Природа – является хозяйкою границы.

Как страж порога между Запредельем и Землей,

Она распределяет по каналам энергию от вспышек Бога

И прорезает сквозь перспективы взгляда интуиции

480. Мерцающих открытий длинный путь.

Миры Неведомого чудного лежали рядом,

А за Природой этой невыразимое Присутствие стояло:

Царство её приобрело влияния мистические их,

К её ногам их силы львиные припали;

485. Там, за дверями тех неведомых миров спит будущее человека.

На всем пути души зияли адские провалы,

Но провидение божественное звало её к горным высям:
Полёт рискованной Мысли и бесконечное движение вверх
Без усталости пленяли исследовательский ум,

490. А очарованное ухо искушали бесчисленные голоса;
Тысячи образов вдруг приходили и исчезали навсегда.

Таким был край передний Бога здания, тянувшегося
ввысь на сотни этажей,

Таким начало было того наполовину скрытого Незримого:
Крыльцо волшебное мерцающего входа,

495. Что трепетало в полумраке потайного Света,

И двор мистического перекрестка всех миров,

И на фасаде удивительного дома – балкон.

Над ним свет испускали необъятностей высоты;

Из Безграничия выглядывало всё Неведомое человеку:

500. Оно там поселилось на острие остановившегося Вре-
мени,

Поглядывая вниз из постоянного и вечного Сейчас.

Это Неведомого тени отражают рождение богов,

Его тела нам говорят о Бестелесном,

А лбы его сверкают Сверхдушою,

505. Все его формы воплощают Непостижимое само,

Его глаза мечтают о Невыразимом,

А его лица в вечность пристально глядят.

Жизнь изучала в Ашвапати план задний, подсознатель-
ный, огромный;

К невидимым Просторам планы малые передние раскры-

лись:

510. Водовороты жизни обнажились, вдали же воссияли
трансцендентности её

В прозрачностью наполненном свечении.

Понятным стало построение огромное, в котором
Ограниченное вещество наших материальных жизней
Является всего лишь кистью внешней, лишь широкой ба-
хромою.

515. Эта вселенная, что взорам нашим явлена, чьи образы
скрывают тайны,

Исчезнувшие ныне в свете сверхсознательном,

Своим светящимся ярчайшим шрифтом начертала посла-
нье ясное:

Карта условных тонких знаков немислимых значений

Была повешена на стену глубоко внутри ума.

520. Преобразуя мира образы конкретные

Сиянием своим в многозначительные знаки,

Она явила интуиции истолкователя

Своё отображенье вечно существующей Мистерии.

Влекомые и вниз, и вверх меж полюсами жизни,

525. Все царства разного по уровню Закона,

Выныривали друг за другом из Вечности во Время,

Затем нарадовавшись гордостью обширного ума,

Обогадившись приключением, восторгом жизни,

Упаковавшись красотой образов Материи и красотой Её

оттенков,

530. Из Времени они обратно устремлялись в неумирающее «Я»,

Взбираясь вверх по лестнице златой, несущей душу ввысь
И нитями алмазными связующей все Духа крайности.

В падении том от одного сознания к другому

Каждое царство опиралось на подсознания оккультную
энергию,

535. Основу нужного для этого Неведения, которое само
является

Архисоздателем пределов, внутри которых и живет.

Во взлете том от одного сознания к другому

Каждое царство шло к Тому, кто породил его,

К источнику всего, чем было оно некогда,

540. К пристанищу всего, чем может еще стать оно.

Диапазон органнй, широчайший тех деяний Вечного,

Деяний, подвигающих к вершине, что лежит в Покое без-
граничном,

Шаги чудесного движенья, явленные многолико,

Как предначертанные стадии эволюционного Пути,

545. Мерила высоты, подъема той возрастающей души -

Они существованию раскрыли его замысел великий

И, будучи связующим звеном между паденьями и взлета-
ми,

Объединили противоположности, скрепленные союзом
брачным, скрытым,

И зафиксировали связь Невыразимого с его творением.

550. Последний высший мир стал виден там, где все миры встречаются друг с другом;

Во вспыхнувшем луче его, в котором не было ни Сна, ни Ночи,

Свет пробудился высшей Троицы – Сат-Чит-Ананды.

Всё то, что ищут, в нём сейчас открылось.

Мир тот освободил конечное в безмерности,

555. Возвысил в свои собственные вечности.

И Несознание нашло в себе сердце сознания,

Чувства и мысли, бредущие в Неведении наощупь,

С неистовою страстью сразу ухватились за тело Истины,

Рожденная в безмолвиях Материи, божественная музыка

560. Мгновенно извлекла и обнажила из непостижимости

Невыразимого

Тот замысел, что содержался в нём, но быть озвученным не мог;

Ритм совершенный, о котором только изредка мечтают,

Принес ответ изголодавшейся потребности израненной земли,

Раскалывая ночь, которая сокрыла Неизвестное,

565. И принося земле её забытую, потерянную душу.

Великое решение закрыло долгий путь в тупик,

Который останавливал стремление к высотам смертного создания.

Всепримиряющая Мудрость глянула на жизнь;

Она собрала все стремящиеся ввысь полутона ума,
570. Смущенный, озадаченный припев людских надежд
И сделала из них счастливый благозвучный зов;

Она подняла из подземелья боли
Бессвязный шепот наших жизней
И отыскала в нем безграничный величайший смысл.

575. Могучее единство – её навечно выбранная тема.

Она поймала слабые разрозненные возгласы души,
С трудом читаемые между строк негибкой косной мысли
Иль слышимые как бормотания бессвязные во сне
И в состояния апатии, среди дремоты на груди у Матери;

580. Она сгруппировала золотые звенья, утерянные в бормотании этом

И показала их божие единство им самим,

Спасая от ошибки, разрушающей единство «я» с Всевышним,

Таинственный духовный зов во всём, что существует.

Огонь всегда пылающего Откровения

585. И Гласа вечного бессмертность, и абсолютность Света –

Вот, именно они и вдохновили все великие Писания,

Которые с усердием глубоким стремились выразить Единого.

Там больше не было вражды меж истиной и истиной;

Та бесконечная глава различий между ними,

590. Что в свете пересказана была всеведущим Писцом,

Вела через различие к единству,
Ума извилин поиск утерьял налёт сомнения,
Ведомый к своему концу речью всевидящей,
Что облачает мысль исходную и верную
595. В законченность финальной фразы:
Там Времени склоненье и спряженье были
Едины с синтаксисом и со стилем Идентичности.
Победы песнь взрастала из задумчивых глубин;
Экстазам Триединого¹⁰ был посвящен звенящий гимн,
600. Блаженству Вечного – мольба мгновений.

Подобно строфам из вселенской оды,
Гармоний восходящих иерархия,
Наполненная гласами и ликами,
В божественном крещендо устремлялась
605. Из бездн Материи к вершинам Духа.

Там, в небесах сияли постоянством Бессмертного поме-
стья

И праздных времяпровождений с вечностью палаты свет-
лые,

И колоссальные, огромной важности врата Единственно-
го.

Сквозь череду морей «я» Ашвапати
610. Проглядывали страны вечные Единого.

Там, пребывая в чудесах, Сознание развернуло перед ним
И цель глубокую, и ход развития, и нормы, не стесненные

¹⁰ Здесь Триединый – это Сат-Чит-Ананда.

оковами -

Великие знакомые дороги обширнейшей Природы.

Освободившись от тенёт земного чувства,

615. Мельком взглянул он на материки могущества, лежащие в покое;

Страна родная красоты, сокрытая от глаза человека,

Едва заметная сначала сквозь веки чуть открытые к мерцаньям чуда,

Нежданно удивила счастья виденьем.

Здесь солнечные сферы знания и лунные – блаженства

620. Распростирались в исступлённом восторге шири

Гораздо дальше сферы обитания обычного людского тела.

Он смог войти туда и там побыть недолго.

Как мореплаватель, плывущий по маршрутам неизведанным,

Который путешествует через громаднейшие царства,

625. Встречая на пути незримую опасность Неизвестного,

Прорвался он в другое Время и Пространство.

Конец Песни пятой

Конец Книги первой

Книга вторая

КНИГА ПУТЕШЕСТВЕННИКА ПО МИРАМ

Песнь первая

ЛЕСТНИЦА МИРОВ

Шел в одиночестве он – лишь окружающее Бесконечье
И Непознаваемое свыше смотрели на него.

Всё можно было здесь увидеть, что сокрыто от взора
смертного,

Всё можно было здесь узнать, что ум постичь не сможет
и вовек;

5. Всё можно было сделать здесь, на что не смеет и ре-
шиться воля смертного.

Движенье беспредельное наполнилось покоем беспре-
дельным.

В существовании глубоком, совершенном, внеземном,
Которое сродни и мыслям нашим, и мечтам иль порожда-
ет их,

В котором Космос это души обширный эксперимент,

10. В каком-то нематериальном веществе, соединенном

С нашим сущим миром единством глубочайшим,

Возникла Неизвестного вселенная.

Самотворение без остановки и без перерыва

Открыло грандиозность Бесконечья:

15. Оно включило разом в риски своей игры

Несметное число своих капризов и энергий

И образы миров – фантазий её Истины,
И все стереотипы проявлений свободы её Силы,
Которая в поток Вечной Стабильности вливала
20. Вакхический восторг и пир Идей,
Страсть и движение бессмертной вечности.

Там и возникло то, что море Неизменности не порождало:
Слова, которые не умирают, даже если и замолкли,
И мысли, продолжающие жить в последствиях своих бес-
смертных,

25. И действия, что извлекли из Тишины присущий им,
безмолвный смысл,

И те черты, штрихи, которые Невыразимое нам сообщает.

Спокойствие Предвечного увидело в восторге безразлич-
ном

Его космическую Силу, которая в работе проявляла

В сюжетах драмы боли и блаженства

30. И красоту, и поражающее чудо Её воли к существова-
нию Его.

Всё здесь, включая боль, являлось наслаждением души;

Весь опыт здесь являлся замыслом единым -

Тысячекратным выражением единственного Мастера.

Предстало сразу всё пред взором Ашвапати;

35. Не скрылось ничего от взгляда глубочайшей интуиции
его;

Ничто, с чем он не щущал родства, к нему не приближа-
лось:

Он стал единым духом с этой беспредельностью.

Сознания божественного образа,

Что воплощают Нерожденного – бессмертного вовеки,

40. Видения космического «Я» в структурных формах,

Что оживают от прикосновенья сути вечности,

Смотрели на него как мысли одухотворенные,

Что форму придают всем побужденьям самого Невырази-

мого.

Аспекты существа приобрели оттенки мира;

45. При этом формы, открывающие двери к божественно-

му сущему,

Доступны стали взору ежеминутному его;

Те знаки, что указуют на реальность Духа,

Тела живые Бога бестелесного

Участниками стали близкими деяний повседневных

Ашвапати.

50. Неистошимые видения неспящего вселенского Ума

И начертания его контакта с тем незримым

Вкруг обступили бесчисленными указующими знаками;

Глас тысяч царств разумной Жизни

Послал ему Её мощнейшие послания.

55. Небесные намёки, что наводняют наши земные жизни,

Зловещие фантазии ума, наваянные Адом,

Которые свершились если б и были б здесь реально пере-

житы,

То вся способность наша тупая к их восприятию исчезла

б сразу,

Иль наша слабость смертная смогла б претерпевать со-
всем недолго их,

60. Представлены там были лишь в облагороженных ко-
личествах.

Они там проживали в ими же рожденной атмосфере,
Они там обрели свой высший уровень и силу им прису-
щую;

Давление на душу, которое усиливалось ими,

В почву сознания внедряло глубоко

65. Господни страсти и чистоту их крайних проявлений,

И абсолютную реальность одинокой их мольбы,

И сладость полновластную или горячую поэзию

Прекрасного или ужасного восторга.

То, что усвоить может мысль иль широчайший взгляд,

70. И то, что мысль и взгляд не смогут никогда усвоить,

Всё редкое, оккультное, далекое и странное для Ашвапати

-

Воспринято всё это стало его духовным чувством и стало
близким его сердцу.

Испрашивая входа во врата его природы,

Они заполонили расширенные области его ума,

75. Они – горячие свидетели его самораскрытия -

Явили чудо и многообразие своё.

Частью его они теперь все стали -

Обличьями великой жизни духа его стали,

Волнительным ландшафтом его обширного движения во времени

80. Иль тканью его чувства, расписанной чудесными узорами:

Они все стали местом сокровенных обстоятельств человека

И побуждали к действию как близкие партнеры его мыслей

Иль стали просто окружением естественным его души.

Очарование неустанное от приключенья сердца,

85. Блаженство Духа в царствах нескончаемых

Бесчисленными нотами струились из струн гармонии единой;

Звучанье каждой ноты приносило совершенство, невиданное прежде,

В ширококрылое вселенское парение,

В бездонное предчувствие Всего в одном,

90. Добавив в тайны Истины своё отдельное пристанище,

Счастливый свой отголосок света нескончаемого Бесконечья.

Там было всё, что Уникальный уже задумал и свершил,

Озвучивая непрерывным удивленьем и восторгом

И изобильной красотой различия, подверженного страстью,

95. Текущую пульсацию во Времени мгновений Бога.

Пропущено в звучании было одно лишь Слово¹¹, непреходящее в веках,

Что вечность в своём звуке одиноком без усталости несёт,
Непреходящая Идея – ключ, который проливает свет на все идеи,

То целое число от совершенной суммы Духа,
100. Которое различное Всесущее равняет с равным этому всему Единым,

Единственный, отдельно взятый знак, который объясняет знак любой,

Тот самый абсолютный указатель Абсолюта.

За баррикадою мистической живого света,
Которую стеной воздвигла внутренняя собственная суть,
105. Увидел Ашвапати одинокий, необъятный, изогнутый дугою столб мира,

Стоящий неподвижно под загадочными небесами,
Подобно божьей колеснице размером с гору.
Как будто из невидимого дна, в котором утопало основание Материи,

Влекомой ввысь к невидимой вершине, огромное количество миров,

110. Что волнами струились пышногривыми навстречу Вседержителю,
Всходило к широте неизмеримой;

¹¹ Ом

Гора желала воспарить в то царство, где Невыразимый правит:

Сто уровней вело её к Неведомому – к Богу.

Она вздымалась к непостижимым высям

115. И исчезала в стихших, сознание проявляющих, Глу-
бинах,

Подобно башне храма, взбирающейся в небо своими эта-
жами,

Построенной душою человека, который стремится жить,
Не расставаясь со своей мечтою о Незримом.

Зовет ту башню Бесконечье, пока она мечтает и возрастает;

120. Касается вершины мира шпиль её;

Вздымаясь в тишь великую, непотревоженную голосами,
Соединяет землю он с укрытой от человека вечностью.

Средь множества устройств Единого,

Которые он создал в творческом восторге для объяснений
разных,

125. Лишь только башня нас призывает к путешествию -

К возврату из глубин Природы, где потеряли «я» своё дав-
но мы;

Основанная на земле, она в себе содержит царства все:

Она есть краткий сборник всего Простора.

Всё это было той одной ступенью к цели существования
человека.

130. Взгляд краткий на стадии движений духа,

Прообраз иерархий тех космических

Сформировал в сокрытой нашей атмосфере «я»
Вселенной некий тонкий образ.

Он – и снаружи, и внутри, внизу и наверху.

135. Воздействуя на план Природы этой видимой,

Он побуждает тяжкую дремоту нашей земной материи

На радость откликаться, чувствовать и думать;

Он формирует в нас особенности божьи,

А разум смертный приучает действовать в высокой атмосфере,

140. Жизнь плоти устремляет к целям нематериальным,

Соединяет смерть тела своего с зовом бессмертия:

Из обморока Несознания он продвигается с трудом

Навстречу к сверхсознательному Свету.

Если б земля была бы лишь материей, и это всё в ней не существовало,

145. То не было б ни мысли, ни ответного восторга жизни:

Лишь только материальные предметы тогда бы были её гостями,

Движимыми бездушной силой мира.

Земли избыточность золотая породила человека -

Мыслителя и в будущем еще родит того, кто станет его выше;

150. Сей высший замысел существования его – как раз наш случай,

И он в себе содержит ключ к судьбе той нашей восходящей;

Он призывает выйти из состоянья, связанного полной смертью,

Тот самый дух сознательный, который вскормлен в доме бытия Материи.

Живой знак планов тех сознательных,

155. Влиянья их и всех божеств невидимого плана,

Немыслимая логика деяний подлинной Реальности,

Возникшая из той невысказанной Истины во всём окру-
жье, -

Для нашей жизни внутренней установили уровни, расту-
щие неспешно.

Её шаги – ход возвращения души, идущей вверх

160. Из дальнего похода материального рождения

По лестнице освобождающего восхожденья – по тем сту-
пеням,

По которым к богу взбирается Природа.

Однажды, бодрствуя, бессмертный взгляд уже отметил

Шаги Её гигантского стремительного погруженья,

165. Скачок паденья божества широкий распростертый.

Жизнь наша это жертвенный огонь Всевышнего.

Великая Мать Мира в жертвоприношении своем

Вложила свою душу в структуру тела нашего;

В себя вбирая скорбь и несознание,

170. Паденье Божества из своего великолепия соткало

Многоузорную основу того, чем мы являемся в природе.

«Я» внутреннего идол – наша смертность.

Наша земля – фрагмент, сухой остаток;
Вся мощь её наполнена материей миров высоких,
175. Пропитана их блеском разноцветным, ослабленным
её дремотой;

Она есть пережиток прошлых высших порождений,
Её сон взболтан их похороненною памятью,
Что воскрешает те утраченные сферы, из которых воспо-
минанья вышли.

В её груди шевелятся неуспокоенные силы;
180. Они – партнеры её судьбы возрастающей, великой
И возвращения её к бессмертию.
Они согласны разделить судьбу её рождения и смерти;
Они воспаляют огонь пристрастный Реалий вездесу-
щих

И направляют её слепой усердный дух для составленья
185. Ограниченного образа Вселенной в целом.
Спокойная, свет проливающая, внутренняя Близость
Её работу одобряет и направляет Силу ту слепую.
Глубокий божий промысел реализует скромное начало.
Жизнь мира – некая попытка, набросок, завершённый
лишь наполовину;

190. Её штрихи в значении своём сокрытом сомненья до-
пускают,

Изгибы её линий не достигли намерения высокого намере-
нья.

И всё же, даже некий первый образ её величия там вызы-

вает трепет.

Когда ж неясные, сведенные вплотную части этого рисунка

Сомкнутся в многоцветии единства, к которому они стремились,

195. Восторг Артиста будет наполнен смехом над правилами разума;

Намеренье божественное станет видимым внезапно всем,
И завершение оправдает бесспорное влияние интуиции.

Возникнет диаграмма многих сходящихся миров,
Как некий куб, объединительный кристалл богов;

200. За неразумной маской всей Природы встанет Разум,

и

Сознательный Простор наполнит старое, немое, неразумное Пространство.

Души набросок этот бледный и изменчивый, который называют человеком,

На фоне дрящегося Времени без всякого сомнения станет Горячим олицетворением вечности,

205. Отметкой незначительной, которая откроет Бесконечья.

Вселенная – процесс, развитие Мистерии.

Заложена была вначале некая основа аномальная и странная

И пустота, и некий код какого-то сокрытого Всецелого,
В котором ноль, вмещающий в себя всю бесконечность в

сумме,

210. И Всё, и Ничего были одним понятием,
Каким-то вечным отрицанием, какой-то матрицей Ничто:
В формах той матрицы всегда рождается Дитя,
Которое живет извечно на просторах Бога.

Итак, произошло неспешное движение к раскрытию:

215. Невидимый Огонь извергнул газ,
Его густые кольца сформировали миллионы звезд;
На новорожденной земле раздалися шаги Бога.

Сквозь плотный дым невежества земли

Проглядывать стал Разум и внимательно смотреть на фор-

мы,

220. И знание искать в незнающей ночи:

Свой план осуществляла Сила в тисках слепой материи,
Создав во сне мир этот механистический огромный,
Чтобы Материя могла расти, осознавая свою душу,

И чтобы жизненная сила, подобно хлопотливой повиваль-
ной бабке,

225. Приняла роды у Нуля, который Всё в себе содержит.

Поскольку вечные глаза внимание обратили на земные

бездны -

Внимание чистое с прозрачной ясностью ума, -

И сразу же увидели Непознаваемого тень,

Которую сон безграничный Подсознания в себе зеркально

отразил,

230. Творенье приступило к поиску «я» своего.

В грубом исходном вселенском вихре дух пригрезил,
Из сока жизни разум заструился ещё несведущий,
Грудь Матери вскормила бога Замысел.

Родилось чудо Абсолюта;

235. Душу конечную, людскую надело Бесконечье,
Вес океан внутри блуждающей по свету капли поселился,
А в теле брэнном поселился Беспредельный.

Все наши души пришли сюда, чтобы испытать эту Мистерию
до дна.

Провидец сокровенный, который знает predeterminedен-
ный план,

240. Сокрытый позади наших сиюминутных дел,
Нас тайно вдохновляет на подъем к невидимым высотам,
Как некогда он это делал на прыжок глубокий обратно к
жизни на земле.

Наш Путешественник во времени услышал зов Его.

Один от всех, в глубоком одиночестве

245. Он путешествовал единственной, безмолвной силой,
И ношу predeterminedенного желанья мира нес на плечах

своих.

К нему взывал бесформенный Покой, Свет безымянный.
Над ним светился белый неподвижный Луч,
Вокруг него лежали вечные Безмолвия.

250. Предела не было у этой высоко возвышенной попыт-

ки;

За миром мир свои оберегаемые силы ему приоткрывал,
А небеса за небесами – свои глубокие блаженства,
Но его душу продолжал притягивать невидимый Магнит.
Фигурой одинокой на гигантской лестнице Природы
255. Он поднимался вверх к неразличимому концу,
К вершине обнаженной всей сотворенной сути.

Конец Песни первой

Песнь вторая

ЦАРСТВО ТОНКОЙ МАТЕРИИ

В неощутимой сфере своей сокрытой сущности -

Этой опоре сильной нашего слабого внешнего существо-
вания,

Которая отделена от зрения людского глухой земной огра-
дой, -

Столкнулся он с кристально чистым магическим про-
странством

5. И обнаружил жизнь, которая была бесплотной там,

И свет, что делал зримым мир нематериальный этот.

Изящная ступень волшебной иерархии,

Царство чудесного искусства тонкой Материи

Обрисовало контуры свои на фоне ярких оттенков неба,

10. Из легкого тумана и сверканий транса проявляя

Великолепье колдовское лика своего.

Мир форм чудесных лежит поблизости от нас,
Вся суть вещей там истинна, все образы прекрасны
И не подвластны искажающему зрению земному.

15. В той яркой и непостижимо чистой атмосфере
Глаза стали открытой дверью в покои небесных чувств,
Стал музыкой наполнен слух, очарованьем – осязанье,
А сердце стало ощущать глубокое дыханье силы.

Там – в этом мире – пребывают чистые начала земной природы:

20. Там планы совершенные, где она лепит свои работы
И где хранятся результаты отдаленные её тяжелого труда,
В покое пребывают в рамках установленной судьбы.

Там тщетные попытки иль понапрасну совершенные дела
Уже нанесены на карту и расписаны во времени,

25. И будущих её владений являют образ

В роскошных контурах, очерченных желанием.

Златой исход запутанных сюжетов ума людского,

Богатства, не охваченные нашей жизнью или ещё не найденные

И не запятнанные грязью смертной мысли,

30. Нас ждут покорно в этой светлой атмосфере.

Там постигаются неясные начала наши,

Там серединные условия прописаны в предвиденьях,

А все достигнутые результаты уже предвосхищёнными живут.

Сверкающий свод плана нисходящего людского

35. Путь преграждает даровым благодеяниям небес

И пропускает только сквозь решетки золотые

Могучего дыханья струи малые иль только кольца аромат-

ные;

Предельную способность ума земного он защищает от

Бессмертных солнц и от потока струящихся сил Бога,

40. Но всё же пропускает радужное необычное свечение

И росы светлые, что падают с небес Бессмертия.

Зал проходной для Сил, что в ход приводят наши дни, -

Оккультный перевал за стенами Природы грубой -

Прозрачный зал, где Разум в браке с Формой сочетается

45. Сокрыт за гобеленом сновидений;

Божественные смыслы проскальзывают сквозь него, как

сквозь вуаль,

Вид изнутри его скрепляет внешнюю земную сцену.

Тончайшее сознание с чертами счастья настоящего

Владеет ритмом, достичь которого не может наше осяза-

ние,

50. И чистотою чувств, которых мы не ощущали никогда;

Его взаимодействие с Лучом бессмертия стремится

В земных попытках наших скоротечных

Достигнуть красоты и совершенной формы в сущем.

В пространствах силы молодого божества,

55. В игре первоначальной предвечного Дитя

Все воплощения его летящих мыслей,

Омытые окраской чуда яркого бессмертного
И убаюканные шепотом той светлой атмосферы,
В покое сонном пребывают, подобно птицам на деревьях
вечных,

60. Пред тем как погрузиться и поплыть по морю времени
земного.

Всё то, что видится нам здесь, там обликом прекрасным
обладает.

Всё то, что замышляют здесь сердца людские и головы
людские создают,

Утрачивая право высшей изначальной красоты, что изгна-
на

Из тех пространств, там существует в согласии с земным
оттенком.

65. Всё то, что видится нам здесь очаровательным, изящ-
ным,

Находит там свои бессмертные и верные черты -

Всё, что прекрасно здесь, там есть божественно.

Там существуют образы, не снившиеся смертному уму:

Тела, что не имеют здесь земных эквивалентов,

70. Пересекают внутреннего зора озарённый транс

И восхищают сердце своей волшебной поступью,

Склоняя небеса наполнить эту удивительную сферу.

Там в необъятных безднах блуждают будущего чуда;

В глубинах этих форму придают и старому, и новому:

75. Теснит высоты карнавал прекрасного

В волшебном царстве взгляда идеального.

В его укромных залах для уединения глубокого
Душа встречается с Материей в сознательном союзе,
Как парочка влюбленных в укромном тайном месте:

80. В объятиях страсти, здесь всегда счастливой,

Они соединяют свои силы, сладость, и восторг

И, смешивая их, единым целым делают и высшие, и низ-
шие миры.

Незванный гость из Бесконечности бесформенной,
Рискующий собой, врываясь в царство Несознания, -
85. Дух этот, к телу делая прыжок, касается земли.

Еще пока не проявившийся в земных чертах,

В себе уже несёт он продолжение рождения и смерти,

И убеждает бездну своей небесной формой,

Покровом своего бессмертия,

90. Который отражает свет уровня владельца

И не подвержен Изменению и Времени.

Ткань, смешанная из лучащегося света Духа

И из обремененного значением Силы вещества Материи, -
Фантом абстрактный, сотканный менталом,

95. Который в тонкой атмосфере разума представить вряд
ли можно,-

Она воспринимает то, чего тела земные воспринимать не
могут,

И более реальна, чем тела грубая структура.

Когда спадает одеяние, подверженное смерти,

Вес тонкой ткани облегчается, что ускоряет восхождение её;

100. Для очищения и связи с тонким окружением
Она отбрасывает старые одежды из материи тяжелой
И, избавляясь от тисков земного притяжения, влекущего
назад,

Возносит душу ввысь от мира одного к тому, что ещё вы-
ше,

Пока в эфире обнаженном пиков высочайших

105. Одна лишь духа простота святая остается -

Покров прозрачный изначальный существа извечного.

Когда дух должен к своей смертной ноше назад вернуться,

К тяжелой совокупности земного опыта,

Тогда он снова одевает те тяжелые одежды.

110. Задолго до того, как в атомарной Пустоте

Была сотворена земная твердь,

Вокруг невидимого духа, который в сущем скрыт,

Соткалась самомаскировки оболочка яркая.

Из этих ярких оболочек сработаны все царства тонкие.

115. Этот чудесный мир со всеми лучезарными своими

Дарами виденья и счастья нерушимого

Заботиться лишь только о выраженьи совершенной фор-
мы;

Незамутненный на своих вершинах, на низших планах он
— опасный;

Его свет тащит к краю, где вся Природа исчезает;

120. Он придает красу и цвет ужасу бездн,
И глаз очарование – Богам опасным,
И наделяет грацией и демона, и змея.
Навязывает транс его земному миру Несознание,
Он смерти одеяние мрачное для нас сплетает

125. И – сам бессмертный – узаконивает нашу смертность.
Посредник этот служит большему Сознанию:
Вместилище сокрытого абсолютизма -
Является он тонкой почвой мира полностью материально-

го,

Он – неизменный в своих изменчивых, непостоянных формах.

130. В изгибах памяти своей творящей
Хранит бессмертный образ он предметов бранных:

Его сошедшие могущества лежат в основе наших скудных сил;

Его мысль формирует наше разумное невежество;
И его чувства порождают рефлексы тела нашего.

135. Дыхание тайное могучей силы, неиспытанной ещё,
Неявный блеск мгновенья внутреннего виденья,

Его намеки тонкие – всё это есть замаскированный источник

Грёз наших ярких радужных

Об окружении обычном с оттенками преобразования, идущих

140. Пока даже земная грязь не станет теплотой небес

И в том падении души не проблеснет сиянье рая.

Познание плана тонкого для нашего неведенья – исходный пункт,

Его краса маску уродства надевает грязную,

Искусное добро его кладет начало списку наших зол.

145. Вверху он – небо истин творческих,

Посередине – космос благозвучных грёз,

Внизу – форм разлагающихся хаос, -

Теряется он погруженным в несознательной основе нашей,

И из её падения на Землю возникла наша плотная Материя.

150. Так совершалось погружение Бога в Ночь.

Мир падший стал кормилицею душ,

В которых обитала скрытая божественность.

В бесцельной пустоте проснулось Существо и жить в нем начало,

Обширное как мир Неведенье пробилось к жизни и мышлению,

155. Из сна бессмысленного вырвалось Сознание.

Всё здесь приводится в движенье неодушевленной волей.

И Землю несознательную, падшую, инертную, тупую,

В дремоту погруженную, бездушную творить заставила

160. Страстно желающая память подсознания, которая осталась от счастья,

Умершего задолго до рождения Её, -

Чужого чуда на Её бесчувственной груди.

Болото это приютить должно и розу с орхидеей;

Из вещества его слепого и безвольного должна возникнуть красота,

165. Которая принадлежит лишь сферам более счастливым.

В этом заключена судьба, завещанная Ей,

Как если бы убитый бог оставил золотой кредит

Душе плененной и незрячей силе.

Подверженные смерти части божества бессмертного

170. Ей нужно из потерянных фрагментов воссоздать

И заменить, согласно документу, хранящемуся где-то,

Неясный титул свой на Имя божье.

Всё, что осталось от её единоличного наследства, -

Всё сущее несет она в своих бесформенных пылинках.

175. Гигантскую энергию свою, приложенную к формам ограниченным

При пробном, медленном движении силы,

Которая использует лишь хрупкий притупленный инструмент,

Она сочла приемлемой для исполнения запроса своей природы

И для работы огромной важности, возложенной на человека -

180. Труда, который невозможен для богов.

Любая жизнь, которая с трудом на поле смерти существует,
ет,

Определенно требует и для себя доли бессмертья;
Животное полусознательное тело служит средством
Разума, который должен возродить утраченное знание,
185. Хранящееся Несознанием мира в каменных тисках,
И носит оно его, пока дух связанный бесчисленными узам
и Закона,

Не станет полностью царем Природы.

Могучее родство – источник этого бесстрашия.
Все мы в несовершенном этом мире пытаемся
190. Взглянуть вперед или назад, понятие о Времени от-
бросив,

На чистую идею и прочный неизменный образ
В искусстве абсолютном безупречном всякого творения.
Увидеть Абсолют внутри всех бранных форм,
Запечатлеть прикосновение вечности во всём, что время
сотворило -

195. Это и есть закон всесовершенства на земле.

Один фрагмент божественного замысла был здесь осмыс-
лен;

Иначе не смогли б мы никогда надеяться на жизнь
большую,

И не могло бы быть ни райского блаженства, ни восторга.
Ведь, даже в малости земного бытия, подверженного

смерти,

200. В этом узилище для внешней формы

Уже проложен через стены нечувствительные нервов и
рассудка

Сверкающий проход для безошибочного Пламени,

Уже Величье Бога давит или Сила прорывается,

И, вот, тупой земной барьер на время удален,

205. Завеса несознания из наших глаз исчезла -

Теперь нас наполняет творческая мощь Небес.

Энтузиазм божественного действия пропитывает нашу
жизнь,

Мы чувствуем мистический толчок души,

Страданья радость вызывает трепет в наших членах;

210. Мечта о красоте кружится в сердце,

Любая мысль из Разума извечного пододвигается вплот-
ную к нам,

Намеки, брошенные нам Незримым,

Который пробудился от Бесконечья сна, нисходят к лю-
дям,

Как символы того, что никогда никто еще не совершал.

215. Но если плоть инертная не откликается совсем,

Тогда ослабевает сакральный всплеск блаженства,

Кипенье страсти и прилив энергии

От нас уходят, и, хотя на удивительной земле и остается

Форма яркая, воображаемая высочайшей,

220. Совсем немного из того, что значимо, здесь след ка-

кой-то оставляет.

Глаза Земли лишь вполовину видят, а её силы вполовину
созидают;

Её редчайшие работы – лишь копии небесного искусства.

Сияние золотой искусственности,

Шедевр правил и приёмов ловких -

225. Земные формы то в себе скрывают, что приютили;

Они – лишь имитация упущенного чуда саморождающих-
ся форм,

Которые живут извечно под пристальным вниманием
Вечности.

Здесь, в этом сложном, наполовину завершённом мире

Осуществляется Сил подсознательных труд медленный
тяжелый;

230. Здесь есть не знающий, но прорицающий ум челове-
ка,

Его рожденный на неосознающей почве гений.

Его искусство здесь – копировать земные копии.

Ибо когда он устремляется к тому, что превосходит что-
либо земное,

Слишком незрело его знание, а инструменты для работы
слишком грубы,

235. И очень тяжело, с сердечной болью он постигает

Мысль божественную в доме преходящем собственном,

Свой образ, как прибежище во Времени для самого Все-
вечного.

Всё наше существо трепещет от воспоминаний тех немис-
лимо далеких,

Оно бы низвело сюда их вековечный смысл,

240. Но чудеса извечные, божественные слишком для за-
мысла земной Природы,

Сверкают словно солнца вне досягаемости нашей.

Они там пребывают – совершенные и не рожденные, и
неизменные,

И безупречные в лишенной смерти атмосфере Духа,

Бессмертные в том мире, неподвластном Времени,

245. И в неизменном самосозерцании глубокого про-
странства.

Лишь только в тот момент, когда мы превзойдем самих
себя,

Нить Трансцендентного тотчас пересечет нашу дорогу

И накрепко соединит нас с истиной и с безвременьем;

Она несет нам слово неизбежное

250. И действие подобное богам, и мысль, что не умрет
во веки.

Волна блаженства, света охватывает мозг,

И путешествуя маршрутом исчезающим мгновения

Фигуры вечности к нему теперь приходят.

Как гости сердца и ума, фигуры те поддерживают

255. Живучесть нашу брэнную лишь на короткий миг,

Иль иногда с каким-то редким избавляющим намеком

Отлавливает их тонкая догадка нашего предвиденья.

Намеки эти, как истоки, как первые попытки,

Указывают нам на тайну нашего рожденья

260. И чудо скрытое судьбы людской.

Всё, чем являемся мы там, и всё, чем здесь мы станем,

Отражено в прикосновении и в зове.

Пока земли несовершенство – наше поле,

Природы зеркало не проявляет нашу истинную сущность;

265. Грядущее величие претерпевает ещё внутри храни-

мым.

Наследие человечества скрывает неясное людское будущее:

Далекий ныне Свет здесь вскоре станет нам родным,

А Сила, навещающая нас, могущественным другом станет;

Невыразимое найдет здесь тайный глас,

270. Нетленное проявится как пламя из-за Материи заве-

сы,

При этом облаченьем божества делая тело смертное.

Величье Духа – непреходящий наш источник,

Оно станет людским венцом во Времени бескрайнем.

Внутри нас и вокруг нас – Неведомого ширь;

275. Всё сущее охвачено в Едином динамичном, цельном,

Связь тонкая союза этого всю нашу жизнь соединяет.

Поэтому всё сотворенное есть цепь одна:

Нас не оставили без посторонней помощи в закрытой схе-

ме

Между движением Силы несознательной

280. И некомуникабельным, непостижимым Абсолютом.

Жизнь человека – некий небольшой отрог кряжа души вечного горного,

А наше существо стремится свой взор к тому, что позади стен разума,

И связь поддерживает с более великими мирами;

Есть земли, небеса обширнее, светлее наших.

285. Есть царствия, в которых Существо возрастает в собственных глубинах;

Оно в своей безмерной динамичной сердцевине ощущает

Как не рождённые и форм лишённые могущества

Взывают к выражению в бесформенном Пространстве:

Невыразимые, вне смерти и Невежества,

290. Подобия непреходящей истины

Глядят из полости его души, собою поглощенной:

Как будто бы свидетельскому внутреннему взору

Дух выставляет своё собственное «я» и все свои дела,

Силу и страсть извечного пылающего сердца,

295. Предметы своего аморфного экстаза,

Образчики величия обширного могущества его.

Субстанция мистическая наших душ как раз оттуда,

И именно оттуда она приходит в чудо рождения людской природы.

Там высочайший уровень того, чем мы являемся,

300. И там – источник вековечный всего, чем мы стремимся быть.

На каждом плане Сила всех религий,
Которая посвящена в невыразимые словами истины,
Мечтает там на языке своем вписать
И сделать частью жизни собственной своей

305. Какую-то черту Грядущего всесовершенства,
Какое-то предвиденье всеведущего Света,
Какой-то Глас далекий бессмертного творца рапсодий,
Какой-то пламенный восторг творящего Блаженства,
Какой-то план и образ Красоты невыразимой.

310. Там есть миры, ближайшие к тем абсолютным царствам,

Где отклик характерный на Истину незамедлителен и твёрд,

А дух телесными ограничениями не связан,

Где разногласья острые сердца не раздрают и не обурывают,

Где обитает лишь блаженство и восторг,

315. А нежность и любовь являются законом жизни.

Божественность там воплощает тончайшую субстанцию
В той искусной форме, о которой может лишь мечтать земля;

Сила её достаточно быстра, чтоб овладеть восторгом;
Воздвигнутые Временем барьеры без страха преодолевая,

320. Быстрая сеть интуитивного объятия

Берет в плен счастье беглое, которого мы так хотим.
Природа, воодушевленная возвышенным дыханием,
Пластичная, послушная преобразующему мир Огню,
Дает ответ случайному касанию воспламеняющего Божества:

325. Невосприимчивая к вялости ответных чувств,
Она внимает слову, к которому наши сердца глухи,
Усваивает истинное виденье бессмертных глаз
И, путешествуя дорогами предначертаний,
Стремится отыскать дом духа красоты.

330. Таким путем мы приближаемся к Чудесному-Всесущему,

Как знаку и как руководству, следуя Его восторгу в земном окружье;

Ведь, красота есть отпечаток, показывающий нам, где он прошел,

Любовь – Его сердечный ритм в груди у смертных,
А счастье – Его улыбка на обожаемом лице.

335. Сущность духовных общность
И гениальность Имманентности творящей
Делает всё творение глубоким, сокровенным:

При этом измерение четвертое чувств восприятия,
Где всё в нас существует, а сами мы – во всём,

340. Преобразует наши души до широты вселенской.
Воспламеняющий экстаз соединяет видимое с видящим;
Мастер и мастерство, возвращённые Единым внутренне,

Всесовершенства достигают с помощью магической вибрации

И взрыва страсти их тесной идентичности.

345. Всё то, что формируем мы неспешно из собранных частей

Иль, спотыкаясь, развиваем, трудясь усердно,

По праву своему извечному непроизвольно возникает там.

Гореть в нас также может интуиции Огонь;

Он, как носитель Света, клубком свернулся в наших замкнутых сердцах.

350. Располагается его жилище на уровнях небесных:

Те небеса, спускаясь, он может принести на землю.

Но редко и совсем недолго горит Огонь тот;

Восторг, который призывает он, с божественных высот тех

Короткие прекрасные воспоминания приносит

355. И озарения высокие и яркие интерпретирующей мысли,

Но видения полного в них нет,

Вуаль ещё не сброшена, ещё сокрыто что-то,

Чтоб наши души не забыли стремиться к Высочайшему,

Пленившись красотой и радостью мгновения.

360. В чудесном тонком царстве том, что позади нас существует,

Физические боги являются царями, а форма – это всё.

Свет вдохновения играет там в границах тонких,
Природы милость являет нам безукоризненную красоту;
Залогом совершенства там является свобода:

365. Но в нём отсутствуют экстаз духовный сущий
И Образ абсолютный, и Слово воплощённое -
Всё есть лишь чудо симметричных чар,
Фантазия о принципе и путеводной нити.

Там каждый чувствует себя довольным, цельным,

370. Ограниченье создаёт богатство полноты,

Чудо бытует в ничтожно малом,

Восторг замысловатый бушует в очень небольшом про-
странстве:

Ритм каждый с окружением своим в сродстве,

Черта любая – совершенна, неизбежна,

375. Объект любой построен безупречно, чтобы пленять
и пользу приносить.

Всё очаровано своим же собственным восторгом.

Живет мир этот невредимо с верой, что совершенен он,

Что подарило небо ему готовый иммунитет;

Довольный бытием своим, он больше не нуждается ни в
чём.

380. Здесь не было сердец разбитых из-за пустых усилий:

Освобожденный от проверок и суровых испытаний,

Не знающий сопротивления и боли,

Это тот мир, в котором ни страдать, ни опасаться невоз-
можно.

Он права на ошибку и на поражение не имел,
385. В нём места не было для промаха и для потери силы.
Из некой массы самоблаженства вылавливал он сразу
Свой образ неких открытий безмолвной Мысли
И чудо ритма этих мыслей и их деяний,
И нужную там технику по кругу нерушимо шествующих
жизней,

390. И предков добрых неодушевленных форм,
И торжество дышащих тел, подобных нашим.
Восторгом чувств своих охваченный, сраженный Ашва-
пати

В божественном, но всё же родственном пространстве
шел
И восхищался формами чудесными, что были подобны
нашим,

395. Но совершенны, как игрушки бога,
И с точки зренья смертного бессмертны.
Силы верховные царили неизменно там в пределах огра-
ниченных

По самовластным, узким, исключительным понятиям;
Мир этот не мечтает никогда о том, что может вдруг слу-
читься;

400. Власть абсолютная его очерчена его границами.
В том верховенстве, ограниченном программой собствен-
ной,
Где нет ни широты, поскольку всё доведено до совершен-

ства,

Ни места для намеков слабых неизмеримого,
Для удивления любого, не предсказуемого здесь,

405. Плененное своею красотой, своим восторгом испступ-
лённым,

Могущество, опутанное чарами, трудилося в круге зача-
рованном.

Дух отступил, отброшенный своим сооружением.

Прельщенный яркой завершенностью своих границ,

Небесный горизонт стал для души барьером;

410. В условиях понятных развивалась мысль -

Поверхностный подход снижал серьезно глубину её раз-
вития:

Жизнь засиделась в границах этих, вполне себе

Довольная ничтожным счастьем действий тела.

Быть предназначенная Силой кусочка несвободного Ду-
ши,

415. Привязанная к малой безопасной своей обители,

Жизнь не спеша свои дела осуществляла, спала, играла

И о великом незавершенном деле всё не помышляла.

Она забыла о своих обширных яростных желаниях,

Она забыла о высотах, на которые всходила,

420. Её маршрут определялся ярко освещенной колеей.

Тело души прекрасное весьма непринужденно

Качалось, как ребенок, в колыбели золотой своей,

Смеясь от радости в залитых солнцем рощах.

Зов космоса не достигал жилища зачарованного жизни,
425. Она не обладала крыльями для сопряженного с опасностью полета,

Она не подвергалась риску от встречи с небом или бездной,

Она не знала перспектив высоких, не ведала мечтаний сильных,

Стремлений к безграничности своей утраченной.

Картина совершенная в такой же совершенной раме -
430. Хоть и волшебным было мастерство, оно не задержало желание Ашвапати:

Лишь ненадолго облегчение пришло к нему;

Час беззаботный этот был потрачен с незначительным блаженством.

Наш дух теряет интерес к поверхностному существованию,

Он превзошел блеск и величье формы;

435. Он к скрытым силам, к состояньям выше, глубже обращается.

Поэтому высматривал свет бóльший Ашвапати в запретном.

Движение его души к вершинам оставляло позади

Двор светлый мира тонкого – Обители поры прекрасной,

И этот материальный утонченный Рай покинул он.

440. Вела его судьба в Пространство более великое.

Конец Песни второй

Песнь третья

ВЕЛИЧИЕ И ПАДЕНИЕ ЖИЗНИ

Широким и негладким был путь, влекущий к восхождению.

Внимая зову беспокойному возвышенной Природы,
Он пересек границы Духа, воплощенного в телесное обличие,

И на поля вступил обширные и смутные,
5. Где было все изменчиво, сомнительно и не бесспорно,
Вступил в мир поиска и тяжкого труда без передышки.
Как тот, кто Неизвестное встречает лицом к лицу,
Как вопрошающий, ответ которому дать некому,
Как привлеченный к той проблеме, которая никем не решена,

10. Всегда с неясной верой в ту дорогу, которая пред ним лежала,

Всегда влекомый к некой неустойчивой, непостоянной цели,

Он двигался по миру, населенному сомненьями,
В изменчивых пределах основы нестабильной.
Перед собою видел он никем не достижимую границу,
15. И с каждым шагом, приближаясь к ней, ему казалось,

Что, подобно миражу, граница эта отдалялась на такой же шаг.

Скитание там было без места для пристанища -
То был путь непрерывный по бесчисленным дорогам.
Того, что радовало сердце, он не нашел;

20. Блуждая неустанно, искал он и не мог остановиться.

Жизнь там есть манифест Непредсказуемого,

Движение морей неугомонных, бесстрашный

Продолжительный прыжок души в Пространство неизвестное,

Мучительный конфликт в Покое вечном,

25. Порыв и страсть безмерной Бесконечности.

Там, принимая образ всякий, что пожелает воображение её,

И избегая ограничения определенных форм,

Она отбросила все безопасные пути, уже испытанные ею и известные.

И несмотря на страх, что неустанно во Времени присутствует,

30. И не страшась Судьбы, что неотступно следует, и скачущего Случая,

Она несчастья воспринимает, как риск обыкновенный;

Беспечная к страданию и беззаботная к падению и греху,

Она опасности встречает и бьется за открытия

В доселе неизведанных пространствах человеческой души.

35. Она лишь только кажется экспериментом долгим,
Источником опасности невежественной Силы,
Которая испытывает истины, и высшей не найдя,
Стремится дальше, результатом не довольная и не уверен-
ная в нём.

Как видел некий сокровенный ум, так жизнь оформлена
была:

40. Она прошла от мысли к мысли, от фазы к фазе, изму-
ченная

Силами своими собственными иль гордостью и благостью,
То над собой владычица, то жалкая игрушка чья-то и ра-
быня.

При этом алогичность беспредельная была законом её
действия,

Чтоб все возможности были исчерпаны до дна,

45. А боль вместе с блаженством были забавами сердеч-
ными.

В галопе грозových превратностей

Она неслась полями скачек Обстоятельств

Или металась меж высотами и безднами своими

Приниженная или вверх взлетевшая на колесе у Времени
непостоянном.

50. Среди поползновений скучных желаний серых

Она крутилась – червь среди червей – в грязи Природы,

Затем – телосложением с Титана – присвоила себе всю
землю в пищу,

Честолюбиво взяв для одеяния моря, а для короны звезды,
ды,

И с криком зашагала от пика к пику, гораздо более высокому,

55. Настойчиво истребуя миры, чтоб побеждать и править.

Затем без видимой причины, очарованная ликом Скорби,
Она – вся жизнь – ныряла в боль глубин

И, там купаясь, прилипала к страданию своему.

В общении печальном с её растраченным впустую «я»,

60. Она увековечивала счет всему, что потеряла,

Или сидела с горем, как со старинным другом.

Веселая возня неистовых восторгов вскоре истощилась,

Или замедлилась, привязанная к радости несоразмерной,

Не замечая явных поворотов своей судьбы, не замечая своей цели.

65. Сцена была затеяна для всех её бесчисленных причуд,

Где каждая могла бы стать законом и укладом жизни этой,

Но не могла ей только ни одна из них чистого счастья предложить;

Привкус трепещущий и всё, не больше, они оставили после себя

Или неистовую жажду, которая приносит смертельную усталость.

70. В ряду её причуд, сменяющих друг друга, стремительном, бессчетном

Осталось нечто неизменное вовеки, неудовлетворенное,
которое

При новом рассмотрении лишь только повторяло лик прошлого,

Как каждый час часы все остальные повторял,

А измененье каждое всё то же самое волненье продлевало.

75. Дух, в ней самой и в её цели неуверенный,

Скоро устал от счастья и радости великих слишком -

Она нуждалась в шпорах наслаждения и боли

И вкусе беспокойства и страдания естественном:

Она стремилась к цели, которой никогда достигнуть не
могла.

80. Испорченности привкус терзал её иссохшие от жажды
губы:

Рыдала она от горя, которое по её собственному выбору
пришло,

Стремилась к удовольствию, что грудь её покрыло ранами;

Так устремляясь в небо, она сворачивала в ад.

Она избрала случай и опасность партнерами своими;

85. Судьбы ужасные качели она избрала для колыбели и
для трона.

Но всё же чистым, ярким было ее рождение из Вечности,

Утраченная благодать мира ещё виднелась в её глазах.

Причуды жизни – это лики Бесконечья:

Её естественное право – красота и счастье,

90. И местопребывание предвечное её – извечное Блаженство.

Всё это теперь явило свой античный лик восторга,
Страдающему сердцу явилось откровение неожиданное,
Склоняющее и держаться стойко, и стремиться страстно,
и надеяться.

Теперь даже в изменчивых мирах, утративших покой,

95. И в атмосфере, напоенной болью, страхом,
Когда шел Ашвапати по земле небезопасной,
Перед собою видел образ он счастливейшей страны.

В этом строении сакрального Пространства,
Которое восходит к высшим образцам творения,

100. В сияющих вершинах, выше которых ничего не существует,

Для теплого общения меж телом и душою,
Далекое, как небо, и близкое, как мысли и надежды,
Мерцало царство жизни, которое не ведало печали.

Над ним, на небосводе совсем ином,

105. Чем небеса, что созерцают смертные глаза,

Как на лепной небесной тверди самих богов,

Архипелагом огненного света, в отдалении,

В покрытом рябью небе сияли звезды.

Парящие спирали, магические кольца оттенков ярких,

110. Мерцающие сферы необычных форм неторопливо

Проплывали вдалеке, как некие мирские символы.

Не разделяющие беспокойства, к тяжкому труду,
К несчастьям безразличные, не обещающие помощи,
К страданиям глухие, к горестям, к борьбе за жизнь,
115. Ни гневом, ни унынием и ни отвращением не запятнанные,

Смотрели равнодушно свысока великие провидческие планы,

Блаженные вовеки в своей непреходящей правоте.

Своею сутью, красотой своею поглощенные,

Они существовали с верой в счастье бессмертное своё.

120. Врозь, в созерцании самоблаженства отчужденные,

Они, сверкая, плыли в некой светлой туманной дымке,

Как вечное прибежище видений света,

Как некая туманность блеска и величия богов,

Которая была сотворена из размышлений вечности.

125. Почти что отвергаемые верой человеческой,

Они с трудом воспринимались как исток всего, что существует.

Как будто на экране телевизора волшебного,

Окинутые неким внутренним сильнейшим взглядом,

Они сияли словно образы, пришедшие с далекой сцены,

130. Слишком высокие и яркие для взора смертного простого.

Но были близки и реальны для сердца страстного

И для горячих мыслей, и для чувств пылающих

Все эти царства скрытые бескрайнего блаженства.

Лежат они, купаясь вечно в счастье и блаженстве,
135. На безопасных ярких замороженных окраинах,
По воле избегая поиска печалей и желаний,
В той недоступной сфере, которую мы всё же ощущаем,
Которая невосприимчива к тискам суровым Времени и
Смерти.

Перед глазами нашими во сне и в созерцании, и в трансе,
140. Сквозь внутреннее поле видения тонкого
Обширные ландшафты и обличья царства совершенного
Проходят, взору мимолётному открывшись,
И оставляют за собой сияющий след памяти.
Воображаемые виды иль вечные великие миры, пришли
они во сне

145. Иль в чувствах проявились, глубинами своими вол-
нуют наше сердце;
Как будто нереальные, они значительно реальной жизни,
Счастливей счастья и правдивее всех истин -
Если б мечтами они были или пойманными образами,
То истина мечты фальшивкой сделала б земли реалии пу-
стые.

150. Там жили или возвращались к жаждущим глазам, ко-
гда зывали к ним,
Зависшие в мгновеньи скором вечном,
Небесные безветренные царства нетленного божественно-
го Света
И континенты озаренные покоя, окрашенного цветом фи-

олета,

И океаны, и моря веселья Бога, и страны

155. Что не ведают печали под ярким багрянцем вечных
солнц.

Так некогда далекая звезда идеи яркой

Или кометный хвост воображения мечты

Сейчас преобразились в близкий образ самой реальности.

Была форсирована пропасть между реальностью земли и
истиной мечты,

160. Жизни чудесные миры мечтою больше не были;

Всё, что они скрывали, доступно стало его виденью:

Глаза и сердце Ашвапати соприкоснулись с жизнью и со-
бытиями там

И поразились их чистой красотой и блаженством.

Безветренная сфера на высшем уровне притягивала
взгляд его,

165. Её границы вдавались в небо «Я»

И погружались в странную эфирную основу.

Пылала квинтэссенция там высшего восторга Жизни.

На тонком уровне таинственного чуда

Лишь линия граничная преображенья высшего

170. Жизнь отделяла от Бесконечья, форм лишённого,

И укрывала Время от вечности самой.

Время чеканит образы свои из вещества без формы – из
Бесконечья;

Покой Всевечности хранит в себе космическое действо:
Изменчивые образы вселенской Силы

175. Черпали силу, чтобы быть, и волю, чтобы длиться,
Из глубей океана динамичного покоя.

Та Сила пользуется пластичные свободы Всеединого,
Вершину духа обращая к жизни,
Чтоб вылепить в делах мечты Её каприза.

180. Зов Его мудрости даёт опору Её шагам беспечным,
Он окружает Её танец основой прочной,
Его вневременная неизменность к тому же
Должна к определенной норме привести чудо Её творения.

Изобретая окружение вселенной этой

185. Из бессознательных энергий пустоты,

Она скрепила свои шаги Его идеей, в своих слепых поступках

Она, конечно, ощущает вспышки Его всезнающего Света.

По Её воле загадочный Сверхразум склоняется,

Чтоб эту Силу направлять – Она лишь осязает, но знать не может,

190. Дыхание энергии Его руководит Её морями беспокойными,

И жизнь послушно подчиняется Идее правящей.

По Её воле, ведомой светлым внутренним Присутствием,

Разум, производящий рискованные опыты,

Прокладывает путь свой через неясные возможности

195. Среди структур случайных несведущего мира.

Невежество людское наше стремится к Истине,

Чтобы Неведенье могло бы стать всезнающим,

А образы инстинкта превратились бы в божественные

мысли,

Чтоб в мыслях поселился безошибочный бессмертный

взгляд,

200. Чтобы природа поднималась к тождественности с Бо-

гом.

Миров Властитель, сам сделавший себя рабом той Силы,

Есть исполнитель Её фантазий:

Она уже распорядилась морями всемогущества,

Она же Безграничье ограничила законами своими.

205. Бессмертный сам связал себя Её делами;

Решает Он задачи, что предоставило ему Её невежество,

Укрытое накидкой нашего смертельного исхода.

Миры и формы, что создает фантазия Её богини,

Уже утратили свое начало среди высот незримых:

210. Но даже разлучённые с источником своим извечным,

Блуждающие в темноте, обезображенные, падшие и про-

клятые, -

Ведь, даже и в падении есть радость извращенная своя,

А Сила не упустит ничего, что служит Её восторгу -

Они все также могут вернуться к тем высотам

215. Или паденья духа, здесь осужденные, отбросить,

Вернуть божественность, отнятую у них.

Однажды уловив охват виденья вечности,

Увидел Ашвапати регионы благородные с их гордостью,

величием

И те другие, что притулились в глубинах низших.

220. Вверху была монархия «я» непорочного и чистого,

Внизу – угрюмый транс пучины перевозданной -

Обратный полюс с антиподами туманными.

Он видел там широкие просторы триумфа абсолютов жиз-

ни:

Смеялось всё здесь в благостном бессмертии

225. И вечном детстве души извечной до той поры,

Когда невежество пришло, и родились страдание и боль

там,

Где всё могло бы осмеливаться быть самим собою и еди-

ным,

И Мудрость бы играла в святой невинности

С открытою Свободой под счастливым солнцем Истины.

230. Там были царства Её иронии ужасной и смеха,

Поля со вкусом тяжкого труда, борьбы и слез;

Там голова Её лежала на груди возлюблённой – у Смерти,

А сон ненадолго копировал покой исчезновенья – умира-

нье.

Свет Бога Сила эта отделила от тьмы его,

235. Чтоб испытать благоухание оголённых противополо-

жностей.

Все краски и оттенки их, здесь перемешанные в сердце

человеческом,

Сплели изменчивый рисунок – проект людского существа,

Где его личность – хаос и космос,

Где жизнь его – ручей, струящийся вперед по Времени-реке,

240. Где постоянство его природы – непреходящая изменчивость,

Его душа – картины движущейся фильм, что полон перемен.

Вот так великая Создательница-Сила своим таинственным касанием

Вернула пафос и энергию своей мечте о Существове,

Мистерией непостижимой сделав игру предмета страсти.

245. Миры все здешние стояли к небесам на полпути.

Не темная Стена была пред ними, но Вуаль;

В обличьях, от внимания человека далеко не ускользавших,

Наружу прорывался луч Блаженства изначального -

Страсть, интенсивность некая неоскверненной чистоты.

250. Небесное блаженство могло бы стать земным, была б земля чиста.

Сердца и чувства наши, обожествленные, могли б достигнуть

Блаженства максимального естественного счастья, до-

стичь

Волнующих вибраций абсолютов Сверхприроды: при этом силы все

Могли б, смеясь, соревноваться на тяжелых земных дорогах

255. И никогда не ощущать Её безжалостного лезвия мучений:

Была б игра одной любви и не было б нигде стыда Природы.

Но жизнь мечты свои упрятала в конюшню во дворах Материи,

И эти двери пока закрыты для высших изменений.

Эти миры могли бы ощущать дыханье Бога на своих вершинах;

260. Там слабый проблеск Трансцендентного уже мерцал.

Сквозь вечное прозрачное безмолвие, вблизи сна вечности,

Через обширные пространства шли

Бессмертные фигуры воплощенной радости.

В тиши блаженства чистые таинственные голоса

265. У бога Вселюбви просили совершенной радости,
Зовя его своим касанием медовым разволновать миры,

Его блаженными крылами Природы ветви охватить,

Суровым, благостным могуществом слияния

Объять все существа в своих спасительных руках,

270. И проявляя жалость и к бродяге, и к разбойнику,

Их счастьем наделить, которое они отвергли.

Песнь Гименя божеству незримому,

Гимн пламенный желанья чистого

Звучал в сердцах бессмертья музыкой

275. И пробуждал от сна ухо экстаза.

Там был свой дом у ярких и чистейших чувств, порывов

пламенных,

Которых земное тело выдержать не в состоянии;

Там человек дышал с душою легкой, необремененной,

А сердце торопливо билось в восторге раз за разом.

280. Там голос Времени о радости Бессмертья пел;

Звенел глас вдохновенья и лирической поэзии -

Пришли мгновения с экстазом на своих крылах;

Несказанная красота плыла просторами мечты

С небесной чистотой, избавленная ото всех границ;

285. Крик птицы Феникс взывал с небес

К бессмертным жителям земли божественного Света.

В ладонях Бога забился пульс творения;

По тем дорогам бродили чудо и восторг.

Простое бытие стало блаженством высшим,

290. Жизнь стала души счастливым смехом,

А Радость стала царем с Любовью в качестве министра.

Здесь воплотилась просветленность духа.

Любимыми друзьями стали природы противоположности,

А её крайности – хребтами острыми гармонии.

295. Пришла терпимость вместе с нежной чистотой,

И на груди своей они вскормили бога:

Никто там не был слабым, поэтому ложь не могла там жить;

Невежество там было легкой тенью, которая оберегала свет,

Воображение – свободной волей Истины,

300. Простое удовольствие – искателем небесного огня;

Там Красоты поклонником был интеллект,

Рабом невозмутимого духовного закона – Сила,

Власть голову свою сложила там на грудь Блаженства.

Сияли там непостижимые вершины блаженств божественных,

305. И автономии правления самой безмолвной Мудрости,

И сферы, Её девственному солнцу подчиненные,

И теократии всевидящей души, свет проливающей,

Усаженной на трон властью луча Божественного.

Великие события мечты и виденья величий

310. Там, в солнцеликих царствах, двигались походкой величавой:

Сенаты и парламенты богов числом огромным,

Жизни властители там восседали на тронах хладной воли

-

Самодержавия, высокие владычества и властные могущества,

Вооруженные, увенчанные лаврами господства.

315. Всё было там великим и прекрасным,
Все существа носили царскую печать богов.

Олигархии естества Закона властвовали там, где гордые
Неистовые головы служили одному спокойному челу мо-

нарха:

Все состояния души облачены были божественным.

320. Там встретились взаимные и страстью обжигающие

связи

Восторга власти и зависимости рабской от этого восторга,

Наложенные самой Любовью на сердце Любви послуш-

ной,

И тело Любви, томящееся под ярмом восторга.

Всё это было игрой встречающихся царственностей.

325. Ведь, поклонение сближает силу, склоненную в по-

клоне, с блаженством

И предметом гордости богов, которые душа так обожает:

Правитель там един со всеми, кем управляет он,

Кому он служит со свободным и спокойным сердцем -

Повиновение является великой школой обучения.

330. Венец и привилегии его высокого сословия, и вера

его

Являются своеобразным выражением божественной при-

роды,

Его служенье – выражением духовного владычества.

Там были царства, где Знание соединилось с Силой сози-

дательной

В её высотном доме и сделало её своею собственной:

335. Великий Озарённый этот объял Её блистающие ветви

И накормил их страстью своего свечения,

Пока всё Её тело не стало Его прозрачным домом,

А вся Её душа – аналогом Его души.

Обожествленные, преображенные касанием мудрости,

340. Её дни стали ярким жертвоприношением;

Она горела как бессмертный мотылек в весёлом

Нестерпимом пламени счастливого и непрерывного огня.

Лишенная свободы Жизнь была повенчана с завоевателем

своим.

В Его просторном небе она свой мир создала заново;

345. Спокойной поступи ума она придала ускорение мо-

тора,

Разумному – потребность жить, как видела душа,

Живущему – толчок, чтоб знать и видеть.

Её охватывало Его сверкание, её могущество цеплялось

за Него;

Она создала короля в пурпурных одеяньях из Идеи,

350. Свой скипетр магический вложила в Мысли длань,

Ритмические образы видений внутри Его отлила в формы,

А свои действия – в живое тело Его воли.

Мгновенный яркий свет создателя, гром пробуждающий -

Свет Победителя взнуздal Силу бессмертную её;

355. Кентавр в стремительном галопе нёс бога на себе.

Величие двойное обретает Жизнь, сидящая на троне с Ра-

зумом.

Миры там были счастья великого, глубокого
И действия, которое окрашено улыбкой и мечтою мысли,
И страсть там ожидала исполнения своих желаний
360. До той поры, пока не ощущала рядом Бога.

Миры там были радости невинной, чистого веселья;
Там молодость беспечная ума и сердца
Небесный инструмент в обличи телесном обретала;
Она сиянье золотистое вокруг желанья зажигало

365. И в человеческих телесах высвобождало божие живот-

ное

К скачкам блаженства и любви, и красоты.

В стране сияющей, что созерцает лишь благоволение
небес,

Проворный импульс жизни не гас и не был ограничен:

Не знал он и усталости; печаль его была счастливой.

370. Работа там была игрой, игра – единственной работой,

Задания небесные – богоподобного могущества потехой,

Небесною вакхической пляской, вовеки чистой.

Не остановленная слабостью, присущей всем остовам
смертным,

Жизнь была вечностью восторга настроений:

375. Не приходила старость, и забота никогда лица не по-
сещала.

Связуя тесно с жизнью звезд без всяких опасений

Любую гонку, смех любой бессмертных сил,

Резвились на своих полях для игр нагие боги-дети,
Сражая ветры скоростью и блеском;

380. Они в товарищи для этих игр позвали шторм и солнце,
Соревновались с белой гривой волн грохочущих морей,
Уничтожая расстояния, колесами своими попирая их до
смерти;

И на аренах своей силы они упорно бились.

Неотразимые в сверкании своем, подобные горящим
солнцам,

385. Они сияньем тел воспламенили небеса,

Послав их миру этому, как бога щедрый дар.

Чарующая сила, чтобы сердце к полному восторгу приве-
сти -

Они несли великолепье и влиянье обаяния своего

Как будто знамя Жизни по дорогам Космоса бескрайнего.

390. Друзьями светлыми души были идеи;

Здесь разум с речью игры вел и вбрасывал метательные
копья мысли,

Но не нуждался в этих инструментах, чтобы знать;

Подобно отдыху, приятным развлечением Природы было
Знание.

Там облаченные сияньем ярким сердца чистого,

395. Дети-наследники врожденной древней божьей инту-
иции,

Те обитатели бессрочного владенья Времени,

Еще объятые блаженством первого творения,
Существование влили в собственную молодость души.

Изящный и неистово горячий деспотизм,

400. Который энергично принуждает собственную волю к радости,

Излил на мир улыбчивые струи счастья.

Царили там дыхание высокой и свободной сути,

Удачливая поступь дней в спокойной атмосфере,

Поток любви всеобщей мира необъятного.

405. Владычество неутомимой нежности существовало там,

Как песнь о наслаждении, что Время нам поёт.

Спонтанный массовый порядок свободной сделал волю,

К блаженству допустив открытый искренний полет души,

Раскрыв величье, широту неограниченного действия

410. И вольность золотую сердечного огня.

Там не было обманных рассуждений о разделении душ,

И искривленность мысли или слова туда не приходила,

Чтоб у творения украсть принадлежащую ему по праву истину;

Всё было откровением и силой естества.

415. Свобода там была законом высшим и правилом единственным.

Миры те поднимались или погружались в ряд, пригодный им -

В царства изящной красоты и изумления,

В поля величия и мощи титанической.

Жизнь здесь легко играла со своими необъятными желаниями.

420. Она без перерыва могла построить тысячу Эдемов;
Не установлено пределов для её величия и милости её,
И для разнообразья божьего её.

Возникнув из груди глубокой Бесконечности,
От крика пробуждаясь и от шевеления несметных душ

425. И улыбаясь как дитя, рожденное в любви и уповании,

В своей природе поселяя мощь Бессмертия,

В своей душе лелея Волю вечную, ей не было нужды в

советах,

Ибо руководило ею только сердце просветленное:

Божественность её шагов какое-то падение не унижало,

430. И не могла прийти чуждая Ночь, чтоб ослепить её

глаза.

Там не было необходимости в защите от недовольства;

Любое действие было совершенством и успехом.

Бездурная из-за настроений своей фантазии богатой

И интенсивного и красочного буйства своего ума,

435. Дионисийская богиня всеблаженства,

Которая посвящена в могучие священные мечты,

Вакханка бурного животворящего порыва,

Магический строитель форм бесчисленных,

Исследующий данные ему размеры ритмов Бога -

440. Она по усмотрению своему ткала свой собственный

волшебный танец.

Мир счастья этот видел Ашвапати, и ощущал призыв его,
Но вход в блаженство это он не нашел;

Моста через сознания пропасть не существовало.

Был слишком темный воздух вокруг его души,

445. Привязанной к тревожной беспокойной жизни.

Хоть и присутствовало страстное желание и разум жаж-
дущий,

Для грустной мысли, порожденной скорбным опытом,

Для виденья, которое ослаблено печалью, заботами и
долгим сном,

Казалось это всё мечтою лишь заветной, яркой,

450. Воспринимаемой в желанной дальней дали сердцем

Того, кто следует под сенью земных мучений.

Хоть он объятья Вечности и ощутил однажды,

Была его природа слишком близкой к мирам страдания,

И там, где он стоял, присутствовали только врата въезд-
ные Ночи.

455. Вплотную окруженная тревогами мирскими,

С трудом та форма плотная, в которой сотворили нас,

На радость отвечает чистейшей радостью, на свет – пол-
нейшим светом.

Ибо истерзанная воля жить и думать сначала

Пробудила смешенье удовольствия и боли

460. И до сих пор хранит эту привычку своего рождения:

Всё наше бытие – сплошная двойственность.

На стадиях начальных мира смертного

Жизнь не была игрой ума или мечтою сердца.

Когда в несознающей Пустоте была сотворена земля,

465. И не существовало ничего, за исключением матери-

альной сцены,

Отождествляемые с морем, камнем, небом,

Младые боги жаждали освобождения душ,

Которые в бесформенных, безжизненных объектах еще

спали.

В необитаемом великолепье этом, в лишенной духа красоте,

470. В глухой тиши, среди оставленных без понимания звуков

Тяжелым было бремя Божества – ни с кем не разделяемое бремя

В мире, в котором не было каких-либо стремлений;

Ибо там не было кого-то, кто мог воспринимать или чувствовать.

Тупая масса эта, которая не допускала нервной дрожи чувств,

475. Глубокий созидательный мотив в себя вместить бы не смогла:

В гармонию Материи, теперь уже не погруженный,

Застывший, свой покой утратил Дух.

И в трансе отстраненном Он ощупью искал прозрения,

Стремился всей душою к сознательным движениям сердца

480. И жаждал разговора, мысли, радости, любви.

В немом бесчувственном кружении дня и ночи

Он жаждал отклика, пульсации стремления.

Висящее в покое Несознание, что сотрясалось от прикосновения,

И Тишина интуитивная, дрожащая от имени любого, -

485. Они взывали к Жизни, чтобы захватить эту бесчувственную форму

И пробудить божественность в отливках этих грубых.

На шаре этом, что в безмолвии кружился, был услышан голос, -

В беззвучной Пустоте стон чей-то приглушенный раздавался.

Где прежде не обитал никто, казалось, дышит существо:

490. Там, нечто, заключенное в глубинах неодушевленных,

Существование с сознанием отринувшее и радость потерявшее,

Сменило курс, как если б это сделал спящий с незапамятных времен.

Осознавая ту свою реальность, что похоронена была,

И вспоминая «я» своё забытое и привилегию свою,

495. Оно стремилось знать и возвышаться, жить и наслаждаться.

Жизнь этот зов услышала и в стороне оставила свой прежний свет.

Её великолепие, стремительность, её блаженство,
Переполняющее план яркого великолепия её,
Ширококрылый милосердный Ангел излил сюда же -
500. На косное кольцо и неуклюжее движенье брэнного
Пространства,

Надеясь радостью наполнить сей светлый новый мир.
Подобно той богине, что приходит к душам смертным
И окружает их объятиями небесными своими,
Она склонилась, чтобы в преходящих формах создать
свой дом;

505. В утробу материнскую Материи она огонь бессмертный опустила

И в Пустоте бесчувственной мысль и надежду пробудила,
Сразила красотой, очарованием своим и плоть, и нервы
И силой навязала всеблаженство бесчувственной земле.

Одетое растениями, цветами и деревьями, живое
510. Земли большое тело улыбнулось небесам,
Небесная лазурь ответила лазури во всплесках моря;
Глубины океанские заполонили разные создания с чувствами,

Проворство и радость Жизни себя явили в животном мире,

Отважился, задумался и встретил весь мир своей душою человек.

515. Но было ещё в движении Жизни дыхание волшебное,
и, прежде чем

Её дары смогли достичь наших сердец, в неволю заключенных,

Двусмысленное темное Присутствие подвергло всё вокруг сомнению.

Та Воля тайная, что облачает себя в одежды Ночи

И предлагает духу плоти испытание тяжелое,

520. Богине Жизни навязала мистическую маску боли,
маску смерти.

Задержанная ныне в годах медлительных, мучительных,

Живет как временная гостья та странница крылатая волшебная,

И состояние своё – счастливей этого – вернуть она уже не может,

И нужно подчиниться ей закону Несознания инертному,

525. Бесчувственному основанию мира,

В котором на красоту наложены ограничения слепые,

А горе и любая радость живут как те, кто постоянно конфликтуют.

Чудовищно тупая немота упала на неё:

Разрушен был её могучий тонкий дух,

530. И дар её убит – дар детского божественного счастья,

И слава вся её обращена в ничтожность,

А сладость – в искалеченное вожделенье.

Своим трудом дать пищу смерти – судьба всей Жизни

здесь.

Её бессмертие сокрыто было так, что Она вся казалась,
535. Сознание навязывая миру несознательному,
Лишь эпизодом в смерти вечной и неким мифом бытия,
Которое должно навеки прекратиться.

Такой была злосчастная мистерия Её материальных изменений.

Конец Песни третьей

Песнь четвертая

ЦАРСТВА НИЗШЕЙ ЖИЗНИ

Трепещущий пугливый ненадежный мир,
Что порожден был встречей грустной и темнотой затме-
ния,

Возник в той самой пустоте, где Жизнь уже оставила свой след, -

Живая тьма, движенье ищущее, смутное.

5. Там были судороги силы, сознательной всего наполови-
ну

И пробудившейся с трудом от Несознания сна,
Которое привязано к Неведенью, ведомому инстинктом,
Чтобы Сознанием стать и овладеть всем миром.

Сила-наследница утраты, бедности, одолеваемая памя-

тью,

10. Что ускользает, когда стараешься воспользоваться ею,
И нас забытыми надеждами терзает, которые всплывают
снова,

Старалась слепо, двигаясь наощупь,
Заполнить гибельную, болью раздираемую брешь между
Страданием земли и тем блаженством, откуда пала
Жизнь.

15. Тот мир, что постоянно ищет упущенное им, охотится
за радостью,

Которую земля не оказалась в состоянии сохранить.
Неумиротворенное волнение слишком близко к вратам
людским,

Чтоб на планете косной, материальной спокойно пребы-
вать:

Мир этот соединил свой голод с голодом земли,

20. Он дал закон стремления всем нашим жизням,
Он сделал нашу духовную потребность бездонной пропа-
стью.

В смертные дни и ночи вошло Влияние,
Оно накрыло тенью расу, рожденную во времени;
В потоке бурном, в котором скачет невидимый пульс серд-
ца,

25. А нервное биение чувства пробуждает ощущение,
Что отделяет Ум сознательный от сна Материи,
Скитался зов, не знающий совсем, зачем сюда пришел он.

Земли коснулась Сила запредельная;

Покой, который мог быть вечно, не смог быть больше;

30. Бесформенная острая тоска обурекает сердце челове-

ка,

В его крови – вопль, зовущий к счастью:

Без этого бродил бы он по вольной солнечной земле

С умом животного, не помнящим о боли, детским,

Иль жил счастливой безразличной жизнью, как мир рас-

тительный.

35. Могущество, пришедшее сюда, чтоб быть счастливым,

Осталось на земле, чтобы страдать и возвышаться.

Смолк зарождающийся смех, который звенел сквозь вре-

мя:

Померкла полностью естественная радость жизни челове-

ка,

А горе стало кормилицей его судьбы.

40. Животная, лишённая раздумий радость осталась по-

зади -

Заботы, размышления обременяют все повседневные его

дела;

Неудовлетворенность и благородство ожили в нём,

Он пробудился к скрытому Незримому.

Искатель ненасытный – всё, чтоб учиться, есть у него:

45. Он исчерпал уже деяния поверхностные этой жизни,

Осталось изучить те царства, что сокрыты в существе его.

Становится он разумом, становится он духом и сутью «я»;

Растит властителя Природы в обители своей недолговечной он.

В нём пробуждается Материя от транса темного недолгого,

50. Его плоть ощущает Божество, которое ему становится всё ближе.

Незрячее Могущество, которое не видит больше цели,
Лишенная покоя и голодная энергия желанья Воли -
Жизнь вбрасывает семя в форму тела, что пребывает
праздным;

Она от спячки безответной пробудила слепую Силу,
55. Заставив её искать, воспринимать, осознавать.

В мучительных и грандиозных родах Пустоты,
Тревожил грёзами своими глубокий заведённый сонный
ритм

И мертвое кружение вселенной, в оцепенении дремлющей;

Могучий пленник – Жизнь за освобождение боролась.
60. Стремление её живое устранило инертность клетки,
А в сердце она зажгла огонь потребности искать и страсть;
Среди глубокого покоя бесчувственного мира
Возник её глубокий глас борьбы, молитвы и упорного труда.

Сознание слепое в безмолвном мире

65. И чувство без руля – лишь это оставалось на её пути;
Мышленье было недоступно, и ничего сейчас она не зна-

ла,

Но всё, что неизвестно, она могла и ощущать, и осязать.

И подчиняясь продвижению не рожденной сути к рождению,

Она сломала свою печать той жизни неодушевленной:

70. В субстанции безмолвной неразумной силы её души,

Которая не может выразить божественность её глубин,

Сейчас же пробудилась некая слепая необходимость
знать.

И инструментом Жизнь избрала цепь Материи, которой
её связали;

Был у неё инстинкт – зародыш Истины, присутствовали
также

75. Попытка достижения успеха и рост – стремление
незнания.

Навязывая телу желание, надежду,

И налагая на несознательную суть сознание,

Она внесла в упорство стойкое Материи то притязание
своё

На право властвовать, утраченное ранее и выстраданное
ныне,

80. Свой поиск неустанный и сердце беспокойное своё,

Призыв свой к изменению, нетвердые шаги своих блужданий.

Поклонница восторга безымянного

В соборе наслажденья неразборчивом

Она возносит тайные обряды богам животным, темным.

85. Но жертва эта нескончаема, напрасна,

Священник же – невежественный маг, который лишь
свершает

Пустые перемены на алтаре намерений

И в пламя неможное льёт фальшивые надежды.

Груз проходящего успеха отягощает её шаги,

90. И с ношей этой она идти вперед может с большим трудом;

Но тикают часы, взывая к ней, она перебирается вперед

От мысли к мысли, от стремления к стремлению;

Успехом величайшим её является беспрецедентная необходимость.

Материя рождает недовольство, Жизнь обращается к Мышлению;

95. И землю – своё поле – Жизнь покоряет, затем истребует и небеса.

Работу грубую по освоению она уже свершила,

Её труды минуют века сомнений,

Но свет преобразующий, великий еще на землю не сошел,

И никакой освобождающий восторг не прикоснулся к грехопадению.

100. Лишь слабый проблеск прорывает иногда небесный свод ума,

Тем самым подтверждая смутное предвидение,

Что формирует путь к неведомым рассветам из темной

ночи

Или неясный ключик к состоянью божьему.

Великая задача Жизни началась в Незнании,

105. В Неведении она незавершенную работу эту продолжает,

Наощупь к знанию идёт, но не встречает лика Мудрости.

Шагами неосознанными медленно шагая,

Она – Богов подкидыш – здесь блуждает и, как

Душа ребенка, оставленная рядом с воротами Ада,

110. Неловко шарит сквозь туман в поисках Рая.

В подъеме этом медленном Природы был должен Ашвапати следовать

Шагам Её из состояния начального, туманного и не сознательного,

Поскольку только так могло прийти спасение земли.

Ибо так только мог узнать он неясную причину того,

115. Что тянет нас назад и вводит в заблужденье Бога в его желании

Душу, заключенную в тюрьму, навек освободить.

Путями скорыми падения через опасные врата

Рискнул пройти он в неизвестность серую,

Кишащую инстинктами, которые пробились из неразумных бездн,

120. Чтоб место здесь себе отвоевать и облачиться в форму.

Жизнь здесь была сердечным другом Смерти
И ела у Неё с руки, чтоб подышать хотя б недолго;
Она была и заключённой, и удочеренной беспризорницей
Её.

Впуская подсознание, как житель временный в том цар-
стве

125. Сонной темноты, она и не питала никаких надежд.
Вот там, вдали от Истины и просветлённой мысли,
Увидел Ашвапати место настоящее, особый смысл рож-
дения

Развенчанной и искаженной Силы, страдающей от этого.
Там выставляя напоказ несчастное лицо фальшивой ис-
тины,

130. С божественным рождением нашим несогласие
И безразличье к красоте и свету,
Жизнь щеголяла своим бесчестием животным,
Беспомощной и грубой, голой маскировкой
Отмеченного и осознанного, подлинного образа

135. Силы украденной надежды, отвергнутой и изгнанной
с небес,

И падшей, прославляющей ничтожность состояния тако-
го,

Низкопоклонство перед силой, некогда полубожествен-
ной,

Бесстыдное убожество животных вожделий,
Кричащий внешний облик этого невежества,

140. И неприкрашенное тело этой нищеты.

Здесь Жизнь впервые вылезла из лужи грязи,

Где пребывала без сознания, немая, косная:

Оцепенение и узость восприятий хранили там безмолвие

её,

И темнота, не отменяемая Светом, прилипла к ней.

145. Касание свыше, которое спасает, туда не приходило:

Взгляд ввысь был чуждым её видению,

Бесстрашная божественность её шагов была забыта;

Отвергнутыми были счастье и блаженство,

И приключение в рискованных пространствах Времени:

150. Погрязнув, она была едва пригодна, чтоб жить и при-

носить плоды.

Туман встревоженный безмерный Пространства поиска,

Лишенный света слой, объятый пеленой неясной,

Из дома изгнанный, бесформенный и безымянный, -

Спелёнатый слепой аморфный разум

155. Просил любого тела, чтоб свою душу переместить ту-

да.

Отвергнута его мольба – он мысль свою слишком невнятно

но мямлил.

Ещё не наделенный силой этой мысли, едва живой,

Открылся он в причудливом пигмейском мире,

Где был источник этой несчастливой магии.

160. На тех границах смутных, где Жизнь с Материей

встречается,

Среди полудогадок и полупрозрений ходил, блуждая,
Ашвапати,

Упущенными целями и неохватными началами гонимый.
Там зародилась жизнь и сразу умерла, поскольку не смогла так жить.

Там не было основы прочной и неуклонного движения;
165. Владело силой в этом месте только пламя неразумной
Воли.

Он сам себе был там неясен, наполовину ощущаем, тёмнен,
Как будто сквозь него старалась проявиться Пустота.
В чудных владениях этих, где было только чувство,
А направляющая мысль ни правилом и ни причиной не была,

170. Лишь детское невежливое сердце вопило об игрушках счастья,

Ум лишь мерцал ребяческим расстроенным накалом,
А к форме лишь влеклись случайные энергии хаоса, которые

Воспринимали каждый всплеск огня руководящим пламенем.

Шагов разумных слепая сила эта делать не могла;
175. Испрашивая света, она шла путеводной нитью тьмы.
При этом несознательная Сила шла к восприятию наощупь,

Материя, сраженная Материей, проблескивала к ощуще-

нию.

Реакции слепые и неспешные прикосновения этого
неумолимо выбивали

Искры инстинкта из скрытой подсознательной основы;

180. Теснились ощущения – немые суррогаты мысли, -

Ударам пробуждающим Природы то воспрятье отвечало,

Но этот отклик был лишь чисто механическим толчком,

Прыжком, рывком во сне Природы,

И необузданные, грубые удары эти, соперничая, приходи-
ли,

185. Внимания не обращая на любые не свои поползнове-
ния,

И сталкивались в темноте своей с ударами, что были ещё
темнее,

Свободными являясь в мире анархии размеренной.

Существования потребность и выживания инстинкт все-
цело

Овладели волей рискованного напряженного мгновения

190. И ничего не видящим желанием, внезапно ощутив-
шим пищу.

Вспышки Природы эти были единственным законом,

Сила боролась с силой, но безрезультатно: достигнуты
лишь были

Побужденье и обладанье без понимания их сущности,

И чувства, и инстинкты, которые не ведают истока своего,

-

195. Чувства страданий и наслаждений, которые быстро находят и теряют, -

И неодушевленное движенье неразумных жизней.

То был пустой излишний мир,

Чья воля породила слабый и печальный результат,

Бессмысленные муки и недовольство смутное и серое.

200. Казалось, не имеет ценности работа становленья мира этого.

Но так не рассуждал взор пробужденный духа Ашвапати.

Как некая отдельная звезда – свидетель одинокий, Света страж,

Что в отдалении сияет независимо

В течении медленном, лишенной мыслей, Ночи, -

205. Как лишь единственный мыслитель в бесцельном мире,

Который ждет рассвета, предначертанного Богом,

В деяниях Времени он видел замысел реальный.

Была видна волшебная работа без некой зримой цели,

Наполненная смыслом, божьей волей.

210. Сплетенья первые космической змеиной Силы раскручивались из

Мистического круга неживой Материи, лежащей в трансе,

Которая главу свою уже подняла в благоприятной этой атмосфере,

Но не могла ещё отбросить Ночи сон густой

Или нести в себе необычайно эффективные прослойки
разума,

215. Одеть на хохолок свой драгоценный души корону
Или возвыситься в сиянии солнечного света духа.

Пока была видна лишь только её нечистота и ощущалось
некое усилие,

Необъяснимое сползание сознания к свету

По плодородному дну страсти и переборкам чувства,

220. Под коркой тела, развитого божьей силой «я» -

В её потемках наблюдалась неторопливая, но жаркая ра-
бота,

Брожение мутное горячей перемены всей Природы,

Фермент творения души из черной грязи.

Божественный росток, надевший на себя личину эту се-
рую,

225. И падшее неведение под сенью Ночи

Трудились, чтоб исполнить неприглядную работу -

Снять маскировку с потребности у Несознания,

Чтоб проявить сиянье Бога в замесе глиняном Природы.

Взор Ашвапати – орбитами глазными духа воплощенного

-

230. Проникнуть смог сквозь серый, светом брызжащий
туман,

Внимательно рассматривая тайны потока жизни, что дви-
жется

И оживляет клетки тела, безмолвные, сплошные, одно-

родные,

И мысль в себе несет, и плоти страстное стремление,
И вожделение острое, и голод его воли.

235. Прослеживал он это в потоке, что сокрыт от внешних
глаз,

И видел всё, что происходит в нём, вплоть до чудесного
источника.

Мистическое тайное Присутствие, которое прощупать ни-
кто не может, -

Творец игры сияния и мрака, которым управлять никто
не может,

В парадоксальной жизни отчасти горькой и отчасти слад-
кой

240. Просил от тела знакомства близкого с душой

И, благодаря вибрации мгновенной центра нервного,
Соединял сей трепет механический со светом и любовью.

Это Присутствие зовет уснувшие воспоминания духа, ле-
жащие

Под пеной Времени, подняться вверх из подсознательных
глубин;

245. Забывшие о пламени счастливой истины,

С глазами утомлёнными, взирающими лишь с большим
трудом,

Они приходят, замаскировавшись чувствами, желаньями,
Как сорная трава ненадолго восходит над поверхностью,
И утопают вскоре в сомнамбулическом потоке.

250. Хотя движенья силы Жизни пришли в упадок и нечисты,

Всё же в Её глубинах таится истина небес,
И в самых темных Её частях горит этот огонь.
Прикосновенье божьего восторга в актах творения,

Воспоминание счастья, утраченного жизнью,

255. В корнях дремотных смерти и рождения еще таятся,
А мира красота бесчувственная отражает блаженство Бога.

Улыбка этого восторга сокрыта тайной повсеместно;

Она струит в дыханье ветра и в соку деревьев,

И всё великолепие её просвечивает ярко в листьях и цветах.

260. Как только Сила Жизни пробилась сквозь полусон в растениях,

В которых ощущала и страдала, но не могла взывать и двигаться,

Она в крылатой птице, в звере и в разумном человеке

Ритм сердца музыкой своею сделала;

Ритм этот вынудил проснуться все бессознательные ткани

265. И счастья требовать, и получать мучения,

И трепетать от удовольствия и смеха при блаженстве мимолетном,

И постоянно дрожать от боли и желать экстаза.

Повелевающая, плохо понимаемая и немая, слишком далекая

От света и слишком близко расположенная к сердцу существа,

270. Странно рожденная во Времени из вечного Блаженства,

Она сжимает сердце и нерв животрепещущий;

Её острейший поиск самоё себя на части раздирает сознание наше;

Такое жало является причиной наших страданий и удовольствий:

Интуитивное, слепое, невидящее истинную радость,

275. Желание души хватается за мимолётный случай.

Воспламеняющий порыв Природы, противиться которому нельзя,

Приходит, нарастая сквозь кровь и чувство, ставшее живым;

Причина этому – экстаз самозабвенный Бесконечья.

Он превращает в нас в конечные влечения и страсти

280. Желанье покорять и обладать, схватить и удержать,

Расширить поле и границы жизни, и удовольствий уровень,

Бороться и одолевать, и делать что-то чем-то собственным;

Он также превращает в страсть надежду разделить любую радость

С радостью других, стремление владеть и подчиняться,

285. Любить и быть любимым, и чувствовать, и жить.

Здесь Сила эта впервые испытала свою короткую попытку
быть

И преходящего блаженства завершение скорое своё,
Чей штамп провала тревожит постоянно несведущую
жизнь.

Навязывая до сих пор эту привычку клеткам,
290. Фантом неблагоприятного и темного начала, как при-
зрак,

Следует за всеми нашими мечтами и делами.
Хоть на земле и прочно утвердилась жизнь,
Рабочие привычки или здравый смысл закона,
Повтор стабильный в течении повседневном,
295. Всё ж корни воли – вечно те же самые;
Все эти страсти – вещество, нас сотворили из которого.
Таким был первый крик проснувшегося мира.
Он липнет к нам и стискивает бога в нас.

Даже когда проявлен разум, когда и в звере, и в рептилии,
300. И в человеке мыслящем душа живую форму обрета-
ет,

Крик этот остается и является источником всей жизни.
Всё это было необходимо, чтоб жизнь и прана могли су-
ществовать.

В конечном и невежественном мире дух
Должен силой освободить своё сознание скованное,
305. Что было вплетено в струенья малые трепещущих со-
зданий

Из запечатанного бесконечья Несознания.

Он понемногу набирает вес и ищет Свет.

Природа эта живет привязанной к истоку своему,

И лапы низшей жизни еще лежат на ней;

310. Из несознательных глубин внезапно проявляются её

инстинкты;

Сосед жизни самой Природы – неодушевленное Ничто.

Невежественный мир был создан именно по этому закону.

В загадочной мистерии тех сумрачных Глубин,

Где Бесконечье утратило страсть и «я»,

315. Где всё погружено в ту Пустоту, что отрицает сущее,

Ночь Не-Существования могла бы длиться вечно,

Если б само Существование не погрузилось в эту темноту,

С собою привнося крест свой мистический тройной¹².

В мир, временем объятый, призывая вневременную исти-

ну,

320. Блаженство, обращенное в страдание, и знание, со-

здавшее неведение,

И сила Бога, превратившаяся в детскую беспомощность,

На землю могут низвести своею жертвой божьи небеса.

Противоречие закладывает фундамент жизни:

Божественная вечная Реальность лицом к лицу

325. Столкнулась с противоположностями собственными;

Существование стало Пустотой, Сознание-Сила

¹² Сат-Чит-Ананда

Неведением и поступью слепой Энергии,

Экстаз же принял образ боли мира.

В мистическом законе божьего произволения

330. Та Мудрость, что готовит будущие завершения свои,

Всё запланировала так, чтобы начать свою неспешную иг-

ру.

Игра при сумеречном свете в прятки,

Борьба любви и ненависти, страха и надежды,

Поиск с повязкой на глазах и схватка, и неловкое объятие

335. Полуслепой Природы и спрятанной Души

Возобновляют в детской комнате ума тяжелую и трудную

Игру двух этих самопорожденных близнецов.

В конце концов, Энергия борьбы становится способной

всплыть

И проявить Существование, немое прежде, в гораздо более широких сферах;

340. Там эти Двое смогут говорить и видеть, и, встретившись

Лицом к лицу в сознании бóльшем и ярком свете,

Обняться и поспорить, и познать друг друга,

Теперь вплотную созерцая лицо партнера.

Даже в аморфном круговороте этом смог Ашвапати ощу-

тить

345. Реакцию Материи на робкое начальное движение души.

В Природе видел он могучий скрытый Дух,

Едва заметное рождение огромной Силы наблюдал,
Отыскивал загадку нерешительного шага Божества
И слушал ритмы робкие великой нерождённой Музы¹³.

350. Потом пришло дыхание горячее от пробуждающейся
Жизни,

И из туманной бездны сущего возникли
Образования странные от ощущенья размышляющего,
Полуприснившиеся, полуреальные и существования.
Возникла жизнь, которая там не имела никакой надежды

выжить:

355. На свет явились существа, которые потом исчезли без
следа,

И некие события, что были частью драмы неопределенной
формы,

И действия, что направлялись волею творения слепого.

Стремящаяся к жизни Сила нашла свой путь создания
формы

И построения узоров радости, любви и горя,

360. И образов, которые определяют тональность Жизни.

Комар в своём стремлении к блаженству бил крыльями и
ползал,

И наслаждался трепетом воздушным в лучах от солнца,

Восторги же дракона и страдания питона

Лежали в слякоти болота, касаясь солнца лишь слегка.

¹³ Здесь Муза – это вдохновляющий созидательный Дух.

365. Громадные, покрытые броней, живые горы сотрясали
землю,

Гигантские могучие творения с мозгами лилипутскими
И племена пигмеев навязывали жизни своё ничтожное те-
чение.

Моделью человечества, которое берет своё начало от пиг-
меев,

Природа претворила в жизнь свой экстремальный опыт
370. И главный замысел каприза своего,
Блистательный итог её подъема, сознательного лишь на-
половину,

По небольшим ступеням меж паденьями и взлетами,
От бесконечно малых форм к гигантским,
К тончайшему балансу тела и души,
375. К порядку разумной малости.
Вблизи от Ашвапати в биеньях Времени
Возникло царство животной сущности,
Где действие есть всё, а разум наполовину лишь проявлен,
Где сердце повинуется беззвучной и незримой власти.

380. Здесь Сила, которая работает под действием лучей
Неведенья,
Поставила эксперимент животный свой,
Созданиями сознательными наполняя собственную схему
мира;

Они были живыми только внешне и отвечали
Только лишь поверхностным явлениям и только на запро-

сы

385. Тех потребностей, что управляли этой жизнью.

Тела, которые не ведали своей души, там жили,

Желали и впадали в ярость, радовались и испытывали го-

ре;

И разум, что там был, встречал материальный мир

Как чужака или врага у двери своего пристанища:

390. Мышление это формировалось ударами по чувствам

И не пленялось духом в образе,

И не вникало в сердце того, что видело,

И не искало силу, которая стояла за действием любим,

Не изучало скрытых мотивов в сущем мире,

395. И не старалось постигнуть смысл такого мира.

Там были существа, которые носили человеческую фор-

му;

Их жизнь была поглощена страстями окружения,

Они не знали, кто они такие и зачем живут здесь:

Довольные, что дышат, ощущают, чувствуют и что-то де-

лают -

400. Для них жизнь не имела цели, кроме сохранения ра-

достей Природы

И побуждений, и восторга от внешних проявлений мира;

Отождествившись с внешней оболочкой духа,

Они трудились ради желаний тела, не требуя ещё чего-то.

Завуалированный зритель, смотревший из тех глубин,

405. Не вглядывался взором внутренним вовнутрь себя,

Не поворачивался вглубь, чтобы найти творца сюжета этого;
Он видел только эту сцену и драму, идущую на ней.

Там не было давленья чувства глубочайшего,
Зависшего в раздумьях, и бремя раздумий этих никто не нёс:

410. Разум рассматривал Природу глазами невежественными в пору эту,

И обожал её блага, и опасался её чудовищных ударов.

Он не раздумывал над магией её законов,

Не жаждал найти секрет внутри колодца Истины,

Но вёл журнал скоплений фактов,

415. Нанизывал на нить живую все ощущения:

Охотился, спасался бегством, разнюхивал ветра,

Или лентяйничал при солнечной погоде на теплом воздухе,

Искал контактов увлекательных, но только лишь затем,

Чтобы питать своё поверхностное чувство одним блаженством.

420. Почувствовав дрожь жизни от внешних прикосновений,

Те существа не в силах были ощутить за этим прикосновение души.

Оберегать своё обличье «я» от бед Природы

И наслаждаться, и выживать – об этом только заботились они.

Дней кругозор их ограниченный наполнен был творениями живыми

425. И тем, что может нанести урон или помочь:

Все смыслы мира зависели от сущности их незначительной.

Объятые громадным неизвестным миром,

Чтобы спасти себя от Смерти, поджидающей со всех сторон,

Они в защиту от осады всей вселенной

430. Создали пояс крошечный оборонительной системы:

Они охотились на мир и были его добычей,

Но даже не мечтали победить и стать свободными.

Советам Силы Мира и запретам строгим подчиняясь,

Они из всех богатств Природы себе забрали лишь небольшую часть;

435. Осознанные правила ещё не появились, и цели жизни не было ещё:

Шаблоны рассуждений небольшого коллектива фиксировались

В качестве закона поведения, который соответствовал традициям.

Не ведая души, лишь смутно осязая что-то внутри себя,

Привязанные к механизму неизменных жизней

440. И к смыслу пресному, к обыденному ритму чувств,

Они кружились в привычной колее животного желания.

Они трудились и воевали, окружившись стеной из камня,

Объединенным эгоизмом творили незаметное добро
Или вред страшный и боль безжалостную наносили
445. Разумным существам, не думая, что совершают зло.
В пылу страстей от разрушений селений мирных и счастливых,

Пресытившись резней, разбоем, грабежами и поджогами,
Они людей беспомощной добычей делали
И пленников своих пожизненно в страдания ввергали,
450. Иль превращали пытку в развлечение, спектакль, посмеиваясь,

Нервы щекоча мучениями жертв, терзаемых прилюдно;
Собою похваляясь в качестве титанов и богов,
Они с гордыней воспевали свои высокие и славные деяния
И восхваляли свои победы и силу превосходную свою.

455. Животное в том стаде инстинктивном, толкаемое импульсами жизни

И понуждаемое общими заботами, – так каждый соплеменник

Видел в роду своем зеркало эго собственного;
Все члены племени его служили цели и делу всей группы.
Такие, как он сам, – родня по крови или по обычаю -
460. Для него были частью жизни, как дополнения всех «я» его,

Как дополнительные звезды его собственной туманности -
Партнеры и участники его «я», солнцу подобного.
Хозяин той среды, что окружала жизнь его,

Вождь человеческой толпы, живущей общим стадом,
465. Он стягивал вокруг себя людские родственные Силы,
Чтоб защититься на земле небезопасной,

Чтоб общий фронт создать против зла мира,
Иль – слабый и одинокий на равнодушной к нему земле –
Чтобы построить крепость для сердца своего открытого,
470. Иль чтобы скрасить одиночество телесное своё.

В других породах он чувствовал врага, чужую силу,
Не полностью знакомую ему, чтобы её бояться и остере-
гаться,

Соперника и незнакомца, чтобы давить его и ненавидеть.
Или он жил как одиночное животное;

475. В войне со всеми он нёс свой жребий одинокий.

И, поглощенные делами повседневными и днями скоро-
течными,

Все эти люди дальше сиюминутной выгоды и видеть не
хотели,

И не мечтали сделать эту землю благоприятным миром,
Не чувствовали, как сердце поражает прикосновенье бо-
жье.

480. Та радость, что приносит сила, преходящее мгнове-
ние,

Желание осознанное, опыт завоеванный, восторг,

Движенье, скорость дел – они блаженство заменяли им,

А ссоры и совместные телесные желания, потребность в
ком-то,

Слезы, смех, игру они любовью называли.

485. В конфликтах или в дружеских объятиях потребности такие

Взращивали Жизнь Всесущую, борьбу с единством разделенным,

Внося всеобщее страдание и счастье

В неведенье о высшем «Я», вечно едином.

Вооружив творения свои блаженством и надеждой,

490. Наполовину пробужденное Неведенье старалось распознать

Внешнюю сторону явлений одним лишь осязанием и зрением.

Инстинкт был сформирован; в спрессованном сне памяти

Минувшее жить продолжало, как в бездонном море,

В подобие мышленья превращая лишь чувство яркое;

495. Искало истину оно наощупь, неумелыми руками,

И прижимало к себе ту малость, которую могло достичь и охватить,

И отложить накопленное ею в свою пещеру подсознания.

Так должно было существу неясному взрастить в себе и свет, и силу,

Восстать, воскреснуть, наконец, в судьбе своей возвышенной,

500. Взглянуть на Бога и окружение его во всей вселенной,

Учиться на ошибках и падениях и двигаться вперед,

Сражаться со враждебным окружением и роком гибель-

ным,

При помощи страдания открыть свою таинственную душу
И с обладанием таким дойти до своих собственных просторов.

505. На полпути жизнь эта остановилась и не нашла дороги дальше.

Ничто ещё осуществленным не было – все только началось,

Хотя казалась совершенной арена её силы.

Она смогла лишь высечь только искры из неведенья природы;

Лишь жизнь имела некое подобие сознания – не разум,

510. Лишь некое сознание могло всё осязать – но не душа.

Лишь некий жар был явлен от сиянья Жизни, а также

Радость некая от бытия, и некие восторги чувств.

Это был импульс Силы, наполовину лишь сознательной, дух некий,

Который расплзаясь по земле, в сгущенья пены жизни погрузился,

515. В «я» смутное, цеплявшееся слепо за образы явлений.

За всем этим стоял, ища сосуд, в котором следует держать

Сырое раннее вино из винограда Бога -

Пролитое на грязь земли небесное Блаженство,

Которое пьянит в оцепенении застывший разум, душу,

520. Пьянящее вино экстаза, темное, незрелое

И слабое ещё, ещё не перелитое в сосуд духовный, -
Стоял неясный обитатель сокрытой сердцевины мира,
Желание немое и воля божества грядущего.

Свой лик теперь открыло творение третье.

525. Была отлита матрица телесная для разума первично-
го.

Яркая вспышка света воспламенила Силу Мира приглу-
шенную;

Она Идеей зримой наделила мир ведомый,

Вооружив акт Силы динамичным местом мысли:

Теперь деянья Времени отслеживало существо разумное.

530. Тернистая людская эволюция в своем стремлении
снизу

Призвала к скрытому вмешательству небес;

Если б не это, слепой и несознательный, великий Универ-
сум

Не смог бы никогда раскрыть свой скрытый разум

И даже с шорами заставить в человеке заработать

535. Интеллект, который изобрел космическую эту схему.

Сначала в этом всё увидел Ашвапати движение неясной
силы разума,

Сокрытое внутри Материи и бессловесной жизни.

Волною слабой она втекала в поток безбрежный жизни,

Вздымаясь и дрейфуя по воле ветра, как облака небесные,

540. По морю этому в мерцающих дрожащих струях,

Освобождаясь в брызгах чувств и волнах ощущений.

А в самой середине не ощущающего жизни мира

Теснящиеся волны и выплески сознания стремились,

группируясь,

Кружась в водоворотах, пройти сквозь узенький пролив,

545. С собою в этот переполненный проход переживание

принося.

Это течение пробивалось в просвет вверху из омута глу-

бокого

Начала своего, что за порогом подсознания скрывается,

Чтобы достичь какого-то высокого сознания, пока что

неизвестного.

В нём не было ни мыслящего «я», ни цели ясной,

550. А были лишь неясные искания и некое спонтанное

давление.

На зыбкую поверхность поднимались только

Удары острые и крайности желанья и воспрятья некие,

Метания страстей и всплески всех эмоций,

И диалог случайный плоти с плотью,

555. И страстное шептание сердца с сердцем бессловес-

ным,

Намеки знания мыслью, лишенной формы,

Желанья подсознательного всплески иль тяга голода тако-

го.

Всё это было неясным проблеском на пенном гребне:

Он возникал вокруг дрейфующего призрачного «я»

560. В потоке несознательном во Времени – в потоке Силы.

Затем пришло давленье Всемогущего, всевидящего суть,
Которое собрало всё в туманную кружащуюся массу,
Скользящую вокруг единственной ярчайшей точки -
Вокруг связующего центра в сознательном пространстве,
565. Вокруг фигуры целостного внутреннего Света.

Свет этот озарил влеченье полусознательного половодья
И даже дал иллюзию стабильности,
Как если б море могло сойти за почву твердую.
То Всемогущество внимательное, странное свой навязало

взгляд.

570. Оно придало форму и границы этому потоку,
А вдоль течения создало низкий узкий берег и вдоль него
Сеть натянуло, чтобы поймать и проявить духа бесфор-
менность.

Оно же смоделировало разум жизни зверя, птицы,
Ответную реакцию рептилии и рыбы

575. И примитивный образ мыслей человека.

Конечное движение Бесконечья проявилось

В полете по своему пути через широкие просторы Времени;

В Незнании маршировало знание

И этим утверждало в материальной форме душу разделенную.

580. Оно оставило в запасе право её быть бессмертной

И также выстроило вал защитный против осады смерти,
И крюк забросило, чтоб вечность ухватить.

В Пространстве появилось существо разумное.

Мир упорядоченный в поле зрения ворвался, в котором
585. Это существо владело местом, ограниченным для
действий,

Наблюдений и прогулок – отчетливым, но явно скудным.

Родилась личность – инструмент Природы -

И ограниченный, внедренный в тело интеллект,

Согласный приковать к границам узким свой поиск;

590. Он – этот интеллект – мышление привязал к тому,

что видел,

Препятствуя рисковым приключениям Незримого

И похождениям души сквозь неизведанные бесконечья.

Рассудок рефлекторный – зеркало характера Природы -

Жизнь озарил, чтоб узнавать и закреплять свои познания,

595. Осознавать опасную недолговечность собственную,

Неубедительную цель пути такого и пользу

От рискованного случая людского жизненного срока

В начертанных границах человеческой судьбы.

Познание и небольшая радость вознаградили

600. То небольшое существо, увязанное в некое сгущение

и целиком

Зависимое от окружающей среды, как некий бугорок её,

Тот небольшой извив, отрезанный от Космоса безмерно-

го,

Тот небольшой отрезок жизни во Времени безбрежном.
Мысль в нём была, чтоб строить планы и воля, чтобы при-
лагать усилия,

605. Но ради мелких целей и в узком поле действий,
Растрчивая труд неизмеримый на преходящие деяния.
Оно себя считало творением из грязи
И не просило ни высокой цели, ни благоприятного закона;
Оно не обладало взором внутренним и зорким взглядом
в небеса.

610. Как отстающий школьник за партой шаткой логики,
Знакомый лишь с теорией своих заблудших чувств,
Оно воспринимало видимость за лик божественный,
Движенье солнц – за некие случайные огни,
Полоску звездной сини – за небеса;

615. Отдельные аспекты бытия прикидывались его всеце-
лой истиной.

Существовала связь активного словесного обмена -
Рынок обыденных решений, мыслей:
Жизнь прекращалась рано, невольник тела – разум -
Казался бриллиантовым венцом деяния Природы, при
этом

620. Крошечные эго воспринимали мир как средство
кратковременного

Насыщения желаний скоротечных и вожделений низких,
а в переходе,

Завершающемся смертью, лишь видели начало и оконча-

нье жизни,

Словно безвыходный тупик был признаком творения,
Как будто бы как раз для этого душа возжаждала рожденья

625. В стране чудесной мира самотворного,
Среди возможностей бескрайнего вселенского Пространства.

Это создание в своем всепоглощающем стремлении к выживанию

Себя сковало мыслями ничтожными без широты какой-либо

И нуждами телесными, восторгами, мученьями;

630. Этот огонь, произрастающий на смерти выгорающего тела,

Рос только потому, что делал своей собственностью всё, схваченное им:

Это создание сбирало и возрастало, но никому себя не отдавало.

Оно лишь уповало на величие в своей берлоге,
На удовольствие, победу в малых границах силы,

635. Завоевание жилого места для себя, своей родни,
Как некое животное, границы возводящее для места своего кормления.

Оно не знало в своем жилище о Бессмертии;

Оно не обладало более глубоким и великим мотивом для жития.

Оно было могущественным только в своих границах;
640. Внимательное, чтобы видеть истину только для зримой пользы,

Всё знание его являлось инструментом тела;
Увлечшееся мелкими делами тюремного жилища своего,
Оно вращалось вокруг одних и тех же дел,
В одной и той же сфере интересов и желаний,
645. Но мыслило себя хозяином своей темницы.

Не для познания его создали, но, главным образом, для действия -

Мысль в нём была вершиной или верхним краем его канавы жизни:

Оно осознавало образ только мира внешнего и видело
Лишь только «я» поверхностное, большего не зная.

650. Из медленного путанного и мятущегося поиска «я» истинного

Тот разум прорастал к непревзойденной точной ясности;
тянулся он

К любому проблеску, что изнутри невежества инертного
лучился.

И в руководстве ограниченном такого узкого мышления,
Привязанного к повседневности земной, обычной,
655. Пристегнутого к миру замкнутому и ему привычному,

Средь множества сюжетов жизни побудительных,
Её актеров разных и обилья масок

Жизнь эта была игрой однообразной, монотонной.

Там не было ни взглядов глубочайших в будущее духа,

660. Ни скорого пришествия блаженства неизвестного,

Ни золотых глубин освобождения обширного.

Всё в этом царстве узком похоже было на наши человече-

ские дни,

Но установленные в вечности не изменяемыми навсегда:

Движение мгновения любого обречено было тянуться

сквозь века.

665. Существование как мост перекрывало бессознатель-

ные бездны,

Как полуосвещенное строение, затянутое легкой дымкой,

Что восставало перед взором из Очертанья пустоты

И выдавалось в пустоту Души.

Неяркий свет родился в темноте великой,

670. Не знала Жизнь, куда она идет и своего источника,

откуда появилась.

Вокруг всё оставалось ещё во мгле неведенья.

Конец Песни четвертой

Песнь пятая

БОЖЕСТВА НИЗШЕЙ ЖИЗНИ

Застывшая и ограниченная сила в неизменяемых и кос-

ных формах -

Таким увидел царство низшей жизни Ашвапати:

Несчастный закоулок в вечности.

На грани Мысли существовал он

5. И защищен был скорлупой Неведенья.

Тогда, познать пытаюсь тайну мира, пред ним лежащего,

Он эту скудную обочину окинул взглядом,

Чтоб вывести из темноты на освещенную поверхность

Ту Силу, которая мир этот двигала, и Мысль, которая его

создала,

10. Навязывая малость Бесконечью самому,

Чтобы увидеть дух, который правит этой малостью,

Божественный закон, что предоставил ему право быть

И требовать себе Природу и потребность для неё во Вре-

мени.

Он погрузил свой взор в осаду мглы,

15. Которая покрыла этот плохо освещенный островок,

Повсюду окруженный облаками и морями полного неве-

денья,

И охраняла его от Истины и Света, и «Я» всевечного.

Как если бы прожектор грудь слепую Ночи насквозь прон-

зил

И проявил как будто в Пустоте открывшиеся глазу

20. И хижины людские, и деревья, и самих людей, -

Так из-под своих покровов проступило скрытое,

И в ярко-белой вспышке виденья оно пред ним предстало.

Лишенные покоя, примитивные, снующие без остановки,
людские массы

Кишели там неясными, непримечательными толпами.

25. Под пеленою тайны, окутывающей сцену мира,

Низшие божества деяний низших Времени,

Трудившиеся в стороне от надзирающего глаза Неба,

Плели интриги втайне от творений, которыми они играли,

И маленькие заговоры в королевстве своем мелком,

30. Попутно развлекаясь измышленьями, несбытными надеждами,

Недолгими опасными шагами и путями маловажными,

Валянием души продажной в темноте и грязи

И раболепием, бесчестием холуйствующей жизни.

Пугливая и пестрая толпа привиделась ему -

35. Кружение странное магических мастеровых,

Формующих пластичную ткань жизни,

Какое-то семейство эльфов, какой-то вид элементалей¹⁴.

Свечением непривычно ярким пораженные, в тенях возникли,

Как будто были присущи тем теням, лихие чертенята

40. С кривыми лапами и лицами звериными резными

И сказочники-лешие, иссохшие как гоблины и ростом с маленькую фею,

И джины беспристрастные, но низкие, бездушные,

¹⁴ Элементали – духи, связанные с одним из элементов или первичных форм вещества, коих всего пять: земля, вода, огонь, воздух и эфир.

И потерявшие приют небесный падшие существа,
И странствующие божества, охваченные пылью Времени -
45. Опасные, заблудшие, несведущие, но владеющие силой,

Полуживотные с полубожественным настроем и обли-
чем.

Из этой серости шум трудно различимый раздавался,
Были слышны нашептыванья, невнятная бродила сила;
Гулкая мысль иль слово громкое осознается разумом:
50. Согласие сердца притягивает жало влеченья их.

В Природе низшей они свою работу делают,
Тревогой смутной наполняя силы и творения.

Из зерен радостей своих они растят плоды страдания,
Дыханьем заблуждений гасят скудный свет сознания

55. И оборачивают истины поверхностные к ложным це-
лям.

Эмоции их побуждают, а страсти направляют и ведут
В трясины, грязь иль прямо в пропасть;

Или прокладывают курс они кнутом сильнейшей жажды
вожделений,

Пока дорогами окольными, что в никуда ведут, трясется
60. Жизни колесница, из этого неведенья не находя пути.

Шутить с добром и злом – таков закон у них;

И предрекая неудачу или бессмысленный успех,

Они решения свои нарочно искажают или плутуют с их
мерилами:

Познание превращают они в отраву, а добродетель – в образец тупой;

65. Желанья цепи бесконечные они несут к неотвратимой катастрофе

Сквозь внешнее подобие

Случайности счастливой или плачевной вовсе:

Всё происходит там под их влиянием.

Такая, вот, империя и роль такая их не только в этом царстве:

70. Везде, где жизни существуют без руководства и разум без души,

И в каждом смертном теле всё определяет только маленькое «я»,

Везде, где нет ни света, ни любви, ни широты душевной,

Эти кривые костюмеры примеривают к телу только свой костюм.

Их царство утверждается во всех полусознательных мирах.

75. Сердца людские там подгоняют такие, вот, божки;

Природы нашей сумерки – их место потаённое:

Здесь ослепленное простое сердце также повинуется

Замаскированным внушеньям чьего-то Разума сокрытого,

Который освещает наше знание обманчивой подсветкой

80. И восстает меж Истиной спасительной и нами.

Он разговаривает с нами голосами Ночи,

И наши жизни ослепленные влекутся в тьму гораздо
большую,

А наши поиски губительным надеждам предаются.

Построена структура незримых мыслей,

85. И Сила иррациональная использует наш разум.

Земля не только лишь кормилица, не только наш учитель, –

Здесь вход имеется для сил определенных всех миров.

На своих собственных полях они чтут колесо закона

И ценят безопасность укоренившегося вида;

90. А на Земле, которая не входит в их сферу жизни,

Закон их действует, но жесткость формы сущего теряет.

Их влили в хаос того творения,

Где всё просит порядка, но Случаем приводится в движение;

Они, как иноземцы, должны учиться следовать дорогами
земными;

95. Пришельцы или антиподы – они должны объединиться:

Они работают, сражаются и с болью соглашаются.

Одни объединяются, но разделяются другие – всё повторяется сначала,

Но никогда не сможем мы ни знать, ни жить по истине,

Пока все не найдут свою гармонию, им богом данную.

100. Неясная дорога нашей жизни наматывает петли,

А поиск беспокойный нашего ума всегда испрашивает

света,

Пока он не познает в своем источнике свою разгадку
В сиянии Непреходящего и Его доме безграничном,
В блаженстве Вечного – единственного и единого.

105. Но Свет всевышний от нас сейчас – на дальнем горизонте,

И жизнь сознательная наша еще послушна Несознания законам;

К невежественным целям и слепым желаниям
Сомнительная сила двигает сердца людские,
И все победы нашего ума венчает лишь весьма потеряя корона.

110. Порядок этот, слишком медленно меняющийся, как тормоз сдерживает волю.

Судьба такая суждена для нас, пока душа свободу не получит.

Тогда могучая Рука вернет обратно свод разума небесный,
И все деяния конечного впитают Бесконечье,
И вся Природа вступит в вечный Свет.

115. Только тогда сон низшей жизни завершится.

От самого начала загадочного мира этого,
Который кажется громадной и бесчувственной машиной
И полем медленного разворачивания духа в сущем,
В этой кружащейся рабочей полости без внешних стен,
120. В которой Бог бесстрастно повсеместно пребывает,

Как будто неизвестным самому себе и нам невидимым,
В каком-то чуде тайны неосознанной, -
До сей поры всё здесь Его, и действие, и воля есть Его.
В кружении и расширении сквозь пустоту без края и кон-

ца

125. Дух стал Материей, и здесь она лежит в кружении
этом

Каким-то спящим телом без чувств или души.

Феномен массовый форм, глазом видимых,

Поддерживаемый Пустоты безмолвием,

Стал очевидным вечному Сознанию,

130. И он ему казался миром внешним, не осознающим.

Не было там ничего – ни зримого, ни осязаемого;

Лишь чудодейственное Бессознательное -

Искусный тонкий чародей – там было со своей задачей.

Изобретая средства достижения чудесных результатов

135. И управляя непостижимым механизмом этого творения,
И выставляя механически хранящие молчанье знаки муд-

рости,

Используя немислимую и неизбежную Идею,

Оно работу осуществляло по повелению рассудка Бога -

Беспрекословно исполняло волю неведомого Вседержителя.

140. В лоне Природы скрыто было безмолвное сознание;

Блаженство, чей восторг пригрезил те миры, было несве-

дущим.

Существование оставалось инертной субстанцией, ведомой Силой.

Вначале было только эфирное Пространство:

Волною, друг за другом, в нём прошли гигантские пульсации.

145. И это стало непостижимым изначальным шагом.

Затем первичный высочайший одобрил Вздох,

Мистическое действие расширения и сжатия

И создал в пространстве этом касание и трение,

Внося в ту пустоту абстрактную соударение с объятием:

150. Источник изначальный этой растущей вширь вселенной

В утробе некой дезинтегрирующей силы, излив эту вселенную,

Оставив сумму бесконечную без изменения.

А в очаге Пространства источник этот зажег Огонь незримый,

Вовлекший сияющий строй звезд в круженье вихревое,

155. Миры рассеивая искрами, как некто сеет семена.

Круженье это сформировало океан наэлектризованной Энергии,

Который странные бесформенные частицы-волны создал

И, утверждая танцем этих волн-частиц трехмерное строение материи,

Своё могущество, заснувшим, запер в атоме;

160. Были придуманы иль изобретены тела и видимые образы;

Свет испустил фотона разоблачающую искру
И выявил отображенным в этой мгновенной вспышке
Космос проявленного сущего.

Так создан мир был этот невозможный и реальный -

165. Явное чудо или убедительный спектакль.

Или таким он кажется отважному и дерзкому уму,
Который назначает размышление своё арбитром истины,
А видение личное своё – бесспорным фактом.

При этом мира объективности свидетелями он назначает

170. Своё ошибочное чувство и ловкость средств своих.

На самом деле, реальную загадку жизни решать ему придется

В неясном свете, усваивая Истину при помощи проб и ошибок,

И постепенно разделять лицо Её и пелену, Её скрывающую.

Иль веру потеряв и в чувство, и в рассудок,

175. И в знание своё, как зримый образец невежества,

Он здесь увидит в том, что странно скроено,

Непрошенную шутку вводящей в заблужденье Силы,

Иносказание Майи и Её могущество.

Движение широчайшее и вечное, которое содержится

180. В непостижимом постоянном изменении, не остановленного

Даже на секунду хода того, что Временем зовем мы,
И вечно повторяющие ритм периодический

Те самые изменчивые циклы, которые стереотип потоку
создают,

И те стационарные объекты, кружащиеся в танце, которые
ни что иное,

185. Как энергетические Вихри, воспроизводящие самих
себя,

Пускаемые в космос духом в раздумья погруженной Пу-
стоты, -

Всё это ожидало жизни, чувств и Разума, восставшего из
сна.

Мечтатель, застывший в позе камня, привстал немного.

Когда же эта скрупулезная работа была закончена, а Слу-
чай

190. Вынудили следовать законам, установленным и неиз-
менным,

Сцена была готова для игры Природы с сознанием людей.

Затем сон Духа, недвижимый молчаливый, оборвался

И Сила скрытая беззвучно, не спеша наружу вырвалась.

Мечта о жизни пробудилась в сердце Материи,

195. И воля жизни вытряхнула из неё пыль Несознания.

Причуда жизни сильно удивила ничем не занятое Время -

Такая эфемерная в пустой, лишенной содержания, вечности

сти

И чрезвычайно малая в том мертвом Бесконечье.

Тончайшее дыхание тотчас же оживило Материи безжизненные формы;

200. Установившийся ритм мира преобразился в зов сознательный;

Сила змеиная влила себя в бесчувственную Силу.

И жизни острова усеяли Пространство, пустое прежде,
И в воздухе бесформенном сформировались зачатки жизни.

Здесь зародилась Жизнь, которая последовательно чтит закон Материи,

205. Не ведая о движущих мотивах своих шагов;

Всегда изменчивая, но и при этом вечно та же самая,

Она всё время повторяла тот парадокс, который и привел к её рождению:

Её неугомонные изменчивые постоянства

Без перерыва возникали в потоке Времени,

210. А целеустремленные движения в неразумных формах
Приоткрывали подъемы Воли, заключенной в них.

И сон, и состояние без сна устроились в объятиях взаимных;

Беспомощными, затуманенными пришли и удовольствие, и боль,

Трепещущими первым слабым трепетом Души вселенской.

215. Сила той жизни, которая ни крикнуть, ни пошевелиться не могла,

Всё же прорывалась в красоту, глубокое блаженство отмечая:

Немая, бессловесная чувствительность,

Биения сердца несведущего мира

Затронули его оцепененье сонное, и там зашевелились

220. Вибрации невнятные и смутные, блуждающие ритмы,

И темнота, спадающая как бы с неких тайных глаз.

Самооценка зарождающаяся возросла, и родилось рождение.

Божественность проснулась, но её члены были ещё объята дремой;

Её дом отказался отпирать свои всё ещё запечатанные двери.

225. Неощутимые для наших глаз, что видят только

Форму, действие, но, уж, никак не Бога, который в них заключен, -

В своем оккультном ритме развития и силы Жизнь спрятала

Сознание с немymi приглушенными ударами живого чувства

И Разум сдержанный, который мысли ещё не знал,

230. Инертный дух, который лишь такой тогда мог быть.

Сначала Она ни голоса не подавала, ни смела двигаться:

Энергией земной наполненная и силой существующей,

Она просто цеплялась за спасительную землю корнями

собственными,

Молча дрожала от потоков ветра и излучений,

235. Вытягивала в поиске усики-пальцы своего желания;

Сила, стремящаяся к солнцу, к свету в ней, не ощущала ещё

Того объятия, что дало ей возможность дышать и жить;

И поглощенная всем этим, Она мечтала, довольная и красотой, и колоритом.

Но, вот, Безмерность, зачарованная, направила свой взгляд вперед:

240. Взволнованная, энергичная и жаждущая она наощупь искала разум;

Затем неспешно затрепетало чувство, и выглянула мысль;

Она заставила упорно не желающую форму возрастить осознание.

Из этой осознающей формы сваяли волшебство;

Её в транс приводящие вибрации задали ритм живому отклику,

245. А просветленные движения тотчас же разбудили мозг и нервную систему

И пробудили в самой Материи отождествление с духом,

А в теле зажгли любви сердечной чудо

И взгляд души свидетельский.

Под натиском незримой Воли могли раскрыться там

250. Фрагменты некой глубокой побудительной причины становления,

Живые и отчетливые проблески «я» тайного
И семена неясные, и сила внешних форм, направленная
На пробуждение из несознательного обморока мира суще-
го.

Животные создания и ползали, и бегали,
255. Летали между землей и небом и кричали что-то,
Преследовались смертью, надеясь выжить,
И рады были даже краткому дыханию.

Затем из порожденного животного был отлит человек.

Чтобы поднять тональность жизни, пришел ум размыш-
ляющий,

260. Остро отточенное средство труда неясной, двой-
ственной Природы,

Сообразительный полусвидетель, разумная полумашина.

Воображаемый водитель этого колеса Её трудов,

Которого призвали служить Её мотивом и запоминать Её
течение,

Накладывать закон ума на Её силы переменчивые -

265. Эта пружина главная искусной инженерии

Стремилась просвещать и делать утонченным владельца
своего

И поднимать незрелую способность к действиям механи-
ка, в них поглощенного,

К видению Силы, пребывающей внутри него:

Глаза свои он поднял – свет Неба отразил Лик существа
его.

270. Природа оглядела мир, который создала, и изумилась
Трудами, сделанными Ею во сне мистическом:
Великий, но бездушный этот автомат, похоже, охватило
удивление;

Она промедлила, чтобы понять саму себя и свою цель,
Ведь, размышляя, она училась следовать сознательному
правилу,

275. Мера предвиденья вела Её ритмичные шаги;
Мысль ограничила Её инстинкты рамками воли
И осветила идеей верной Её слепое побуждение.
К массе своих влечений, своих деяний рефлекторных,
К течению их неспешному, которым управляет Несозна-
нье,

280. К мистерии бездумных правильных своих шагов
Она прибавила благопристойный образ «я» -
Живой предмет слепого поклонения духу искаженному;
Всем действиям Материи Она при этом навязала закон
стереотипный;

Из клеток алхимических Она создала мыслящее тело,
285. А из ведомой силы сознательное существо отлила.
Быть тем, чем не была Она ещё – вот, что зажгло Её на-
дежду.

Она мечту свою нацелила на нечто высшее, Неведомое Ей;
На землю низошло дыхание высочайшего Единого.
Вступление некое направило свой взор к лежащим выше
сферам,

290. И красочные тени прорисовали на земле, принадлежащей смертным,

Фигуры мимолётные, принадлежащие бессмертью;

При этом иногда могла возникнуть вспышка быстрая небесная:

Тогда души луч озаряющий на тело и на сердце падал

И прикасался видимым обличем света совершенного

295. Той ткани, из которой все наши мечты земные созданы.

Так появилась людская хрупкая любовь, чьи крылья эго скоротечные,

Такие как у мотылька, поднять не в силах душу серафима ввысь,

Пришло поверхностное обаяние, живущее недолго,

Гасимое скупым дыханием Времени;

300. Пришел восторг, который ненадолго позабыл о смерти, -

Гость редкий, быстро уходящий, который сделал так,

Что всё вокруг всем кажется прекрасным всего лишь на мгновение,

Пришли надежды, которые увяли вскоре до серых будней,

И страсти, что в пепел превращаются за время вспышки,

305. Своим недолговечным пламенем разжечь пытаюсь простую землю.

Творение незначительное, малое – людское существо,

К которому пришла и подняла которого неведомая Сила, -

Трудилось на крошечном своем клочке земли,
Чтоб жить и наслаждаться, и страдать, и умереть.

310. Дух некий, который не исчезнет вместе с телом и ды-
ханьем,

Был там, как Непроявленного тень,
Стоял он позади той малой личной формы,
Но не претендовал еще на это воплощение земное.

Живет Свидетель в человеке – неосязаемый, неизвестный
и могучий,

315. Который соглашается на долгий, медленно идущий
труд Природы,

Который наблюдает за работой своего Неведенья,
И ореола Славы этого Свидетеля ничто не выявляет.
Та Мудрость, что направляет этот мир мистический,
Безмолвие, что слушает крик Жизни этой, – всё это Он,

320. Он – тот, кто видит, как течет спешащая толпа мгно-
вений

К величию безмолвному мгновенья отдаленного.

Этот гигантский мир вращается необъяснимым образом
В тени задумчивого Несознания;

Он ключ скрывает к смыслам внутренним, упущенным,

325. Блокирует в сердцах наших он голос, который мы не
можем слышать.

Загадочный труд духа, некий точный механизм,
Использовать который мы не знаем как,

Искусство некое, изобретательность без видимого смысла

Эта подробная, детально оркестрованная жизнь

330. Играет беспрестанно свои симфонии, лишённые мотива.

Разум все время учится, но ничего не знает, спиной обращаясь к истине;

Поверхностным мышлением он изучает внешние законы, Исследует этапы Жизни и наблюдает за процессами Природы,

Не понимая, почему она творит, и для чего живем на свете мы;

335. Он отмечает постоянную заботу её реально праведного инструмента

И допустимую запутанность деталей тонких,

И план изобретательный и смелый духа

В огромной несерьезной массе её бесчисленных работ.

Он добавляет целенаправленные образы к бесцельному итогу

340. И в кучу громоздит и этажи, и рвущиеся вверх своды

На тесно расположенных фундаментах, выстроенных ею, -

Воображаемые цитадели, воздвигнутые в воздухе мифическом -

Или сооружает лестницу мечты к загадочной луне:

Творенья временные эти целят и попадают в небо.

345. Так создается схема из предположений мира

На некой сплошь туманной основе сомнений разума
Или мучительно воссоздается какое-то отрывочное целое.
Непроницаем и таинственно невразумителен

Тот план глубокий, в котором мы – всего лишь часть;
350. Его гармонии для взгляда нашего – неблагозвучие,
Поскольку мы не знаем темы, которой она служит.
Работа сил космических непостижима для людей.

Мы видим только лишь поверхностную часть волны глубокой и широкой;

Все наши инструменты не обладают нужным ярким светом,

355. И наша воля не настроена согласно Воле вечной,

И взгляд нашего сердца слеп и слишком подвержен страсти.

Не могущий понять и разделить с Природой смысл мистический

И не умеющий прочувствовать ни сердцевину мира существа, ни его импульс,

Рассудок наш не может прозондировать мощь моря жизни
360. И лишь подсчитывает волны и изучает его пену;

Не знает он, откуда эти волны возникают и куда уходят,

Не видит он, куда несется этот будоражащий поток:

Старается он лишь направить в русло его силы,

Надеясь к нужной цели человека это течение повернуть,

365. Но средства все его приходят со склада Несознания.
Здесь действуют незримо неясные гигантские вселенские

энергии,

А наша доля – только небольшие струйки и ручейки.

Наш разум живет вдали от подлинного Света,

Хватаясь только за мелкие фрагменты Истины

370. В укромном малом уголке неизмеримой бесконечности,

Где наши жизни – лишь небольшие фиорды силы океанской.

Движения сознательные наши идут из запечатанных источников

И отношений не ведут с туманными местами этими;

Взаимопонимание не связывает наши дружеские стороны;

375. Поступки наши плывут из тайников, которыми умы пренебрегают.

Непостижимые глубины наши не знают о самих себе,

Ведь, даже наше тело – мистическая мастерская;

Как корни наших земных растений скрываются от взглядов под землей,

Так точно же лежат невидимыми корни тела нашего и разума.

380. Наши пружины тайные сокрыты тщательно внутри нас и под нами;

Есть силы за стеной невидимой, что наши души двигают вперед.

В подземных тайных сферах духа власть действует,

Нисколько не заботясь о том, что означают её дела;

Писцы и контролеры неразумные той самой власти

385. Являются причиной наших разных мыслей и наших разных чувств.

Пещерные создания Ума полусознательного, обученные плохо,

Вялые и с заиканием на каждом слове истолкователи все эти

Осознают свою лишь только узкую задачу и заняты

Лишь только записью задачи этой в наших клетках, упрянтанных

390. В тех тайниках, что за порогом нашего сознания находятся

Среди оккультных темных механизмов; задача эта -

Ухватить ту тайную морзянку, чей ритм размеренный

Передает послания вселенской Силы.

Во внутреннее ухо жизни проникает шепот,

395. И эхо раздаётся из темных подсознательных пещер;

Речь скачет, мысль дрожит, сердце трепещет, воля отвечает,

И зову подчиняются и плоть, и нервы.

Все эти связи тесные и тонкие осуществляют наши жизни;

Всё это – дело тайной Силы.

400. Рассудок жизни – мыслящая кукла:

Выбор его – работа сил стихийных, которые совсем не знают

Ни своего рождения, ни смерти, ни причины,

Не видят даже мельком необъятной цели, которой они служат.

В той низшей жизни человека, тупой и серой,

405. Наполненной мучительными, мелкими, постыдными делами,

Сознательную куклу Долли гонят сотнями дорог,

И чувствует она не руки, что её ведут, но лишь одни пинки.

Ибо никто за этим не может видеть ироничную замаскированную труппу,

Наши фигуры «я» – марионетки для которой,

410. А все наши деяния – невольные движения под их контролем,

И наша страстная борьба – лишь сцена некоего их представления.

Не знающие сами об источнике их силы собственной,

Они играют свою роль в этом огромном целом.

И подражающие свету агенты черной темноты,

415. И духи темные, которые мир сущий побуждают тоже втемную, -

Они против желанья своего служат могущественной Силе.

Орудия Ананке¹⁵, организующие Случай,

Превратные каналы Воли колоссальной и инструменты

¹⁵ Ананке – в древнегреческой мифологии божество необходимости, неизбежности, персонификация рока, судьбы и предопределённости свыше.

того Неведомого,

Который пользуется нами, как своими инструментами,

420. Наполненными силой в царстве Природы низшей,

В тех действиях, которые своими собственными видят
смертные -

Они с собой приносят Судьбы бессвязность

Или сплетают роковой исход небрежного каприза Времени

И жизнь людей кидают из огня в полымя

425. В игре неискренней и неуместной.

Их вещество бунтует против всевышней истины;

Их воля ничком ложится лишь перед силою Титана.

Их власть безмерна для всех людских сердец,

Все повороты природы нашей прошли под их влиянием.

430. Малосущественные архитекторы выстроенных низших
жизней

И инженеры интереса и желанья -

Они из грубой приземленности и мутной нервной дрожи,

И попросту вульгарных реакций материальных нервов

Выстраивают наши сваленные в кучу структуры своеволия

435. И плохо освещенные жилища нашей мысли

Или заводами и рынками от эго

Обносят, окружают, обступают прекрасный храм души.

Художники-временщики – они оттенками ничтожными

Рисуют мозаичную структуру людской комедии

440. Иль строят тривиальную трагедию из наших дней:
Организуют действие, к нему примешивают обстоятель-
ства,

На это всё фантазию костюма настроений надевают.
Эти неумные подсказчики несведущего сердца человека,
Наставники его сбивающейся с толку речи, воли,

445. Инициаторы и гнева мелкого, и ненависти, и вожде-
лений,

И мыслей переменчивых, и всплеска эмоциональных при-
ступов,

Эти поверхностные иллюзионисты со всеми своими мас-
ками

И оформители убранства подмостков тусклых,
И быстрые рабочие на сцене этой театральной пьесы -

450. Всё время заняты они лишь плохо освещенным ме-
стом.

Мы не способны сами выстроить свою судьбу,
Лишь как актеры разговариваем и исполняем наши роли,
Пока спектакль не закончится, и мы не уйдем со сцены

В Пространство тоньше этого и Время светлее нынешне-
го.

455. Так, вот, они навязывают нам закон пигмейский свой
И ограничивают уздой накинутаой движение человека к

небесам,

Затем эту прогулку малопродуктивную заканчивают
смертью.

Такой жизнь повседневная является созданию эфемерному.

Пока властитель человека – лишь животные инстинкты,
460. И низшая природа заслоняет его душу,

Пока взгляд разума его направлен лишь во внешние владения

И служит только удовольствиям и интересам приземленным,

Ничтожность повседневных дел преследует его.

С тех самых пор, когда сознание впервые появилось на земле,

465. Жизнь неизменна в насекомом, обезьяне, человеке,
Её материя – всё та же, её маршрут движения не изменился.

ся.

Хотя намерения и новы, и стали все подробности богаче,
И появились мысль и не простые новые заботы,

И шаг за шагом жизнь примеривает лик светлее и светлее,
470. Всё же интрига эта в человеке скудна, бедна, убога.

Согласие его тупое длит долго состояние падшее;

Его успехи мелкие влекут к ошибкам его души,

А маленькие радости его лишь только оттеняют частые напасти:

Лишения и тяжкий труд – высокая цена, которую он платит

475. За право жить, и смерть – последняя оплата за это

всё.

Инерция, что погружает человека в несознание,
И сон, который смерть копирует, – вот, его отдых.
Сверканье силы творческой, пока еле заметное,
Дает ему толчок к трудам недолговечным,

480. Которые, однако, длятся не дольше краткого дыхания
творца.

Он иногда мечтает о празднествах богов

И видит дефиле телодвижений Дионисия -

То львиное величие могло бы его душу растерзать,

Если б его слабеющие члены и сердце робкое мгновенно

охватило

485. Сладчайшее и радость приносящее могучее безум-

ство:

Банальные народные забавы стимулируют и тратят попу-

сту

Энергию, которая дается человеку, чтобы расти и быть.

Так на ничтожные дела он тратит часы короткие свои.

Товарищество краткое с большими ссорами,

490. Любовь недолгая и ненависть, и ревность,

Прикосновение дружбы в толпах безразличных

Рисуют способ действий сердца на слабой карте его жиз-

ни.

Ведь, если что-то в нём великое и просыпается, то это всё -

Тон слишком слабый, чтобы проявить зенит блаженства

495. И чтоб увековечить его мысли мимолетное парение:

Искусства луч сверкающий – лишь развлечение для глаз,
А обаяние музыки – лишь трепет, что терзает нервы.
Средь изнуренного труда и хаоса его забот,
Придавленный работой своих толпой бегущих мыслей,
500. Прикладывает он иногда ко лбу больному своему мо-
гучие

И молчаливые Природы руки, чтоб умиротворить боль
жизни.

Её безмолвие его спасает от пытки его собственного «я»;
В Её спокойной красоте – его чистейшее блаженство.
Жизнь новая восходит, пред ним широкие возможности
открыты;

505. Дыхание Духа движет им, но вскоре оно уходит:
Могущественного гостя не может его сила удержать.
Всё блекнет, сводится до принятых обычаев, рутинных
дел

Или приводит к возбуждению, которое приносит радост-
ный восторг:

Тогда все дни его окрашены багряными оттенками борь-
бы,

510. Пятном позорным красным вожделения и ярким
блеском страсти;

Убийство и сражение – его игра родная.
Он не находит времени, чтоб взор вовнутрь устремить,
Чтобы найти своё потерянное «я» и свою душу неживую.
Он кружится накоротке вокруг своей оси;

515. Парить не может он, его удел – ползти своей дорогой
длинной,

А если в нетерпении на трудном утомительном пути во
Времени

Проявит он великую поспешность на медленной дороге
своей Судьбы,

Его трепещущее сердце сразу сильно ослабеет, устанет и
замолчит;

Или он будет вечно идти, идти, но цели не достигнет ни-
когда.

520. Совсем немногие подняться могут к высшей жизни.
Всё на земле настроено на низкий уровень и низкий тон
сознания.

В доме Неведенья здесь пребывает знание человека;
Ни разу его сила здесь даже и не подходила к Всемогуще-
му,

Экстаз небесный редко посещает род людской.

525. Блаженство, которое спит в мире сущем, стараясь
пробудиться,

В нём вспыхивает в небольшом восторге жизни:

Скупая милость божья – его опора стойкая;

Она снижает тяжесть его многих бед

И примиряет его с миром этим низшим.

530. Он удовлетворен своим обычным средним состояни-
ем;

Надежды будущие, прошлые свои круговороты мысли

И интересы, и желания привычные и старые
Он превратил в густой разграничительный забор,
Который защищает его маленькую жизнь от некого Незри-
мого;

535. Родство же собственного существа с великим Беско-
нечьем

Он запер от себя в «я» собственном, сокрытом глубоко
внутри,

Отгородившись от величия сокрытого неведомого Бога.
Его людское существо сформировали, чтобы играть обы-
денную роль

В некой короткой драме на маловажной сцене;

540. На узком ограниченном клочке земли поставил он
свою палатку жизни

Под взором пристальным Простора звездного.

Он – тот венец того, что было сделано доселе:

Поэтому тяжелый труд творения является оправданным;

Таков итог этого мира, Природы баланс последний!

545. Если бы это было всё, и больше ничего ему не пред-
назначено бы было,

И то, что представляется сейчас, было бы тем целым, ко-
торым быть должно,

И это была б не часть дороги, которая лежит пред нами, –
дороги

По которой мы идем из вещества Материи к «Я» вечному,
К Причине мира сущего и к Свету, сотворившему миры, –

550. То можно было бы уму несовершенному людскому
легко истолковать

Существование наше лишь случайностью во Времени,
Иллюзией, феноменом, какой-то аномалией,
Каким-то парадоксом Мысли созидательной,
Которая вращается меж нереальных противоположно-
стей,

555. Причудой Силы неодушевленной, стремящейся по-
знать и ощущать,

Материи, рискующей истолковать себя Умом,
И Несознания, совсем невероятно порождающего душу.
Порой всё выглядит каким-то нереальным, отдаленным:
Мы, кажется, живем в фантазии своих же мыслей, состав-
ленной

560. Из ощущений от рассказа путешественника странно-
го

Или же выхваченной из картины воспоминаний мозга -
Домысла обстоятельства во сне космическом.

Как некая сомнамбула, гуляющая в лунном свете,
Шагает образ эго сквозь невежественный сон,

565. Отсчитывая призрачного Времени мгновенья.
В ракурсе ложном созерцая следствия и их причины
И доверяя правдоподобной перспективе пространства ми-
рового,

Дрейфует непрестанно он от сцены к сцене,
Куда, в какой неведомый, невероятный край идти не зная.

570. Всё видится как сон здесь или лишь в сомненьях существует,

Но кто сновидец тот, и из какого места он рассматривает это,

Пока что неизвестно или определяется лишь только смутно.

Или же весь мир реален, но сами мы ничтожно малы в нём -

Нам явно не достаёт могущества на нашей сцене.

575. Кривая трепетная жизни пересекает водоворот гигантский

Орбиты космоса, лишённого души, и в чреве этой массы тел,

Рассеянных в пространстве и кружащихся без остановки,

На маленьком случайном небесном шаре проглядывает разум

И задаёт себе вопрос, что он есть сам и что есть сущее вокруг.

580. И с некой изолированной там и субъективной точки зрения,

Которая сформировалась странным образом в куске слепой Материи,

Мгновенье точечное маленького «я»

Как раз и принимает образ сознательной основы мирского бытия.

Вся наша сцена такой является в том низшем полусвете.

585. Таков знак бесконечности Матери,
И такова причудливая суть картины, показанной
Науке-великанше – мерилу своего владения, – ибо она
Рассматривает пристально обзоров своих тайных запись,
Математически анализируя свой колоссальный внешний
мир,

590. Показанной и Разуму, повязанному кругом ощущение
ний

И размышляющему об иллюзорных несущественных иде-
ях

На трудной для понимания и обширной Бирже Мысли.
Абстракции на месте на пустом – валюта Науки этой,
Но мы не знаем, какие ценности реальные основа этому
всему.

595. Только религия при этом банкротстве научных зна-
ний

Сердцам нашим дарует свои туманные богатства
Или подписывает ничем не обеспеченные чеки на жизнь
загробную:

Там наша нищета получит своё отмщение.

Отбросив жизнь никчемную, уходят души наши

600. В пустую неизвестность или берут с собою

В вечность паспорт, выписанный Смертью.

Однако всё это было лишь планом предварительным:
Попыткой ранней, экспериментом первым,

Неполным самораскрытием разума,

605. Явленьем ложным, изображенным чувством ограниченным.

Это была игрушка для развлечения земли младенческой;

Но знание не завершается поверхностными силами,

Которые живут на острие Невежества

И не рискуют смотреть в опасные глубины и,

610. Соразмеряя Неизвестность, вглядываться ввысь.

Есть воспрятье внутреннее, которое поверхностного глубже,

И, если мы отбросим ничтожные ограничения ума,

То видение большее нас встретит в небесных высях

В свет льющей широте внимательного взгляда духа.

615. Вот, наконец, в нас пробуждается Душа-свидетель,

Что вглядывается в истины незримые и смотрит на Неведомое;

Затем всё обретает новое чудесное лицо:

Трепещет мир со светом Бога в своём ядре,

В глубинном сердце Времени живут и развиваются намеренья высокие,

620. Границы жизни распадаются, соединяясь с бесконечностью.

Этот широкий сбивчивый, но всё же жесткий план

Становится Богов полиритмией впечатляющей,

Игрой, божественной работой, неоднозначной и неясной.

Все наши поиски – эксперименты скоротечные,

625. Произведенные непостижимой и бессловесной Силой,
Тестирующей выходы свои из Ночи несознания,
Чтоб повстречать своё светящееся «я» Блаженства, Истины.

В реальном Сущем она проглядывает сквозь проявленную форму;

Она не уставая трудится и в нашем смертном разуме, и в нашем чувстве;

630. Среди образов Неведения и в символических картинках,

Что начертали мысль и слово,

Она разыскивает истину, к которой эти образы стремят;

Она источник Света ищет с лампой видения;

Она старается найти Делателя всех трудов,

635. Найти Водителя – неоощуемое «Я» внутри себя,

Небесное неведомое «Я», которое и есть та наша цель.

Не всё здесь на земле является уроком слепой Природы:

С высот за нами наблюдают Мудрость, Слово,

Свидетель, который санкционирует Её труды и Её волю,

640. Незримый Глаз в незримой шири;

Здесь есть Влияние, идущее от Света горнего,

Здесь есть и мысли отдаленные, и запечатанные вечности;

Мистический мотив здесь подгоняет звезды, солнца.

На переходе этом от Силы несознательной, глухой

645. К сознанию быющемуся и дыханию преходящему

Мощь Сверхъестественного переживает Время.

Мир этот – не такой, каким его мы видим, и не такой, как думаем,

И жизни наши – таинство серьезнее, чем мы себе воображаем,

И разум наш – участник жизненного продвиженья к Богу,
650. И наши души представляют «я» Всевышнего.

По узким улочкам космического поля,
Испрашивая скудную подачку из рук Фортуны
И облачившись в бедные одежды, гуляет там Единый.

Даже в театре этих жизней маленьких,
655. За действием благоухает сладость тайная,
Живет порыв божественности крошечной.

Мистический энтузиазм из родников Творца
Течет через защитные пространства человеческой души;
Сила-помощница – невидимая близость, радость скрытая

660. Поддерживает землю, пребывающую в муках.
Внутри мира страдания присутствуют сердце блаженства
И приглушенные вибрации почти неслышимого смеха,
И рокот счастья сокровенного,
И шепот торжества в глубинах сна.

665. Младенец, вскормленный грудью Природы тайной,
Младенец, весело резвящийся в магических лесах,
Играющий на флейте в восторге от потоков духа,
Ждет часа, когда же мы откликнемся на зов его.

И в одеянии телесном этой жизни существует
670. Душа, которая есть искра Бога, и иногда
Сквозь маску низкую она наружу прорывается
И зажигает тот огонь, который делает полубожественны-
ми нас.

В наших телесных клетках есть Сила тайная,
Что зрит невидимое, строит планы вечные,
675. Наши мельчайшие частички содержат глубокие по-
требности;

Туда прийти Предвестники златые тоже могут:
Прорезан путь в покрытой грязью стене людского «я»;
Через ворота низкие, склонивши головы свои,
Проходят ангелы восторга исступленного и жертвенности,
680. И, поселившись у мечты во внутреннем святилище,
Живут там эти созидатели божественного образа.
Здесь есть и сострадание, и жертва огнекрылая,
И вспышки яркие сочувствия и нежности,
Которые льют свет небесный из храма сердца отдаленно-
го.

685. Работа сделана в безмолвиях глубоких;
Триумф и изумление чувства одухотворенного,
Улыбка красоты в пространстве вечности,
Преобразующая в радость опыт мира,
Собою заполняют тайну недостижимых глубин;
690. Спит вечность в нас, что убаюкана биеньем Времени.
В той сердцевине запечатанной, магической, в ядре счаст-

ЛИВОМ

Стоит недвижно за внешней формой смерти
Вечная Сущность и внутри готовит
Материю небесного блаженства,

695. Феномена божественного царство.

И даже в наш скептический и невежественный разум
Предвиденье приходит безмерного освобождения; и наша

воля

К нему вздымает неторопливые и созидающие руки.

Частица наша каждая желает Абсолюта своего.

700. С тех пор, как наши мысли Свет предвечный ощутить

возжаждали,

С тех пор, как наша сила стала истекать из всемогущей

Силы,

С тех пор, как были созданы миры из скрытого блаженства

Бога,

И Красота предвечная здесь форму запросила,

Хотя и сделано здесь всё из праха бытия,

705. Наши сердца охвачены заманчивыми образами,

А наши подлинные чувства блаженства слепо ищут.

Наша ошибка Реальность умерщвляет, чтобы форсиро-

вать

Здесь её новое рождение, а также и рождение божествен-

ного тела,

И принуждает к воплощению в форме человеческой его,

710. И жизнь вдыхает в члены тела, чтоб каждый мог ка-

саться, обнимать,

Чтоб Знание избавить от древнего Неведенья,

И свет освободительный пролить на космос бессознательный.

Когда «Я» то великое к нам низойдет, чтобы как море

Наполнить смыслом образ нашей быстротечности,

715. Всё будет обязательно охвачено восторгом и преобразовано:

В экстаза волнах невообразимых закружатся

И звуки смеха, и разум наш, и жизнь, и чувства в свете ином, чем тот,

Что освещает ограниченный, тяжелый день человека;

Все ткани тела ощутят трепет божественный,

720. Все его клетки испытают преображение яркое.

И эта тень души – такое небольшое существо, рожденное во Времени,

Эта живая низкорослая фигура духа, погруженного во тьму,

Восстанет из дел своих, окутанных мечтами мелкими.

С его личины эго и с образа его обличья

725. Будет удалена их смертная карикатура -

При переделке в бога глиняного тролля,

Воссоздан будет в образе он Гостя вечного.

Гость этот будет притянут к груди чистой Силы,

И, пламенея от прикосновенья райского

730. В огне сладчайшей духовной благодати,

В багряной страсти измененья бесконечного,

Он содрогнется и пробудится, в восторге исступленном
затрепещет.

Как если б аннулируя заклятие уродства,

Тусклой Пучины поработенье отвергая,

735. От черной магии вселенской Ночи, наконец, освобожденный,

Он тотчас же узнал, кто в нём внутри невидимым живет,

И, покоренный чудом в сердце, переполненном любовью,

Колени преклонив перед сидящем на престоле Божеством,

Всё осознал бы, дрожа от красоты, восторга и любви.

740. Но прежде мы должны добиться восхождения духа
из пропасти,

В которой возродилась природа наша.

Душа наша должна самодержавно возвыситься над формой,

Взобравшись на вершины, которые лежат вне разума, на
половину спящего;

Наши сердца наполнить нужно небесной силой,

745. Животное должно поражено быть сокрытым богом в нас.

Затем воспламеняя жертвоприношения язык златой

И призывая светлой полусферы мощь,

Необходимо полностью отбросить позорное пятно структуры смертной,

Создать из пропасти дорогу для нисхождения небесного,
750. Глубины наши познакомят с Лучом божественным
И темноту рассеять Огнем мистическим.

Рискуя снова оказаться в тумане зарождения,
Передвигаясь сквозь мглу опасную, чреватую неясной
смутой,

Дорогу Ашвапати прокладывал через астральный хаос,
755. Среди лиц серых искусителей-богов,

Допрошенный шептанием призраков колеблющихся
И осажженный колдовством их многословной силы.

Он по земле передвигался, которая проваливалась под его
ногами,

И путешествовал к неуловимой цели с полной силой,

760. Как тот, кто шествует полями странными без види-
мого руководства

И не заботиться о том, на что надеяться ему, и где он пре-
бывает.

За ним остался след, как исчезающая линия

Из точек, едва мерцающих в безмерности туманной;

Бесплотный шорох сопровождал его

765. Той темноты израненной, что жалобно стенает от све-
та яркого.

Громадная преграда недвижной сердцевины этой темно-
ты,

И наблюдаемая мутность умножали, пока он шел,

Враждебное скопление взирающих на это мертвых глаз;
Тьма эта мерцала тускло, как гаснувший фонарь.

770. Затихшее фантомное сияние вокруг него
Наполнило обманчивыми призрачными образами
Очерченную смутно, бездонную и темную пещеру Несо-
знания.

И только пламя его духа было как солнца свет.

Конец Песни пятой

Песнь шестая

ЦАРСТВА И БОЖЕСТВА БОЛЬШЕЙ ЖИЗНИ

Из серого хаоса царства низшей жизни бежал прочь
Ашвапати, как тот,

Кто, находясь меж стенами, смыкающими темноту над
ним,

Стремясь к сиянию дальнему на выходе из мрачного тун-
неля,

Передвигается без принужденья, вольно, с надеждой на
этот слабый свет

5. И ощущает дуновение воздуха пространств, обширней
прежних.

В бесплодный мир пришел он -

В лишенный цели мир рождения, закованного в цепи,

Где существо живое небытия избегло и жить посмело,
Но не имело силы, чтобы долго оставаться здесь.

10. Вверху виднелся лоб потревоженных небес с застывшим взглядом,

Пересекаемый крылами неясной мысли, обуреваемой сомнениями,

Отважившейся в поиск устремиться и голосом блуждающих ветров

Взывающей к чьему-то указанию в пустоте, – той самой мысли,

Которая подобно ослепшим душам, потерявшим свое «я»,

15. Чего-то ищет и блуждает по неведомым мирам;

Пространство встретило вопросом крылья туманного запроса этого.

Вот, несогласие забрезжило сомнительной надеждой,

Надеждой «я» и формы, надеждой на разрешение здесь жить им,

Надеждой на рождение того, что никогда быть раньше не могло,

20. Забрезжило восторгом разума рискующего и выбора сердечного,

Надеждой на Неведомого милость и длани, приносящие сюрприз,

И на касание надежного блаженства в ненадежном сущем:

Пришел к сомнительному, странному пространству
Ашвапати -

Там, где сознание играло свою игру с «я» бессознательным,

25. И всякое рождение являлось некою попыткой, эпизодом.

Очарование притягивало то, что содержать своих чар не могло, -

Страстно желающую Силу, которая не в состоянии найти свой путь,

Какую-то Случайность, которая избрала чудную арифметику,

Но не могла связать с ней формы, которые сама же и создала,

30. И множество, которое не может сохранить всю свою сумму,

Что из нуля произросла и больше единицы.

К обширным и туманным чувствам приходя,

Не ведая об их скоротечном смысле,

Жизнь тщательно трудилась в необычной атмосфере,

35. Лишенной своих великолепных и добрых солнц.

В мирах воображаемых, которых реально еще никто не создал,

В мерцании продолжительном на грани нового творения

Она блуждала и мечтала, и никогда не прекращала двигаться вперед:

Конца достигнув, она разрушила бы это волшебное Пространство.

40. Явленья удивительные смутной, нереальной страны чудес,

Наполненной незримой красотой, но странно и напрасно созданной,

Волна причудливых реальностей,

Приглушенные сверху признаки какого-то Величия

Будили чувство страстное в глазах желания,

45. И принуждали к вере очарованную мысль,

Притягивали сердце, но к цели не веди.

Очарование струилось, как будто бы из трогательных сцен,

Которые недолго сохраняли свою нестойкую изысканность

Скупых и строгих линий, написанных абстрактным живописцем

50. В неясном скудном свете кистью воображения слабого
На серебристом фоне неопределенности.

Свет в небесах, под утро зародившийся, -

Огонь, который интенсивно ощущался, но никого не обжигал, -

Ласкал горячими намеками дня наступающего воздух.

55. И совершенные, желающие страстно прелестей несовершенства,

И просветленные, которые попали в западню Неведенья, -

Эфирные создания, соблазнами телесными притянутые, -

Пришли они все, возжадав радостей конечной личной

жизни, сюда -

В эту обитель обещаний, незримыми крылами хлопая,

60. Пришли – божественные слишком, чтобы землю сотворенную топтать

И разделять судьбу непрочной бренной сути.

Все эти Дети невоплощенной Вспышки,

Возникшие внутри души из некой аморфной мысли,

Гонимые желанием непреходящим,

65. Пересекали поле пристального взгляда, преследующего их.

Там действовала Воля, что ненароком ошибалась:

Жизнь была поиском, но никогда открытие не приходило к ней.

Там всё пленяло, но ничего не приносило удовлетворения,

Там всё оказывалось тем, что никогда всей полнотой не владело,

70. Там образы смотрелись весьма похожими на действия живые,

А символы скрывали смысл, который они к показу заявляли,

Мечты же слабые реалиями становились лишь для глаз мечтателя.

Туда попали души те, которые старались понапрасну тело обрести,

Они могли, в ловушку пойманные, блуждать там сквозь

века

75. И никогда не обрести той истины, благодаря которой существуют.

Всё двигалось здесь также, как скользит надежда, которая охотится за потаенным

Случаем; ничто не ощущалось здесь законченным и прочным не было:

Всё было ненадежным, удивительным и лишь наполовину истинным.

Казалось, это – царство жизней, которое какой-либо основы не имеет.

80. Затем забрезжило стремление к высям и небесам распахнутым,

И под крылами Силы, над ним нависшей, путешествие продолжилось.

Сначала появилось царство утренней звезды:

Неясные красоты трепетали в лучах зари,

Вибрация возникла от надежды на Жизнь обширнее, чем прежняя.

85. Потом, не торопясь, взошло огромное и нерешительное солнце,

И в его свете эта Жизнь создала из себя самой мир некий.

Был там и дух, искавший собственное подсознательное «я»,

И удовлетворенный его обрывками, протолкнутыми

вверх,

И теми сторонами жизни, что искажали целостность её,
90. Которые, однажды собранные воедино, могли бы истиною стать.

Казалось что-то в конце концов будет достигнуто.
Растущая вместимость воли бытия,
Кривая силы и книга жизни,
План действий, песнь образов сознательных,
95. Нагруженные смыслами, нестойкими от разных мыслей,

И переполненные разными оттенками ритмического зова жизни,

Могли записывать себя в сердцах живого мира.
Во вспышке силы Духа тайного,
В реакции ответной восторга Жизни и Материи
100. Улавливались лик красоты, лишённой смерти,
Который даже сиюминутной радости мог придавать бессмертие,

И слово некое, которое могло бы воплотить ту Истину высокую,

Что выскочила при случайном напряжении души,
Оттенок некий Абсолюта, который мог бы низойти на жизнь,

105. И некое сияние знания и видения интуитивного,
Страсть некая Любви восторженного сердца.
Верховный жрец лишённой тела Тайны,

Которая заключена в духовную невидимую оболочку,
И Воля, что выталкивает чувство за свои границы,
110. Чтоб ощутить неосязаемую радость и горний свет,
Почти нашли свой путь в тиши Невыразимого,
Почти поймали запечатанную сладость того желания,
Которое струится из груди непостижимого Блаженства,
Почти при этом проявили скрытую Реальность.

115. Душа, которая не спряталась под маской разума,
Смогла мельком увидеть истинное назначение мира
форм;

Видением, отраженным в мысли, озаренная
И ободрённая согласным сиянием сердца,
Она могла держать в сознательном пространстве духа
120. Божественность условно обозначенной вселенной.

Глубокими надеждами нас вдохновляет это царство;
Место рождения человека – Землю – создали силы цар-
ства этого,

Знаки его прорисовали прообраз наших жизней:
Оно дарует полновластный ход людской судьбе,

125. Его блуждающие волны привносят высокий всплеск
в жизнь человеческую.

Там прототипом пребывает всё, чего мы постоянно ищем,
И всё, чего ещё не знали и не искали мы, но всё-таки
Однажды ещё должно родиться в человеческих сердцах,
Чтоб в мире сущем Вечное могло осуществить себя.

130. Возможность, возрастающая беспредельно,
Что существует вечно в открытом Бесконечьи,
И полностью воплощена в мистерии дней человеческих,
Карабкается вверх по высочайшей лестнице мечты без

остановки

В Существо, что пребывает в сознательном экстазе.

135. По этой лестнице к незримому концу восходит всё.

Энергия непрекращающейся быстротечности творит

Паломничество всей Природы к Неизвестному -

То путешествие, возврата из которого не существует точ-

но.

Как будто в восхождении своем к источнику, утерянному

ею,

140. Она надеялась раскрыть всё, что могло бы вечно суще-

ствовать;

И это восхождение высокое идет последовательно – по ступеням,

От взгляда к взгляду растут её успехи,

Процесс ведет её от формы к форме, более продвинутой -

Напоминает это караван неистощимый формирования

145. Безграничной Мысли и беспредельной Силы.

Сей Силы вневременная Мощь, которая когда-то полно-

стью лежала

Во власти бесконечного и безначального Покоя,

Оторванная ныне от бессмертного блаженства Духа,

Вновь учреждает все те радости, что были ранее утеряны;

150. И, покоряя временное существо внутри материальной формы,

Она надеется, придав свободу творческому действию, ту пропасть,

Что не в состоянии наполнить, в иное время просто перепрыгнуть,

Хотя б на время излечить рану разрыва с Богом,

А также избежать тюрьмы ничтожности момента

155. И встретить ту обширную величественность Вечного,

Что здесь разделена на части в изменчивом пространстве-времени.

Она почти добилась того, чего добиться невозможно никогда;

Она, когда захочет, вмещает вечность всего лишь в час

И наполняет любую душу Бесконечностью;

160. Сам Недвижимый склоняется пред волшебством её призыва;

Она стоит на побережье Безграничья,

И различает Небожителя бесформенного в какой угодно форме,

И чувствует вокруг себя объятия бесконечности.

Её задача конца не знает; она не служит чьей-то цели,

165. Но трудится, ведомая той безымянной Волей,

Которая пришла из некой непостижимой аморфной Шире.

Её невероятная и тайная задача -

Поймать неограниченное в сеть рождения,
В физическую форму вбросить дух,
170. Придать речь и мышление Невыразимому;
Её настойчиво пододвигают к открытию всевечного Неяв-
ного.

Уже, благодаря её умению, свершилось невозможное:
Она в жизнь претворяет свой грандиозный иррациональ-
ный план,
Изобретает элементы своего волшебного искусства,
175. Чтоб Бесконечью найти тела и образы Непостижимо-
му,

Которые ещё доньше не существовали;
Жизнь заманила Вечное в объятия Времени.
Но даже и сейчас она сама того не знает, что уже сделала.
Ибо всё создано под маской, ставящей загадку:

180. Обличье внешнее – это не истина, внутри него со-
крытая,

Аспект которой создает эффект иллюзии,
Придуманную нереальность, управляемую временем,
Незавершенное творение изменчивой души
В теле изменчивом совместно с обитателем внутри него.

185. Средства той Жизни незначительны, а труд её всеве-
чен;

И на огромном поле самого сознания – вне его формы,
И в небольших конечных взлетах разума и чувства
Она разворачивает бесконечно Истину, конца которой не

существует;

Так вечная мистерия реализуется во Времени.

190. Величие её заветных дел никем не понято,

Труд этот является предметом её страсти и в то же время боли,

Восторгом и мучением, триумфом и проклятием;

Не может она решиться на другое и продолжает прилагать усилия;

Сердце могучее её остановить работу запрещает.

195. Но неудачи её не исчезают, пока мир существует,

Безмерно изумляя и приводя в тупик взор Разума.

Не исчезает также безрассудство и непререкаемая красота,

И благородное безумство воли к жизни,

И смелость, и блаженства исступление.

200. Таков закон существования её, и способ этому – всего один;

Она старается себя насытить, но насыщения не происходит никогда,

И ненасытность этой Жизни повсеместно расточает

Её многообразные фантазии о высшем «Я»

И тысячи различных образов Реальности единой.

205. Мир сделала она, которого коснулась только кромка Истины,

Мир, брошенный в мечту и поиск

Иконы Истины, мистерии сознательного вида.

Мир этот не теряет время зря, как разум человеческий,
который

Окружен барьерами сплошными очевидных фактов;
210. Рискует он довериться душе и разуму мечтания.

Искатель духовных истин, который лишь раздумывает
Иль полагает, или придерживается догматов веры,

Он ухватил воображением и в клетку заточил
Какую-то раскрашенную птицу райскую.

215. Жизнь эта бóльшая Незримым очарована;

Она взывает к Свету высочайшему, который не достигаем
для неё,

Она способна ощутить Безмолвие, которое освобождает
душу,

И ощущает луч божественный – прикосновение Спасителя:
Добро и истина, и красота – вот, божества её.

220. Она близка к тем небесам небесным, которых с земли
не видно,

И к темноте, ужасней той, которую жизнь человека не осилит:
Она в родстве и с демоном, и с богом.

Какой-то странный энтузиазм привел сердце её в движение;
Она теперь высот небесных жаждет и страсть испытывает
к богу.

225. Она охотится за совершенным словом и совершен-

ной формой,

Карабкается к вершине мысли и к вершине света.

Ибо посредством формы Жизнь сближается с Бесформенным,

А совершенство очень близко подходит к Абсолюту.

Дитя небес, которое не видело родного дома с самого рождения, -

230. Его импульс движения соприкасает вечное лишь в некоей точке:

Оно не может удержать его, лишь только близко подойти и прикоснуться;

Жизнь эта способна лишь стремиться к некому ярчайшему экстремуму:

Искать и создавать – вот, в чём её величие, вот, её творческая сила.

На каждом плане Сила Жизни должна творить.

235. Она – всё та же на земле и в небе, и в аду;

И роль её огромна в любой судьбе.

Хранитель, страж огня, который зажигает солнца – она победоносна

В могуществе своем и в славе и, невзирая на сопротивление

И угнетение, в себе несет стремление Бога к рождению на земле:

240. Дух выживает, поскольку он в реалиях не существует,

А сила мира переживает шок от разрушения иллюзий:
Безмолвная – она есть всё же Слово, инертная Энергия.
Её – рабыню смерти и неведенья, здесь в тело павшую -
Ведут к тому, чтобы она возвысилась к явлениям бес-
смертным,

245. И побуждают познать даже само Непознаваемое.

Ведь, даже сон её – не ведающий, никакой – способен мир
творить.

Она мощней всего работает, когда её не видно;

Упрятанная в атоме и похороненная вместе с телом мерт-
вым, -

Её живая творческая страсть не может вдруг прерваться.

250. Её вселенский обморок – период огромной важности,

А Несознание её – гигантски длительная пауза:

Рожденная во Времени, она свое бессмертие скрывает;

И в смерти, в своей постели, она ждет часа, чтоб воскрес-
нуть.

Ведь даже отринув Свет, направивший её вперед,

255. И с умершей надеждой, которая была нужна ей для
своей задачи,

Тогда, когда погашенными стали даже звезды, что ей в Но-
чи светили,

Питаясь только бедами и скорбью,

И с болью в качестве служанки, массажистки и кормили-
цы

Её измученный незримый дух без передышки продолжает

260. С усердием трудиться, хоть и в темноте, творить, хоть и с мучениями;

Распятый Бог лежит, взрастая, на её груди.

В холодных неживых глубинах, где радость полностью отсутствует,

Где нет движения и ничего не происходит,

Подавленная и замурованная сопротивляющейся Пустотой,

265. Она всё помнит и прибегает к мастерству,

Которое Творец волшебный дал ей при её рождении,

И придает бесформенности апатичной некую форму,

И открывает мир, где прежде не было существования.

В тех царствах, ограниченных жалким и низким кругом смерти

270. И темной вечностью Неведения,

И дрожью несознательной инертной массы,

Или закованных под принуждением слепым глухой Материи

Блокирующими кольцами Силы,

Она отказывается сном недвижно спать во прахе.

275. Потом, как наказание за пробуждение мятежное,

Данное просто машинально жестким Случаем,

Как механизмом неким её магического ремесла,

Она выделяет чудеса богоподобные просто из грязи; она привносит

В протоплазму свой бессловесный и бессмертный побуж-

дительный мотив,

280. Способствует живой ткани размышлять, а чувству в теле – ощущать,

Передает по хрупким нервам острые послания,

Чудесно любит в телесном сердце,

Телам живым дарует душу, волю, голос.

Она, как будто палочкой волшебной, на суд все время вызывает

285. И существа, и образы, неисчислимые моменты жизни

-

Тех знаменосцев её процессии огромной по Времени и по Пространству.

Весь мир – лишь путешествие её сквозь ночь вселенскую,

Её дорогу своим светом освещают и солнца, и планеты;

Наш разум – её идей лицо доверенное,

290. А наши чувства – её звонкие свидетели.

Рисуемые знаки её мира – наполовину истинны и наполовину лживы,

И трудится она, чтобы осуществленными мечтами заметить

Воспоминание о вечности утраченной своей.

Вот, таковы дела её в огромном мире этого неведенья:

295. До той поры, пока вуаль не поднята, а ночь еще жива,

Она ведет неутомимый поиск свой при свете или в темноте;

Дорогой её бесконечного паломничества служит Время.
Одна страсть мощная является мотивом всех её деяний.
Её вечный Возлюбленный – причина деяний этих;

300. Она решила выпрыгнуть наружу из Просторов тех
незримых для него,

Чтобы здесь действовать в застывшем, несознательном
пространстве этом.

Деяния его все – это связи её с тем тайным Гостем,
А прихоти его – её большого сердца страстные желания;
Она хранит свет солнечный его улыбки во всём прекрас-
ном.

305. Стыдясь своей глубокой космической нужды,
Она дарами мелкими своими мостит дорогу к его могу-
ществу

И сохраняет лояльность к его взгляду своими сценами,
И умоляет поместить его многообразные кружащиеся
мысли

В фигуры её произвольного невероятного порывистого
Смысла.

310. Наиважнейшая забота сердца Силы Жизни и дело её
главное -

Привлечь к себе поближе своего соратника, сокрытого ву-
алью тайны,

Прижать его крепче к груди, укрытой маской мира,
чтоб из её объятий

Он не вернулся в свой покой, где формы все отсутствуют.

Однако, когда он очень близко, она не ощущает его совсем,

315. Ибо противоречие – закон её природы.

Как будто ничего не зная о вечной связи этой пары,
Хотя она – всё время в нём находится, а он – всё время в ней,

Воля её в своих работах всё же запирает Бога
И держит там его как самого желанного затворника,

320. Чтоб больше никогда они опять во Времени не разделялись.

Она в самом начале создала для духа великолепную палату -

Зал, расположенный в глубинах её царства,
Где дремлет он, как позабытый всеми гость.

Но, вот, сейчас она вернулась, чтобы разрушить забвенья чары,

325. И будит спящего на ложе, высеченном ею,
Она находит в некой форме вновь Присутствие
И открывает в свете, пробуждающемся вместе с ним,
Значенье в утомительной и торопливой прогулке Времени,

И через разум, который прежде затмевал собою душу,
330. Передает невидимого божества сияние сверкающее.
Сквозь просвещенную мечту пространства духа
Она строит творение – как будто разноцветный мост
Между Безмолвием первоначальным и Пустотой.

Из этой переменчивой вселенной сеть сделана;

335. Она сплетает из нее ловушку для сознательного Бесконечья.

С ней Знание, которое таит в себе определенные шаги,

Но кажется Неведеньем всемогущим и немым.

Есть у неё могущество, что чудеса преобразует в истину;

Невероятное – есть её ткань обычных фактов.

340. Её труды, её намерения одни загадки ставят перед нами;

Рассмотренные скрупулезно, они становятся не тем, чем были,

А объясненные, они нам кажутся еще непостижимее.

Ведь, даже в нашем мире уже царствует мистерия,

Которая скрывает маску тривиальной очевидности обычного лукавства;

345. А уровни повыше этого сотворены из чар волшебных.

Там всякая загадка собой являет сверкающий объект,

А опыт всякий получается глубоким, сокровенным.

Там нет серьезной внешней маскировки заурядности,

А чудо – каждый раз иное, божественное чудо.

350. Там есть и бремя спрятанное – непостижимый штрих,

И тайна некая сокрытого значения.

Хоть ни одна земная маска не тяготит лицо материи,

Она спасается от собственного взгляда в себе самой.

Все формы там – опознавательные знаки замаскированной идеи,

355. Цель тайная которой запрятана от поиска ума;

Однако, идея эта является началом превосходного последствия.

Там мысль любая и ощущение каждое есть действие,

А действие любое – знак и символ,

И каждый символ скрывает под собой живую существующую силу.

360. Она из вымыслов и истин сооружает некую вселенную,

Но выстроить не может то, в чем более всего нуждается;

Всё явленное – это лишь образ Истины или же копия Её,

Сама Действительность скрывает от неё свой лик мистический.

Она находит всё остальное, но вечности там не хватает;

365. Всё найдено там, но всё же Бесконечья недоставало.

Было воспринято сознание, что Истиною свыше озарено;

Оно свет обнаружило, но Истины там не увидело:

Оно поймало нужную Идею и из неё создало мир,

И выстроило Образ нужный, и Богом его назвала.

370. В глубинах мира этого прибежище себе нашло что-то реальное.

Там жили царства бóльшей жизни существа -

Жители бóльшей атмосферы, пространства вольного

Жили не в теле или не во внешнем сущем:

Их центром «я» был образ жизни глубже, чем в царстве предыдущем.

375. В этом владении интенсивной близости

Объекты пребывают как партнеры, спутники души;

Там деятельность тела второстепенна и

Поверхностна – она транслирует жизнь внутреннюю.

Все силы – свита Жизни в этом мире,

380. А мысль и тело – служанки, движимые Ею.

Вселенские широты дают ей место:

Все люди чувствуют в своих делах космическое действо

И служат инструментами её невероятного могущества.

Или из собственного «я» они творят свою вселенную.

385. Всем, кто уже поднялся к этой бóльшей Жизни,

В их ухо шепчет глас явлений не рождённых,

Глазам их, освещаемым высоким светом солнца,

Стремление показывает образ некого венца,

Чтоб семя прорастить, которое Жизнь внутрь вбросила
сама,

390. Чтобы достичь в них её силы, чтоб с ней её творенья
жили.

Каждый из них – величие, возрастающее к горним высям,

Иль нечто, изливающее океаны из внутреннего центра
своего;

И в волнах силы – в тех волнах, которые расходятся кру-
гами, -

Они, жадно глотая, поглощают окружение своё.

395. Но даже из этой шири есть те, кто формирует хижину убогую;

Придавленные узостью свобод и малостью возможностей,
Они живут довольными каким-то малым отвоёванным величием.

Быть властелином маленькой империи самих себя,

Быть некою фигурой в этом частном мире

400. И делать собственными радости и горести окружая,

И удовлетворять желанья и побужденья этой жизни

Вполне достаточно для службы и заботы этой силы -

Распорядителя Лица Божественного, распорядителя судьбы.

То были и граничный переход, и в то же время точка старта,

405. Отсчет начальной иммиграции в самую божественность

Для тех, кто перешел в эту сверкающую сферу:

Там – родственники нашей расы, расы землян;

И это царство граничит с нашим смертным миром.

Мир этот – обширней прежнего – дарует нам движенья бóльшие,

410. Его серьезные формации возделывают наши возрастающие «я»;

Его творения – улучшенные наши копии,

Законченные виды тех, которых только посвятили в дело,
И тех, которыми, определенно, мы лишь стремимся быть.
Будто фигуры, тщательно продуманные, вечные,

415. Не раздираемые противоположными течениями, как
мы, они идут

Вслед за незримым командиром туда, куда ведет их собственное сердце,

Их жизни повинуются закону внутренней природы.

Хранится там резерв духовной силы и матрица героя;

Душа присутствует – внимательный строитель судьбы таковой;

420. И нет там духа, который безразличен ко всему, инертен;

Они свой выбор сделали и видят бога, и поклоняются ему.

В том царстве началось сражение меж истиной и ложью,

К божественному Свету паломники выходят напрямую.

Само Неведение к познанию стремится там,

425. Сияя светом приглушенным звезды далекой;

Там знание пребывает в сердцевине сна:

К нему, как некая сознательная сила, Природа приближается.

Верх совершенства, идеал – их вечный вождь и царь:

К монархии божественного солнца устремляясь постоянно,

430. Они взывают к Истине, моля её о высочайшем руководстве

И о скорейшем воплощении её в их действиях любых,
О наполнении вдохновенным гласом её всех мыслей их;
Они взывают сделать жизни их по образу её живому,
Пока они не станут также частью божественной природы.

435. Или они соединяются и соглашаются с истиной Темноты;

За Небо или же за Ад они должны вести войну:
Как воины Добра, они служат сияющему светом делу,
Или они – солдаты Зла на содержании у Греха.

Ибо добро и зло имеют там равновеликие владения:

440. Ведь, как на это не смотри, Знание – это близнец Невежества.

Все силы Жизни стремятся к собственному божеству:

В той атмосфере широты и смелости безмерной

Возводит и развивает каждый свой храм, свой культ,

И Грех там, также как и Бог, в своем владении присутствует.

445. Там, утверждая красоту и благородство своего закона,

Грех объявляет жизнь своим естественным владением

И узурпирует трон мира иль надевает облаченье папское,

А почитатели его провозглашают это его священным правом.

Они всю чтят Ложь, украшенную папскою тиарой,

450. И преклоняются пред тенью этого хромого бога,

Согласны с Идеей черной, которая мозг человека разру-

шает,

Иль возлежат на ложе с похотливой Силой, что душу убивает.

Одолевающая добродетель у них лишь пребывает в позе изваяния,

А страсть Титана побуждает только к горделивому волнению:

455. Когда на алтаре Премудрости они являются царями и жрецами,

Тогда их жизнь является лишь жертвой идолу Могущества.

Или над ними сияет Красота как некая звезда непостижимая;

И даже если свет её весьма далек, они со страстью следуют за ним;

В искусстве, в жизни они пытаются поймать лучи Прекрасного

460. И сделать мир лучащимся дворцом этих сокровищ:

В нём в чудо облачены даже обычные фигуры;

Очарованье и величие, что скрыты в каждом часе там,

Будят восторг, который спит во всём, что там сотворено.

Могучая победа или же падение могучее,

465. Трон в небесах или же яма выгребная в преисподней -

Они лишь подтвердили двойственность Энергии,

А души все отметили Её невероятную печатью:

Всё, что Судьба способна с ними сделать, они то заслужи-

ли;

Они живут такими, каким сами сделали себя, и с тем, что сами сделали.

470. Материя есть следствие души там, а не её причина.

В балансе противоположностей явлений истины земной

Всё грубое имеет меньший вес, а тонкое считается значительней;

В том царстве внутренние ценности парят над внешним планом.

Как выразительное слово трепещет некой мыслью там,

475. Как страсть души стремится к деятельности некой,

Так ощущаемое явленное божье провидение мира

Посматривает с дрожью на мощь какой-то сути внутренней.

Здесь разум, внешним чувством не ограниченный совсем,

Придумал формы неопределимому, пришедшему от духа,

480. Поймал и ощутил импульсы мира без посторонней помощи

И сразу преобразовал их в реальную телесную вибрацию -

В живые действия лишенной тела Силы;

А силы подсознательные, что действуют незримо здесь

Или, припав к земле, ждут за барьером часа своего,

485. Прошествовали на передний план, приоткрывая лица.

Оккультное избавилось от тайны здесь, и сохранилось очевидное,

Сокрытое открытым стало, взвалив на плечи неизвестное;
Незримое было воспринято и потеснило видимые образы.
В общении двух разумов, что встретились на этом поле,
490. Мысль пристально всмотрелась в мысль и не нужда-
лась больше в речи;

Эмоции в сердцах слились друг с другом в объятых тес-
ных,

И трепет одной во плоти, нервах тотчас же ощутила и дру-
гая,

Как будто бы одна эмоция в другой расплавилась и стала
необъятной -

Так одно пламя возрастает при пожаре двух домов, с дру-
гим сливаясь:

495. Одна любовь с другой сложилась, и ненависти меж
собой сцепились;

На поле разума невидимом сразилась с волей другая воля;
Другие ощущения, которые пронизывают нас как волны,
Вибрациями передали тонкого тела точный образ -
Ярость вибраций этих, галопируя в атаке жесткой,
500. Сдирала плату с сотрясаемой земли, топча её копы-
тами;

Там каждый ощущал печаль другого, сжимающую грудь,
Ликующий восторг другого, текущий в своей крови:

Сердца могли сблизаться через расстояния, и голоса стать
ближе,

Чтобы общаться, обитая на разных берегах чужих морей.

505. Там бился пульс активного взаимного обмена:
Любое существо другое ощущало даже за тысячу морей,
И точно также сознание одно сознанию другому отвечало.
Однако главного единства там всё же не существовало.
Одна душа существовала от другой отдельно:

510. Там можно было внутренней барьер безмолвия установить -

Броня сознания могла и защищать, и экранировать;
Любое существо могло закрыться и уединиться,
Любой мог оставаться в одиночестве, в себе самом.
Однако отличительной чертой был не покой уединения.

515. Всё было сделанным и познанным всего наполовину,
несовершенным.

К примеру, чудо Несознания было превзойдено,
Однако ещё в покое оставалось чудо Сверхсознания:
Неощутимое, непостижимое, неведомое, свёрнутое в себе самом,

С небес на них смотрящее – источник всего, чем они были.

520. Они пришли как формы полностью бесформенного
Бесконечья,

А жили как имена, как личности безличной Вечности.
Оккультными, загадочными были там начало и конец;
А в середине всё действовало неожиданно и необъяснимо:
Существовали речь, которая вела беседу с бессловесной
Истиной,

525. И некие фигуры, что просто дополняли картину неза-
конченную там.

Никто реально там не знал ни мира окружающего, ни себя,
Ни истинной Реальности, живущей там, хранимой и обе-
регаемой:

Знали там только то, что Разум сам мог взять и обустроить
Из тайного огромного хранилища Сверхразума.

530. Под ними – Темнота, над ними – Пустота сияющая:
Они жили в великом восходящем Космосе, как в неиз-
вестности,

И растолковывали Тайну одними только тайнами;
Загадка мира сущего встречала здесь загадочный ответ.
Перемещаясь в пространстве этой неоднозначной жизни,

535. Скорей всего, был Ашвапати сам себе загадкой;
Он видел повсюду знаки и смысл их найти пытался.

Пересекая смерти и рождения источники, которые струят
толчками

И перебрасывают нас через границы изменения души,
Он шел по мощным, ясно обозначенным дорогам жизни

540. Искателем, который неустанно следует за духом со-
зидающим,

Ища блаженства жизни, запечатанного ею и достижимого
с трудом,

В опасном бесконечном путешествии по миру.

Сначала в тех шагах широких не было видно цели:

Он видел лишь источник мощный существующего там,
545. Который был обращен к источнику вдали, мощнее
этого.

По мере удаления Жизни от черт земных
Сильнее ощущалось от Неизвестного давление,
А мысль, несущая контекст возвышенный,
Влекла Её к открытию и чуду;
550. Пришло освобождение высокое от мелочных забот,
Пришел надежды и мечты еще сильнее образ, пришли
Еще сильнее способ достижения, еще величественней
сцена.

Она кругами приближалась к Свету, сияющему вдалеке,
И знаки её скрывали больше, чем разоблачали;
555. Увязанные с неким видением прямым и волей,
Они утратили своё значение в радости употребления, и,
Пока их бесконечный смысл не обнажился, превраща-
лись,

В некий шифр, мерцавший нереальным восприятием.
Вооруженная привычным ей, оригинальным луком,
560. Жизнь целила в мишень, которая незримой остава-
лась

И даже считалась весьма далекой, хотя всегда была побли-
зости.

Как тот, кто по слогам читает слова из озаренных знаков
И книгу, зашифрованную, с текстом магическим и нераз-
борчивым,

Разглядывал он замыслы запутанные, тонкие и странные
565. И непростую, скрытую вуалью, теорему её путевод-
ной нити,

Прослеживал в песках гигантских пустыни Времени
Нить начинаний эту её невероятных титанических работ
И наблюдал шараду её действий ради некоего намека,
И расшифровывал немые жесты очертаний,
570. Стараясь уловить смысл их движений

В беззвучном танцевальном попури её последствий:
Смысл этот ускользал в ритмичном таинстве,
В движении ног, бредущих по земле к пристанищу.

В узорном лабиринте её мыслей и надежд
575. И в тропах лабиринта её желаний сокровенных
И в тайных уголках его, наполненных мечтами,
В кругах, зачеркнутых интригой кругов ненужных,
Как странник, блуждающий средь декораций преходя-
щих,

Не разглядел он знаков этих и искал усердно любую сла-
бую догадку.

580. Он постоянно находил подсказки, но не понимал их
смысла.

Вот, солнце, затмевающее собственное око виденья -
Ярчайший капюшон светящейся загадки -

Внезапно озарило плотную пурпурную преграду намере-
нья небес:

Неясный и пространный транс в ночи высветил звёзды

Жизни.

585. Как будто, располагаясь около открытого оконного проема,

При вспышке молнии, как озаренья сжатого,
Читал он главы Её романа метафизического
О поиске Её душой утраченной Реальности,
И о Её фантазиях, притянутых из подлинных явлений духа,

590. И о капризах, образах причудливых, и смыслах сжатых,

О безрассудных неохваченных причудах и поворотах тайных.

Он видел пышные покровы той секретности,
Что прикрывали тело Её желанное от взгляда,
И удивительные значимые образы, что на Её одеждах вытканы,

595. И выразительные очертания фигур явлений,
Фальшивую прозрачность оттенков мысли,
Богатую парчу с Её фантазий вышитыми образами,
Изменчивые маски и вышивки обманчивой личины.
Тысяча странных, непостижимых лиц Истины

600. Смотрела на него из форм Её с глазами незнакомыми
И ртами бессловесными и непонятными,
И говорила голосами персонажей маскарада этого
Или выглядывала из великолепия неясного
И тонкого свечения Её убранства.

605. В сверканиях внезапных самого Неведомого
Звучание невыразительное становилось достоверным,
Идеи, казавшиеся нам бессмысленными, сверкали исти-
ной;

Те голоса, которые пришли из новых выжидающих миров,
Произносили звуки Непроявленного,

610. Чтобы одеть тело мистического Слова,
А колдовские диаграммы оккультного Закона
Собой клеймили нечитаемую точную гармонию
Или использовали краски и рисунки, чтоб воссоздать
Герб геральдический секретной сути Времени.

615. В зеленых зарослях и спрятанных глубинах Жизни
И в чащах радости, где риск сжимает наслаждение,
Он мельком видел спрятанные крылья Её певца надежд,
Мерцание огня багряного и голубого, и золотого.
В проходах тайных, окаймляющих Её случайные пути-до-
роги,

620. Рядом с поющими ручьями и тихими озерами
Он обнаружил отблеск золотых плодов Её блаженства
И красоту Её цветов мечты и размышления.

Он наблюдал в сиянии алхимическом солнц Жизни,
Как будто чудо восторга сердца,

625. Малиновую вспышку одного обычного цветка
На древе жертвоприношения, любви духовной приноси-
мого.

В сонливой роскоши Её зенитов увидел он без перерыва

Часами повторяющийся танец мыслей – танец стрекоз,
Которые скользят, едва касаясь, над рекою тайны,
630. Но никогда не погружаются в поток журчащий этот.
Там смех услышал он Розы¹⁶ желаний, скользнувший ря-

дом

С мелодичным перезвоном фантазий колокольчиков нож-
ных браслетов,

Скользнувшей и как будто избегающей объятий долго-
жданных.

Прошел он среди оживших символов оккультной силы
Жизни

635. И ощутил их скрытые реальные обличья:

В той жизни, которая конкретней человеческой,

Сердцебиение спрятанной реальности стучало:

Там воплотилось то, о чём сейчас мы только ещё думаем,

Там образы самооформились, а здесь их попросту заим-
ствуют оттуда.

640. Другом Безмолвия на аскетических высотах Жизни,

Допущенным Её могучим одиночеством,

Встал он с Ней рядом на вершинах созерцания,

Где жизнь и бытие это святой обет,

Предложенный Реальности потусторонней,

645. И сразу же увидел полет свободный в бесконечности

Стреноженных до этого Её орлов существенности, важно-

¹⁶ Здесь «роза желаний» – Жизнь – дева с ножными браслетами, украшенными колокольчиками, мелодичный звон которых привлекает внимание.

сти -

Посланников в непознаваемое разумной Мысли.

Отождествляясь с ощущением и виденьем души,

Входя в её глубины, словно в некий дом,

650. Он стал всем тем, чем жизнь уже была и чем страстно

стремилась быть,

Он думал мыслями её и шел её шагами,

Смотрел на всё её глазами и жил её дыханием -

Ведь, только так он мог узнать секрет её души.

Свидетель, покоренный окружением своим,

655. Он восхитился её игрой и пышностью её роскошного

фасада,

И чудесами её тонкого и сочного искусства

И трепет испытал перед настойчивостью зова;

Объятый страстью, на самом себе он также испытал все

чары её могущества,

Почувствовал возложенную на него её внезапную таин-

ственную волю

660. И её руки, что своим неистовым нажимом судьбу

формировали,

Её прикосновение, что направляет, и её силы, что овладе-

вают и ведут.

Увидел также он и душу, которая тоскует у неё внутри,

И её поиски напрасные, которые хватаются за ускользаю-

щую истину,

Её надежды и взгляд унылый их, повенчанный с отчаяни-

ем,

665. Горячий пыл, что овладел всем телом её страстным,
Тревогу и восторг её томящейся груди,

И разум, который недоволен плодами этими и трудится
усиленно,

И сердце, не пленившее Возлюбленного своего един-
ственного.

Он, без сомнений, встретил в этом мире завуалированную
ищущую Силу,

670. В изгнании Богиню, которая здесь строит подобие
небес,

Загадочного Сфинкса с глазами, обращенными к невиди-
мому Солнцу.

Во всех Её обличьях он ясно ощутил стоящий рядом дух:
Его пассивное присутствие являлось сильной стороной Её
природы;

Лишь Он единственный реален в мире явленном,

675. Дух есть ключ жизни даже на земле,

Но от него и следа на себе весь плотный внешний мир не
видит.

Его печать на действиях Её никак не обнаружить.

Пафос утраченных высот – его воззвание к нам.

Лишь иногда ухватываем мы его неясные черты,

680. Которые намеком кажутся на скрытую реальность.

Жизнь с изумлением смотрела на его туманные начала,

Что предлагали нечто невозможное для глаз людских,
Историю, которая была здесь не написана ещё.

Как это бывает с замыслом утраченным наполовину,
фрагментарным,

685. Все смыслы Жизни ускользнули от глаза ищущего.

От взгляда этого обличье Жизни скрывает «я» реальное
своё;

Её сокрытый смысл прописан свыше, внутри Её самой.

Та мысль, что придает Ей смысл, живет в далеком далеке;

Она не видима в произведении, законченном наполовину.

690. Напрасно мы пытаемся прочесть загадочные знаки

Или найти то слово вещее наполовину неразгаданной ша-
рады.

Лишь в этой бóльшей жизни таинственная мысль найдена

Она дает в подсказку нам то разъясняющее слово,

Которое земной миф делает историей понятной.

695. Открылось что-то, наконец, что выглядело истиной.

В наполовину освещенной атмосфере рискованной тайны

Тот глаз, что видит в темноте лишь половину истины,

Какой-то образ различил посередине яркого пятна,

И, всматриваясь сквозь туман оттенков тонких,

700. Увидел он полуслепую скованную бога,

Который был озадачен миром, в котором действовал,

Однако ощущал свет некий, что душу побуждал его к дви-
жению.

Плененный странными далекими мерцаньями,
Ведомый звуком флейты Музыканта отдаленного,
705. Отыскивал он путь свой среди насмешек и призывов

жизни

По указателю предметному хаоса её бесчисленных шагов
К какой-то всеобъемлющей глубокой бесконечности.

Лес её знаков теснился вокруг него:

Рискуя, он расшифровывал скачками-стрелами мышления,
710. Которые догадкой или счастливою удачей поражают

цель,
Её цветные, меняющиеся раз за разом дорожные огни

идеи,
Её сигналы от быстрых и изменчивых событий,
Тайные знаки её зрелищ символических,

И межевые вехи на дорогах Времени запутанных.
715. И в этой путанице её сближений и отступлений

В любую сторону она то тянет его к себе, то отвергает,
Но, даже притянув вплотную, она уходит от его объятий;
Она ведет его по всем дорогам, но нет там ни одной бесспорной.

Плененный многоголосым чудом её пения,

720. Прельщённый колдовством её причуд

И побуждаемый прикосновением её случайным с радостью и горем,

Он в ней себя теряет, но не побеждает.

Ему её глазами улыбается недолговечный рай:

Мечтает он, что красота её навечно станет принадлежать

ему,

725. Мечтает он, что мастерство его претерпит все её ору-

дия,

Мечтает он о волшебстве её груди блаженства.

И светлый манускрипт её причудливого перевода

Без всякого сомненья подлинного текста Бога

Ему поможет изучить чудесное Писание святое

730. И обрести священный ключ к неведомым блажен-

ствам.

Но Слово Жизни скрыто в этом манускрипте,

Песнь Жизни утеряла здесь его божественную музыку.

Невидимый, плененный в доме этого звучания,

Потерянный в сверкании видений, дух

735. Прослушивает оду тысячеголового обмана чувств –

иллюзии.

Искусное переплетение волшебства, которое овладевает незаметно сердцем,

Или воспламеняющая магия, которая подкрашивает звуки и оттенки,

(Они всего лишь пробуждают трепет скоротечной благодати)

Или бродячий марш, отстуканный скитальцем Временем -

740. Всё это призывает лишь к неудовлетворенному и

краткому восторгу

Или купает в упоении ума и чувств,
Но упускает ответ души, свет проливающий на это.
Невидимый стук сердца, который передает восторг сквозь
слезы,

Стремление к высотам, вовеки недостижимым,
745. Желанья неосуществленного экстаз -
Отслеживают в небо устремленные, последние восхожде-
нья гласа Жизни.

Последние воспоминания о страданиях оставили
След уходящий, сладкий о печали старой:
В жемчужины алмазной боли все Её слезы обратились,
750. А Её скорбь – в магическое завершенье песни.
Кратки Её мгновения счастья, которые касаются
Поверхностных явлений, а после ускользают или умира-
ют:

В Её глубинах эхом повторяется воспоминание утерянное
-

Принадлежат Ей и бессмертное и страстное стремление,
и зов сокрытый «я»;

755. Пленник земной в том ограниченном и смертном ми-
ре -

Дух, жизнью раненый, рыдает на Её груди;
Хранящееся в памяти страдание – Её глубинный крик.
Скиталец по заброшенным, отчаянным дорогам -
По тем дорогам шумным, где глас разочарованный отбро-
шен, -

760. Взывает к позабытому блаженству.

Блуждая по Желания кавернам, оглашенным эхом,
Он караулит призраки безжизненных надежд души
И сохраняет голоса исчезнувших реалий живыми
Иль медлит среди сладких и заблудших нот,

765. Охотясь за наслажденьем в сердце боли.

Пророческая длань уже коснулась струн космических,
И потревоженной мелодии вторжение

Кладет оттенок скрытый на внутреннюю музыку,
Которая неслышно направляет поверхностные ритмы.

770. И всё же есть радость жить, творить, и можно,

Радуюсь, любить, трудиться, невзирая на паденья,

Искать, хотя всё то, что мы находим, обманывает нас,

И всё, на что мы опираемся, подводит нашу веру;

Однако что-то в глубинах этих заслуживало боли -

775. Подверженная страсти память часто бывает в огне
экстаза.

Именно горе лежит в корнях у радости, ибо

Нет ничего по-настоящему напрасного из сотворенного

Единым:

В сердцах наших разбитых всегда живую остается сила
Бога,

И путь безумный наш всё ещё освещает звезда победы,

780. И наша смерть нам открывает доступ в новые миры.

Музыка Жизни этой приобретает звучание гимна.

Она всё наделяет красотой звучания своего;

Восторги неба шепчут Её сердцу и проходят сквозь него,
Все преходящие стремления Земли взывают Её губами и
увядают.

785. Лишь только Богом данный гимн уходит от мастерства Её,

Которое пришло с Ней из Её духовного жилища,
Но встало на полпути и претерпело неудачу – тихое слово
гимна,

Что пробудилось в глубоком перерыве ожидающих миров
Каким-то шепотом, повисшим среди молчания вечности.

790. Но нет ни дуновенья из небесного покоя:
Вот, интерлюдия роскошная овладевает атмосферой,
И сердце слушает, и соглашается душа,
А интерлюдия воспроизводит непродолжительную музыку,
Ку,

Растрачивая вечность Времени на мимолётность.

795. Тремоло голосов часов идущих
В своем забвении скрывает высокого предназначения те-
му,

Которую дух самовоплотившегося «я» пришел сыграть
На грандиозных клавикордах Природы Силы.

Только могучее журчание и здесь, и там

800. Вечного Слова, Голоса блаженного
Или прикосновенье Красоты, преобразующей сердце и ра-
зум,

Сверканье странствия и зов мистический – они

Взывают к силе, сладости, которых более не слышно.

Здесь есть провал, здесь жизненная сила тормозится или угасает;

805. Сей недостаток обедняет мастерство волшебника:

Потребность эта всё остальное выставляет слабым и пустым.

Взгляд половинчатый рисует перспективу действий силы:

Глубины её помнят, для чего она пришла сюда,

Но ум уже забыл, иль, может, сердце ошибается, -

810. В бесчисленных рядах Природы потерян Бог.

В познании обрести Всезнание,

Деяньями воздвигнуть Всемогущего,

Здесь сотворить Творца и на космическую сцену вторгнуться -

Таким было тщеславное желанье сердца Силы жизни.

815. Трудясь без усталости, чтоб превратить ещё далекий Абсолют

Во всё осуществляющее явленье Бога,

В прямое выражение Невыразимого,

Она хотела принести сюда блаженство силы Абсолюта,

Внести устойчивость в ритмичное движение творения

820. И обручить с небом покоя море блаженства.

Чтоб вечности огонь призвать во Время,

И сделать восторг телесный таким же ярким, как восторг души,

Она желала Землю поднять до уровня Небес

И с упоением трудилась, чтобы сравнять жизнь с Вседержителем,

825. А Вечность и первозданный Хаос примирить.

Практичность запредельной Истины её

Наполнила безмолвие призывами богов,

Но в зовах этих потерялся Глас Единого.

Ведь, за деяньями Природы таится её виденье.

830. Она взирает в небеса – на жизнь богов,

И полубог, который появляется из обезьяны,

Есть всё, на что она способна в нашей смертной жизни.

Наполовину бог, титан наполовину – её вершина:

Жизнь эта бóльшая трепещет между небом и землею.

835. Мучительный и острый парадокс преследует её меч-

ты:

Её сокрытая энергия невежественный мир склоняет так,

Чтобы искать то удовольствие, которое отводит её могучая рука, -

В её объятиях мир этот не может повернуться к своему источнику.

Огромна мощь её, и беспредельна обширная энергия её деяний,

840. Но где-то заблудился и потерялся их смысл.

И хоть она несёт в своей душе сокрытой закон божественный

И линию движения всего, что родилось здесь,

Всё знание её нам предстаёт частичным и незначительным намеренье;

Роскошные часы её отстукивают время на почве страстного желания.

845. Свинцовое Неведение отягощает крылья Мысли,
Её энергия нарядами такими придавливает существо,
Её деяния в темницу заключают бессмертный взгляд.
Чувство границы преследует её способности,
И удовлетворенность, и покой нигде не гарантированы
здесь,

850. Ибо всей красоте и глубине её работы
Недостает той мудрости, которая свободу духу придает.
Поблекшее и старое очарование стало сейчас её лицом,
И Ашвапати пресытился курьезной и слишком скорой её
ученостью;

Его широкая душа потребовала более глубокой радости.

855. Он попытался выбраться из нитей её искусных;
Но ни ворот красивых из рога или из слоновой кости,
Ни двери боковой в пределах видимости духа он не нашел

Выхода не было из сказочного этого пространства.

Сквозь Времена должно скитаться вечно наше существо;

860. Не помогает нам и Смерть, надежды нет всё это прекратить;

Таинственная Воля принуждает нас терпеть.

Упокоение нашей жизни – в Бесконечьи;

Она не может прекратиться, её конец – Жизнь высшая.

Смерть – переход, – совсем не цель на нашем жизненном

пути:

865. Глубокий древний импульс свою работу продолжает,

Влекутся наши души как будто на незримом поводке,

Несут их от рождения к рождению, от мира к миру;

После паденья тела наши деяния продлевают

Без перерыва тот вечный путь, что пройден нами.

870. У Времени нет той вершины тихой, где оно может

отдохнуть.

Некий магический ручей жил-был, но моря не достиг.

И как бы далеко он ни ушел, куда б ни поворачивал,

Деяний колесо катилось вместе с ним и в то же время его

опережало;

Всегда решать необходимо было дальнейшую задачу.

875. Ритм действия, зов поиска

Рос вечно в этом беспокойном мире;

Трудолюбивый рокот сердце Времени наполнил -

Были и выдумки, и суета напрасная.

Сотни дорог для жизни были выбраны впустую:

880. Однообразие, которое надело на себя тысячу разных

форм,

Стараясь избежать своей излишней монотонности,

Создало нечто новое, которое таким же старым вскоре

стало.

Курьезность декораций соблазнила взгляд,

А неизведанные ценности очистили от пыли старые основы,

885. Чтоб разум обмануть идеей изменения.

Картина непохожая, которая была по сути той же самой,
Возникла на космическом туманном фоне.

Совсем другой, подобный лабиринту, дом
Созданий и деяний их, явлений важных,

890. Город обмена несвободных душ,

Рынок творения и всяческих товаров Жизни

Предложен был взволнованному сердцу и уму.

Вперед ведущий, вечный марш

Прогресса по неведомой дороге совершенства

895. Дублирует круговорот, кончающийся там, где он когда-то начинался.

Каждый финальный замысел приводит к продолжению проекта.

Но всё же каждый новый такой уход последним кажется,

Священную благою вестью, предельною вершиной взгляда,

Провозглашающего панацею от всех болезней Времени

900. Или несущего мысль философскую в свой высший окончательный полет

И возвещающего громко о высочайшем сделанном открытии;

Каждая краткая идея, структура брэнная

Провозглашает там бессмертие такого принципа

И право свое законное быть совершенной сутью мира,
905. Последним олицетворением истины и золотым наря-
дом Времени.

Но ничего из бесконечных ценностей достигнуто пока что
не было:

Мир, вечно снова создаваемый и никогда не совершен-
ный,

Всегда нагромождал попытки половинчатые друг на друга
И видел любой фрагмент извечным Целым.

910. В бесцельной возрастающей всё время сумме сотво-
рённого

Существование казалось пустым деянием необходимости,
Борьбой упорной вечных противоположностей
В сжимающем объятьи тесно сомкнутых антагонизмов,
Игрою без развязки или какой-нибудь идеи,

915. Маршем голодных жизней без всякой цели

Или написанной на чистой ученической доске Простран-
ства

Периодической, напрасной, конечной целью неких душ,
Надеждой неудавшейся и светом, не сиявшим никогда,
Трудом незавершённым Силы,

920. Привязанной к своим деяниям в туманной вечности.

Но нет конца, и ничего пока ещё нельзя увидеть: жизнь,
Хоть и потерпевшая крушение, должна бороться за суще-
ствование;

Она всё время видит некую корону, которую не может

ухватить;

Её глаза свой устремляют взгляд вне состояния её падения.

925. В её груди, и в наших тоже, еще трепещет

Тот триумф, который был когда-то, и тот, которого, уж, боле нет,

Иль из какой-то неосуществленной запредельности вызывает к нам

Величие, ещё пока не достижимое для этого хромающего мира.

В той памяти, что вне нашего смертного рассудка,

930. Настойчиво хранится некая мечта о большей и счастливой атмосфере,

Благоухающей свободными сердцами любви и радости,

Нами забытыми, бессмертными во Времени утраченном.

Призрак блаженства преследует терзаемые им глубины жизни;

Ибо она ещё не забывает, хотя всё это сейчас и далеко,

935. То её царство золотой свободы и яркого желания

И счастье, силу, красоту, что ей принадлежали

В той сладости её светящегося рая,

В царстве бессмертного экстаза,

На полпути между безмолвным Богом и первозданной Бездной.

940. Сокрытым внутри самих себя храним мы это знание;

И пробудившись от призыва туманной тайны,

Встречаем мы глубокую незримую Реальность,
Которая правдивее намного, чем облик мира настоящей
истины:

Нас гонит «я», которое мы отозвать сейчас не можем,
945. И движет нами Дух, которым мы должны ещё ко-
гда-то стать.

Как тот, кто царство собственной души утратил,
Мы вспоминаем некую божественную сторону рожденья
нашего,

Совсем иную, чем у того несовершенного творения зем-
ного,

И в этом мире или в более божественном надеемся
950. Отвоевать у терпеливой небесной стражи всё то,
Что упустили мы из-за забывчивости нашего ума,
Естественного счастья собственного существа,
Восторга сердца нашего, который мы получили в обмен
на горе,

Телесной дрожи, которую мы выменяли за простую боль,
955. Блаженства, к которому стремится наша смертная
природа,

Как незаметный мотылек стремится к полыхающему све-
ту.

Жизнь наша – марш к победе, никогда нами не выигран-
ной.

Эта волна подъема существа, желающего наслажденья,
Это смятение острое неудовлетворенных сил,

960. Эти далекие массивы вперед стремящихся надежд
вздывают взгляд

Обожествляющий, к той синей Пустоте, которую зовут все
небом,

Взыскав Длань златую, которая не приходила никогда,
Ища пришествие её, которого творенья все так ждут, -
Тот Вечности прекрасный Лик,

965. Который обещает появиться на дорогах Времени.
Ведь, всё ещё самим себе мы говорим, вновь разжигая ве-
ру:

«Конечно же, однажды Он придет, откликнувшись на наш
призыв,

Однажды нашу жизнь создаст Он заново
И скажет нам магический рецепт покоя,

970. И в совершенство приведет систему всяких дел.

Однажды низойдет Он в нашу жизнь, на землю,
Передавая нам в руки таинство дорог извечных,
В мир низойдет, зывающий о помощи к нему,

И принесет ту истину, что сделает свободным дух,

975. И радость, которая является крещением души,

И силу, что является Любви руками распростертыми.

Однажды снимет Он свою вуаль, которая скрывает красо-
ту, внушающую ужас,

На бьющееся сердце мира восторг опустит

И обнажит своё таинственное тело света и блаженства».

980. Сейчас же мы стремимся достичь неведомой нам це-

ли:

Нет завершения рождения и поиска,

Нет завершения для умирания очередного и возвращения
в мир этот;

Та жизнь, которая осуществляет свою цель, просит о цели
более высокой,

Та жизнь, которая теряет силу и умирает, должна жить
снова;

985. Она не может прекратиться, пока однажды не найдет
себя.

Всё то, ради чего создали жизнь и смерть, должно быть
сделано.

Но кто нам скажет, что после этой жизни существует от-
дых?

Быть может, покой и действие неотличимы

В груди непостижимой высочайшего блаженства Бога.

990. В высоком состоянии, в котором неведенья не суще-
ствует,

Движеньё каждое является волной покоя и блаженства,

Упокоением творческой недвижимой силы Бога,

Деянием некой ряби в Бесконечьи,

Рождением телодвиженья Вечности.

995. Преображенья солнце однажды может воссиять,

А Ночь может раскрыть свое ядро таинственного света;

При этом парадокс стирания и пораженья самого себя

Имеет право превратиться в самоизлучающее таинство,

Полиритмия – в радостное чудо.

1000. Тогда Бог мог бы стать здесь зримым и облик обрести;

Открылась бы и идентичность духа,

И Жизнь явила бы свой истинный бессмертный лик.

Ну, а сейчас Её судьба – бессрочный труд:

В повторной дробе всех его событий

1005. Рождение и смерть являются безостановочными точками повтора;

По-прежнему, вопроса знак стоит в конце любой законченной страницы

Каждого тома Её истории борьбы.

Хромое Да, как прежде, сквозь эпохи путешествует,

Сопровожаемое вечным Нет.

1010. Всё кажется напрасным, однако бесконечность эта является игрой.

Бесстрастно вертится катящееся вечно Колесо,

Жизнь не имеет результата, смерть не несет освобождения.

Людское существо живет как узник самого себя,

Храня в себе своё напрасное бессмертие;

1015. И в прекращении – единственном его высвобождении – ему отказано.

Богов ошибка создала этот мир.

Иль безразличный Вечный выжидает Время.

Конец Песни шестой

Песнь седьмая

НИСХОЖДЕНИЕ В НОЧЬ

Чтоб лучше познавать мир окружающий, невозмутимым
сделал

Ашвапати свой разум и от привычек жизненных освободил,
А сердце отделил от слепоты и боли, от уз невежества и
власти слез

И стал искать серьезную причину несостоятельности мира
этого.

5. От лика зримого Природы он отвернулся,

И взор свой устремил в Простор незримый,

В огромное неведомое Бесконечье,

Которое спит безмятежно за суетою мира сущего

И в шири своей всевечной несет ту самую вселенную,

10. В которой наши жизни являются лишь рябью существа

Его.

Там все миры построены Его дыханием несознательным,

Материя и Разум – Его обличья или Его силы,

А мысли те, что пробуждаются у нас, – продукт Его видений.

Разорван был покров, скрывающий глубины сокровенные

Природы,

15. Источник стойкой боли мира увидел Ашвапати,

Вход в яму черную Неведенья;

Хранимое в основах жизни зло

Подняло голову свою и посмотрело в его глаза.

На мрачной насыпи, где умирает личное Пространство,

20. Следя с застывшей кромки за всем, что существует,

Проснувшееся темное Незнание, взирая с удивлением

Пустыми, широко открытыми глазами на Время и Обли-

чье,

Уставилось на эти изобретения живого Вакуума

И Бездну, откуда возродились начала наши.

25. А позади Неё возникла серая резная маска Ночи, ко-

торая

Всенепременно наблюдает за рождением всего, что в мире сотворено.

Могущество сокрытое, что ощущает собственную силу,

Туманное и тайное Присутствие повсюду,

Упрямая Судьба, что угрожает всем созданиям,

30. И Смерть, которую считают Жизни темным семенем,

Казалось, порождали, а после умерщвляли весь этот мир.

Затем из мрачной тайны бездн -

Из этой ввалившейся груди ужасной Маски -

Вперед выползло нечто, что оказалось бесформенною

Мыслью.

35. Ко всем творениям подкралось Влияние роковое,

Чьё смертоносное касание преследовало дух бессмертный;

Этот навязчивый перст смерти возложен был на жизнь,
И болью, и ошибками, и мраком, и страданием покрыл он
Врожденное стремление души к блаженству, истине и свету.

40. Такое искажение свернуло то, что быть претендовало
особым поворотом

Существа и становлением Природы истинным водителем.

Ум, сущность извращающий, работая

В любом укромном уголке осознающей жизни,

Стереотипами её же собственными исказил Истину;

45. Тюремщик мыслей, напрямую слушающий душу

И сокрушающий оттенками сомненья знание, -

Он предсказания богов оккультных захватил,

Стёр указатели паломничества Жизни

И отменил краугольные эдикты, что были высечены Временем,

50. А на фундаменте вселенского Закона

Воздвиг опору бронзовую ошибочного руководства.

Даже Любовь и Свет, что были чарами угрозы скрытой

Заявлены не от блистательной божественной природы,

А от каких-то падших ангелов и солнц обманчивых,

55. Сами собою превратились в некую опасность и колдовство,

В сладость порочную и злонамеренное порождение небес:

Такая сила в состоянии деформировать и самые божественные действия.

Ветер печали дохнул на этот мир;

Любая мысль была блокирована ложью, любое дело

60. Было проштамповано изъяном со знаком разочарования,

А всякая высокая попытка – неудачей или тщетой успеха;

Однако же причину своего падения никто понять не мог.

Та Маска сумрачная прошептала что-то, хотя не слышно было ничего,

Но всё ж в несведущее сердце было посеяно то семя,

65. Которое ужасные плоды страдания и смерть, и беды в жизнь принесло.

Из неприветливых степей холодного Незримого

Невидимые, скрытые под серой маской Ночи,

Прибыли призрачные грозные посланники -

Захватчики из мира силы смертоносного,

70. Послы зла абсолютного.

В тиши раздались голоса невнятные,

Невидимые руки посеяли зерно фатальное,

Их формы не видно было, однако страшная работа была сделана, -

Указ суровый, написанный изогнутым округлым шрифтом,

75. Закон греха и злой судьбы на мир сей наложил.

Изменчивым унылым взглядом на Ашвапати посмотрела

жизнь:

Увидел он и красоту её, и сердце, жаждущее в сущем,
Которое довольствуется счастьем крохотным
И отвечает лучам недолгим истины или любви;

80. Увидел он свет солнечный её и небо голубое вдалеке,
И зелень её листвы и ощутил оттенки и аромат цветов,
И обаяние детей, любовь друзей,
И женщин красоту, и добрые сердца мужчин,
Увидел также он и Силы грозные, что управляют настро-
ениями её,

85. И те мучения, расставленные ею по её дорогам,
Судьбу, что поджидает незримые деяния людей,
И зло, и горе, и смерть – последний дар её.

Дыхание разочарованья и упадка, разлагающее человека,
Здесь поджидало зрелость Жизни. Оно и превратило

90. Полноценное зерно души в труху гнилую:
Поставщиком для смерти стал прогресс.

Мир, что держался за закон сраженной смертью Искры
И холил гниlostные трупы мертвых истин, провозгласил
Все извращенные обличья истинными, новыми, свобод-
ными,

95. Отведал прелестей от зла и безобразия,
Воображающих себя гостями на пиршестве богов,
Попробовал и порчу, как острую приправу к пище.
Тьма поселилась в той тяжелой атмосфере;
Она прогнала яркую улыбку с губ Природы

100. И полностью убила в её сердце прирожденную уверенность,

Кривой взгляд страха в её глаза вложила.

То вожделение, что искажает естественное благо духа,
Сменило на искусственную добродетель и безнравствен-

ность

Открытый и спонтанный порыв души:

105. Природу огорчая ложью двойственности,

Эти двойные ценности запретную пикантность разбудили,

Зло сделав освобождением от ложного добра,

Грехом и праведностью откормилось эго,

И каждый стал там инструментом Ада.

110. На пустырях, где жизнь нисходит в Ночь,

Вдоль монотонного пути в отвергнутых нагромождениях

Были погребены простые прежние улады.

Всю славу жизни затуманили и опорочили сомнением;

Вся её прелесть завершилась стареющим лицом;

115. Вся сила подогнана была под тиранию, проклятую

Богом,

А Истина – под фикцию, необходимую уму:

Охота за удачей была теперь усталою погоней;

Всё знание было обставлено сомнениями Невежества.

Увидел Ашвапати, как из сумрачного чрева этого

120. Возникли лик и тело темного Незримого,

Сокрытого за яркой внешней стороною жизни.

Опасное общенье с ним – причина нашего страдания.

Его дыхание – коварный яд в сердцах людей;

Всё зло берет своё начало с этого двусмысленного лика.

125. Опасность пропитала тотчас этот обычный воздух;

Мир этот наполнился Энергиями грозными,

Куда б ни обратил он взгляд за помощью или надеждой,

Везде: в домах, в полях, на улице, на рынке, в лагерях,

Он видел лишь брожение тайное и здесь, и там

130. Влияний воплощенных беспокойных длинноруких.

Марш обнаженных образов богини черной

Встревожил воздух грандиозным беспокойством;

Ужасные шаги приблизились, по сути, незаметно,

Пугающие образы заполонили свет виденья,

135. И мимо по дороге прошли те существа зловещие,

Чей даже взгляд бедою был:

Очарование и сладость, внезапные и странные,

Возникшие из ниоткуда лица, пленяющие глаза и губы,

Приблизились к нему под руку с красотою в качестве ло-

вушки,

140. И каждой своей чертой они скрывали смысл смерто-

носный,

Ибо могли в мгновение ока опасно измениться.

Лишь он один увидел эту скрытую атаку.

Покрылось пеленою внутреннее видение,

Присутствовала сила там, которая скрывала свои ужасные

шаги;

145. Всё было ложным там, хотя считало себя истинным;
Всё было там осаждено, но об осаде не подозревало,
Ибо увидеть творцов падения никто не мог.

Осознавая мудрость темную, ещё держащуюся в тайне от
него,

Которая была гарантом и печатью силы этой,

150. Он шёл по следу трудноразличимому шагов каких-то
жутких,

По следу, в ночь ведущему, туда, откуда этот след когда-то
вышел.

Ничейной, незастроенной земли достиг он:

Любой сюда войти мог, но никто надолго там не оставал-
ся.

Это было ничейное пространство злой атмосферы,

155. И не единого на нём жилища не было – соседство
было слишком близким

С мирской землей и адом, оно пространством было погра-
ничным между ними.

Властителем Природы была там Нереальность:

Здесь, в этом месте, истинным ничто быть не могло,

Поскольку было совсем не тем, чем быть претендовало -

160. Было роскошной видимостью, оберткой лицемерной
пустоты.

Однако, ничто не признавало здесь свой собственный об-

ман -

Даже сама та Нереальность, с её двуличным сердцем:
Обширная иллюзия была законом всех явлений в этом месте;

Они существовали здесь благодаря этой иллюзии.

165. В пространстве этом бестелесное Ничто дало гарантию

Фальшивости всех форм, которые Природа эта приняла и сделала,

Чтобы они, хотя б недолго, казались всем живыми, реально существующими.

Магия, взятая взаймы, добыла их из Пустоты;

Они себе присвоили и облик, и материал, которые им не принадлежали,

170. И цвет изобразили, который не могли иметь,

Отобразая лишь фантом реальности.

Любой блеск радужный был яркой ложью;

Роскошному лицу была подарена воображаемая красота.

Не сохранилось ничего, на что бы можно было положить-ся:

175. Радость питала слезы, добро испытывало зло,

Но никогда никто от зла не получал добра:

Любовь быстро кончалась ненавистью, блаженство убивалось болью,

И в вероломство превращалась Истина, а смерть рулила жизнью.

Та Сила, что смеялась над бедами этого мира, -
180. Насмешка, соединявшая противоречья
И бросившая их в объятия друг к другу, чтоб состязаться,

Кривила гримасу ужаса на лице Бога.

Её влиянье отчужденное воздействовало повсеместно
И оставляло на душе тот самый след раздвоенных копыт;

185. Изломанное сердце и странная унылая улыбка

Осмеивали жизнь в дурной комедии.

Оповещающая о пришествии опасной Формы,

Зловещая походка смягчала свои ужасные шаги,

Чтобы никто не мог понять происходящее или насторо-
житься;

190. Ничто неслышно было, пока чудовищная хватка не
оказывалась рядом.

Или, наоборот, всё говорило о божественном приходе,

Пророчество витало в атмосфере, небесная надежда

Воспринималась благою вестью, смотрелась новою звез-
дой.

Был виден Демон, облаченный в свет;

195. Казался ангелом с небес он, несущим помощь:

Неправду он вооружал Писанием Священным и Законом;

Обманывал он здравым смыслом, а душу – добродетель-
ной трясиной,

И вёл дорогой в «небеса» к гибели.

Он щедро раздавал всем ощущение силы и восторга,

200. И если изнутри вдруг возникало предостережение,
Он ухо утешал сладко звучащим голосом,
Или бросал ум очарованный в его же собственную запад-
ню;

Его безжалостная логика ложь представляла истиной.
Избранника ошеломляя благочестивой эрудицией,

205. Он изъяснялся тем самым гласом Бога.

Та атмосфера была напоена предательством и хитростью;
Речения об истине были уловкой здесь;

В улыбке пряталась засада, опасность прикрывалась
Безопасностью, входною дверью сделалось доверие:

210. С глазами правды, смеясь, пришла неправда;

Любой знакомец превращался во врага или шпиона здесь,
Рукопожатие таило в рукаве удар кинжала,

Объятие становилось клеткой железной Рока.

Опасность и страдания преследовали крадучись трепещу-
щую жертву

215. И мягко говорили как с робким другом:

Атака проводилась внезапно, бешено, невидимо;

При каждом изменении страх сердце заставлял усиленно
стучать,

Взывая страшным мученическим голосом;

Молил он о спасении, хотя никто не приходил.

220. Здесь все ходили очень осторожно, поскольку смерть
была поблизости;

Однако эта осторожность представлялась совсем напрас-

ной,

Ибо всё то, что всеми оберегалось, оказывалось в сетях смертельных,

А если после долгих ожиданий спасение приходило

И приносило радостную, утешающую, обезоруживающую силу,

225. Оно служило приятным переходом к судьбе гораздо худшей.

Ни передышки не было, ни места для отдыха надежного;

Никто не смел вздремнуть или на время руки опустить:

Это был мир сражений и сюрпризов всевозможных.

Любой, кто был там, жил только для самого себя;

230. Все воевали против всех, с единой ненавистью

Кидаясь на умы, искавшие каких-то высоких благ;

Изгнали истину, чтобы она не смела даже голос подавать

И ранить сердце тьмы своим сиянием,

Или чтоб не могла она нести свет знания и поносить

235. Ту неизменную анархию установившихся явлений здесь.

Затем картина изменилась, при этом сохраняя сущность страшную:

Меняя форму, жизнь осталась той же самой.

Пред Ашвапати простиралась некая столица без государства:

В ней не было правителя, лишь только конфликтующие

группы.

240. Увидел в ней он город древнего Неведенья,
Который был основан на земле, не ведающей Света.
Там каждый в темноте своей блуждал поодиночке:
Согласны были все там различаться лишь в направленьях

Зла,

Жить собственной, своей особой жизнью для самого себя

245. Или в жизнь претворять простую ложь, неправду;
Там повелителем на царском троне сидело Эго,
А рядом, в качестве супруги и царицы сидела Ложь:
Мир этот развернулся к ним, как Небо – к Истине и Богу.
Несправедливость утверждала здесь своими нерушими-

ми законами

250. Державные весы легализованной торговли самой
Ошибки¹⁷,

Но взвешивания все были фальшивыми и никогда не совпадали;

Она, с её весами и мечом, всегда следила,

Чтоб ни одно кощунственное слово сомнению не подвергло

Святые для неё догматы её плохого руководства.

255. Высокими делами хвастая, везде гуляло своеволие,
И шествовала эта вольность, болтая о порядке и правах:
Но алтаря, воздвигнутого в честь Свободы, там не было;

¹⁷ Здесь автор сравнивает Ошибку с Фемидой – богиней правосудия, держащей в своих руках весы и меч.

Свободу настоящую травили там и ненавидели,
Терпимость и гармонию нельзя было нигде увидеть, по-
скольку группа

260. Каждая провозглашала собственный зловещий
неприкрашенный закон.

Рамки учения любого раздувались при помощи библей-
ских правил,

Или теория, которую превозносили и которой страстно
поклонялись,

Сводом священного закона представлялась Небес боже-
ственных.

Формальный ритуал, в броню железную одетый,
265. Давал жестокому и грубому воинственному роду,
Наружу извлечённому из диких недр земли,
Суровую и гордую уравновешенность прямого благород-
ства,

Гражданскую позицию неумолимую и грозную.
Но все их личные дела опровергали эту позу:
270. Сила и выгода были их Истиной и Правом,
С орлиной жадностью они терзали вожаемое добро,
Раздалбливая клювами, когтями разрывая жертву посла-
бее.

В сладкой секретности грехов приятных
Они Природе подчинялись, а не добродетельному Богу.
275. Торговцы несознательные с комплексом противоре-
чий -

Они свершали то, за что других гонениям подвергли б;
Когда на слабости собрата смотрели их глаза,
В них загорался гнев, негодование пылало;
Не замечающие скрытых глубоко в себе проступков,
280. Подобно дикой своре, они камнями забивали соседа,
уличенного в грехе.

Свой прагматичный судия просовывал указы лживые и предлагал,

На справедливость некую ссылаясь, гораздо худшую
несправедливость,

Оправдывая даже худшие дела, санкционируя всю гамму
Коммерческих эгоистичных интересов и желаний.

285. Так сохранялось равновесие, так мог мир этот жить.
Пыл фанатичный проталкивал свои безжалостные куль-

ты,

Иная вера до крови бичевалась, как ересь;

Они допрашивали, пленяли и пытали, сжигали или мучи-
ли

И принуждали душу отказаться целиком от права или
умереть.

290. Религия сидела здесь на троне, запятнанном крова-
выми делами,

Среди своих течений конфликтующих и сект, враждую-
щих друг с другом.

Здесь сотни тираний и притесняли, и убивали,
Основывая свое единство на силе и обмане.

Лишь видимость по-настоящему ценилась там:

295. Циничною насмешкой был идеал;

Освищенный толпою, осмеянный умами просвещенными,
Скитался отлученным там духовный поиск -

Самообманной паутиной дум мечтателя считался он

Или безумною химерой, или фальшивкой лицемера:

300. Инстинкт его врожденный, страстный, пропущенный
сквозь темные умы,
Потерян был в кругах Неведенья.

Ложное слово было там истиной, а истинное слово – ложью.

Здесь путешественник по той Дороге, что ввысь ведет -

Поскольку царства Ада стоят вокруг маршрута этого -

305. Остановиться должен или пройти это опасное пространство медленно,

С великим Именем, с молитвой на устах.

И если интуиции копьем не будет он прощупывать округу,

То может легко попасть в сеть нескончаемую лжи.

Он должен всё время видеть, что происходит за своей спиной,

310. Как тот, кто ощущает дыхание врага на шее собственной;
Иначе может предательский удар подкравшегося сзади,

Повергнуть его на землю грешную и пригвоздить к ней накрепко,

Насквозь пронзая спину Зла острым колом.

Так на дороге Вечности любой пасть может,

315. Утрачивая шанс единственный во Времени, полученный от духа,

И никакую новость ожидающие боги об этом не получат,

Отметив имя в реестре душ «пропащим» -

В том самом указателе несбывшихся надежд,

На месте с надписью «умершая, хранящаяся в памяти судьба».

320. Спасутся только те, кто Бога в своем сердце сохранил:

Отвага – их броня, а вера – меч, им нужно только идти вперед,

Их руки должны готовы быть к сражению, глаза – искать;

Бросая дротик взгляда пред собой,

Спасутся лишь солдаты и герои войска Света.

325. Ужасную опасность оставив позади,

Свободные теперь, в спокойной чистой атмосфере

Они, в конце концов, осмелятся дышать свободно и снова улыбаться.

Они передвигаться будут под настоящим солнцем снова.

Хоть Ад о своем праве и заявляет, дух силой большей обладает.

330. Ничейную ту землю прошел без приключений Ашвапати, без борьбы;

Он послан Небесами был, его желала Бездна:

Никто ему не запрещал, никто не преграждал дорогу.
Ибо путь вниз и быстр, и легок,
И в Ночь было обращено его лицо сейчас.

335. Здесь жила темнота ещё чернее, и царство было еще хуже,

Если быть хуже может там, где всё есть зло и так предельное;

Однако зло проявленное было гораздо хуже зла сокрытого.

Здесь Истина и Бог, и Свет небесный
Иль не бывали никогда, иль не имели силы.

340. Как будто двигаясь в глубоком трансе,
Скользя в другой мир над гранью разума,
Он пересек границу, неприметный след которой
Не мог глаз различить, и лишь душа могла почувствовать.
В свирепое, вооруженное владение попал он:

345. Среди грязных стен и диких закоулков Ночи
Он ощутил себя блуждающей потерянной душой.
Вокруг него теснились серые убогие лачуги,
Граничащие с пышными дворцами извращенной Силы -
Бесчеловечные жилища, районы, населенные одними демонами.

350. Там гордость была объята убогим злом,
А нищета, преследуя величие, теснила серые
Ужасные окраины всех городов той некой жизненной меч-

ты.

Там Жизнь продемонстрировала зрителю-душе
Зловещие глубины удивительного чуда:

355. Богиня сильная, но падшая и темная, и потерявшая
надежду,

Обезображенная страшным волшебством Горгоны,
Могучая царица шлюх в притоне грязном,
Бесстыжая и голая, ликуя, подняла
Своё порочное лицо опасной красоты и обаяния страш-
ного,

360. И вызывая панику и дрожь, притягивая к поцелую
Во впадинку своей великолепной и губительной груди,
Прельщала этой пропастью, призвав к падению духа.
Прельщала этой пропастью, призвав к падению духа.
Сквозь поле видения его прокручивала богиня эта,
Как в киноленте или на картинках движущихся,

365. Великолепие её кошмарных пышных прелестей.
На темном фоне мира, лишённого души,
Меж грозным светом и мрачной тенью
Она в жизнь воплотила драму горя бездн,
Записанную намертво в кричащих нервах живых созда-
ний:

370. Эпосы ужаса, зловещего величия, кривые изваяния,
Оплёванные всеми и оцепеневшие в той жизненной грязи,
Избыток отвратительнейших форм, деяний страшных
Параличом разбили жалость в груди окаменевшей.
Здесь в шалашах греха, ночных убежищах порока

375. Модные низости телесной похоти
И грязные фантазии, что разъедают плоть,
В декоративное искусство превратили вожделье:

Здесь обращение Природы дара в испорченное ремесло
Увековечило посаженное семя смерти существующей,

380. Налило в кубок грязный вино вакхическое,
Отдало жезл бога какому-то сатиру.

Нечистые, садистские, с гримасами тупыми

Изобретенья отвратительные, низкие и мрачные

Пришли, передаваемые связью незаметной, из бездны Но-
чи.

385. Искусное умение жизни этой в чудовищных делах,
здесь существующих,

И нетерпимость её ко всякому естественному образу,

Чрезмерный жадный взгляд, прикованный к нескромным
линиям,

Карикатурой сделали окостенелую реальность.

Парады же искусные форм искаженных и причудливых,

390. Горгульи маски непристойные, ужасные

Истерзанное чувство растоптали до состояния мучитель-
ного.

Неумолимая поклонница зла здешнего,

Она великой низостью сделала и грязь возвысила;

Драконья мощь энергий подлых

395. И странные явления лебезящей Силы,

Змеиное величие, что прячется в отбросах,

К мерцанию слизи притянули поклонение.

Вся та Природа, изъятая из своего каркаса и своей основы,

Была искажена до неестественного состояния:

400. Там отвращенье возбуждало вялое желание;

Агония там стала пряною приправой для блаженства,

Работу вождельня поручили ненависти,

А пытка получила форму дружеских объятий;

Там ритуальное страданье освятило смерть,

405. А поклоненье предложили Небожественному.

Там воспрятье нового искусства Ада,

Которое учило разум любить всё то, что ненавидит его ду-

ша,

Нервам дрожащим навязало преданность,

Заставив нежелающие тело вибрировать в ответ.

410. При этой власти, грязью покрывающей суть суще-

ства,

Прекрасное-любое, не в меру сладкое, не в меру гармо-

ничное,

Лежало под запретом, а чувства сердца притупились сном,

И вместо них ценился трепет восприятий тела;

Мир изучался потоками приятных ощущений.

415. Холодный материальный интеллект был судиею

здесь,

И он нуждался в плети и осязаемой встряске,

Чтоб сухость жесткая и нервы неживые могли почувство-

вать

Страсть некую и силу, и жизни острый край.

Такая философия предсказывала право зла,

420. Гордилась проблесками вздора декаданса¹⁸

Иль наделяла речью убедительной Силу змеиную

И знанием своим вооружала первобытную жестокость.

Согнувшись от размышлений лишь о Материи и жизни,

Подобным зверю, стоящему на задних лапах, стал разум;

425. Чтоб раскопать там истину, он в яму влез

И осветил свой поиск неровным светом подсознания.

От грязи и гниющих тайн бездонной Пропasti

Наверх поднялись загрязняющие воздух пузыри:

Они и подтвердили достоверность реальной жизни.

430. Они и составляли основу той зловонной атмосферы.

Страсть зверя дикого прокралась из тайны Ночи,

Высматривая жертву обворожительными глазками:

Вблизи от Ашвапати, как пламя с языками гневными,

Стоял в ленивой позе и смеялся экстаз животный;

435. Желаньями неистовыми, грубыми наполнен воздух

был;

Сбиваясь в рой чудовищный и жаля,

С жужжанием пагубным врывались в его разум мысли, -

Они могли бы отравить небесное дыхание самой Природы

И с неохотой заставляя подниматься веки, они терзали

¹⁸ Декаданс – упадок, разложение – направление, воспевающее упадок, безнадёжность, закат человеческой цивилизации.

взгляд

440. Деяньями, что обнажают тайну Ада.

Всё то, что было там, существовало, именно, по этой схеме.

В краях тех обитало племя одержимых.

Здесь скрытая в людских глубинах сила демоническая,

Подъем которой пресекается законом человеческого сердца,

445. Страшащаяся тихого и независимого взгляда Мысли,

Способна при пожаре и землетрясении души

Подняться и, призывая ночь родную,

Свергнуть с престола разум, жизнь захватить

И пробежать копытами своими по сотрясаемой земле

Природы:

450. Всё это было ужасной сутью тех существ.

Мощнейшая энергия, бог-монстр,

Для сильного жестокий, для слабого непримиримый,

Взирал на созданный им мир, безжалостный и грубый,

Глазами каменными твердо установленного замысла.

455. В нём сердце было опьянено вином ужасной жажды,

В страданиях других он ощущал волнуящий восторг,

А в смерти и крушении он музыку напыщенную слышал.

Быть властелином, силой обладать было его единственное

благо:

Он требовал весь мир для места жизни Зла -

460. Ужасного авторитарного господства своей команды
Над горькою судьбою живых существ.

Всё было создано по замыслу единому и выверено
Под удушающим давлением злой темной диктатуры.

На улицах, в домах, в советах местных и дворах -

465. Везде здесь Ашвапати видел тех, кто выглядел жи-
выми существами.

Они в своих речах парили на крыльях высокой мысли,

Но приютили у себя всё то, что подло, недостойно чело-
века

И ниже уровня любой, какой угодно низменной рептилии.

Лишь разум тот, что близок к Богу

470. И поднят до уровня небес прикосновением к Нему,

Мог только осветить своим пророческим лучом

Чудовищность природы их врожденной.

Не раз бывало, всматриваясь в ситуации опасной

В знакомое лицо, которое он с радостью встречал

475. В надежде искренней найти в нём светлое начало,

Его предвидение, оповещенное внутренним взором духа,

Распознавало отличительную метку Ада на лице этом

Иль ощущало чувством внутренним, которое не может
ошибиться,

Во внешнем, мужественном, чистом облике

480. Вампира или черта, или демона.

Царили здесь надменность холодной бессердечной силы,

Послушной, мощной, одобряемой судом Титана,

И громогласный хохот нечеловеческой жестокости,
И радость лютая от злодеяний и насилий жутких.

485. В этом обширном циничном логове зверей разумных
Напрасно было ждать любви и жалости;

Прикосновенья добродушия там не было нигде,

Там были только Сила и ее прислужники – алчность и
ненависть:

Никто не помогал страдающим, никто их не спасал,

490. Никто не смел сопротивляться или просить о благо-
родстве.

Безоговорочно вооружившись поддержкой деспотичной
Силы,

Подписывая все без исключения указы этой ужасной вла-
сти,

А в качестве печати используя и кровь, и пытки,

Тьма эта провозгласила миру собственные лозунги.

495. Тупое рабское молчание утихомиривало разум.

Он только повторял заученные им уроки,

Пока, увенчанная митрой ложь, сжимающая посох пасты-
ря

Пред распростертыми вокруг неё сердцами, на трон сажала

Учения и культы, которые готовили приход лишь смерти

500. И умерщвляли душу на жертвеннике лжи.

Там каждый был обманут или служил обману собствен-
ному;

В той душевной атмосфере Истина жить не смогла б.
Убожество там верило в свой собственный успех,
А страх и слабость радовались своим глубинам жалким;
505. Основой было всё, что низко и отвратительно заду-
мано,

Всё было серым, бедным и ничтожным,
Дышало с вялым удовлетворением своей понятной им ат-
мосферой.

Не чувствуя стремления к освобождению божественному,

-
Высокомерные, с насмешками над состояниями высоки-
ми -

510. Все эти люди бездн с презрением относились к солн-
цу.

Огородив себя барьерами, такая автократия не допускала
свет;

С идеей неотступной быть своим серым «я», она провоз-
гласила

Собственный стандарт роскошным уникальным образ-
цом:

Она свой голод умиротворяла грезами грабителя;

515. Крест рабства гордо выставляя в качестве короны,

Она цеплялась за автономию зловещую и жесткую.

Её бычачья глотка ревела языком своим без всякого сты-
да;

Её бесстыжие, безжалостные крики, переполняющие про-

странство это,

И угрожающие всем, кто смел прислушиваться к истине,
520. В измученное ухо трубили о праве их исключитель-
ном;

Непротивление оглохших отдало свой голос им,

А веры этой символы хвастливые, кричавшие в ночи,

Для падшей той души, считавшейся когда-то богом,

Поддерживали эту упоённость тем самовластьем бездны.

525. Как одинокий первооткрыватель этих опасных
царств,

Оберегаемых от солнца также, как термиты оберегают
обиталища свои,

Подавленный, среди толпы и топота, и шума, и вспышек
тьмы,

Проследуя из мрака в более глубокий и опасный мрак,

Боролся Ашвапати с силами, что вырывают свет из разу-
ма,

530. И стряхивал с себя их липкие влияния.

Вошел тотчас он в мутное, лишенное оград, пространство.

Вот, все участки эти, населенные людьми, остались поза-
ди;

Он шел между далеких берегов слабеющего перед ночью
вечера.

Вокруг него возрастали изможденная духовная незавер-
шенность,

535. Грозная пустошь, губительное одиночество,
Что разум делали незащищенным от нападения незримо-
го,

Пустой страницей, на которой каждый, кто хотел, мог на-
чертать

Застывшие ужасные послания без всякого контроля.

Как пятнышко, блуждающее по ведущим вниз дорогам
Сумрака,

540. Среди полей пустынных и хижин, и разбросанных ла-
чуг,

Немногочисленных кривых и призрачных деревьев

Он ощутил сознательную пустоту и чувство смерти.

Но всё ещё невидимой была там Жизнь враждебная,

Чье равновесие, похожее на смерть, сопротивляясь истине
и свету,

545. Живое сделало унылой брешью в пустом ничто.

Здесь он услышал ужасающие голоса, что отреклись от
жизни;

Подвергшийся атаке мыслей, которые кишели призрач-
ными ордами,

Жертвой кричащих ярких фантомов тьмы

И подступающего со смертельной пастью страха,

550. Ведомый странной волей всё время вниз и вниз

И небом над посланьем роковой Судьбы,

Он приложил усилия, чтоб защитить свой дух от безыс-
ходности,

Но ощутил лишь ужас растущей Ночи

И Бездну, растущую пред ним, чтоб заявить права на его
душу.

555. Затем жилища тех созданий и разных видов их за-
кончились,

И одиночество окутало его своими кольцами беззвучны-
ми.

Внезапно всё пропало, как будто стерли мысль;

Дух Ашвапати стал незанятою слушающей бездной,

Лишенной даже умершей иллюзии окружья:

560. Не стало ничего, ни даже лика зла.

Он был наедине с серым питоном Ночи.

Невыразимое Ничто – немое, но сознательное, плотное,

Которое живым казалось, но не имело памяти и тела, -

Страстно желало уничтожить существо его,

565. Чтобы оно могло навечно оставаться нагим и одино-
ким.

Как будто попав в неосязаемые челюсти аморфной твари,

Всё существо его, охваченное чем-то вязким и уродли-
вым, и вождедеющим,

Притянутое к какой-то черной, гигантской пасти,

Глотающему зеву, брюху судьбы гигантскому,

570. Из собственного восприятия исчезло и было переме-
щено

В глубины, которые желали страстно этого падения.

Бесформенная пустота сдавила мозг сопротивляющийся,

А плоть была парализована холодной и жестокой тьмой,
От мрачных, нашептанных внушений заледенело сердце;
575. Змеиной силой вытащенная из теплого жилья,
Влекомая к исчезновению в холодной пустоте,
Жизнь пуповиной нервного дыхания вцепилась в свое место;

Мрачный язык затаскивал в пасть тело Ашвапати.

Зажатое существование напряглось, чтоб выжить;

580. Убитая надежда исчезла в его душе пустой,

Умерло всё, что помогает духу на его пути -

И вера, и уничтоженная память.

Сквозь каждый ноющий и возбужденный нерв,

Оставив за собой мучительный дрожащий след,

585. Прокрался безымянный невыразимый страх.

Как подступает море к жертве, связанной и неподвижной,

Так точно подступала к Ашвапати безжалостная вечность

Нечеловеческой, невыносимой боли:

Об этом приближеньи просигналил его всегда безмолвный разум.

590. Он должен это вытерпеть, хоть отделилась на небеса надежда;

Он должен существовать всегда без угасания в покое мертвом,

В страдающем неспешно Времени в терзаемом Пространстве,

В мучительном ничто вечного состояния его.

Безжизненная пустота была сейчас его питающею грудью,
595. А там, где некогда была сверкающая мысль,
Остались лишь неспособность ощутить и веру, и надежду,
Похожая на бледный, неподвижный призрак,
И страшное признание того, что ныне душа повержена -
Она еще бессмертна, но потеряла и божественность свою,
600. И «Я», и Бога, и те прикосновение миров, которые
счастливей этого.

Но он всё претерпел, утихомирил напрасный ужас и вынес
Все удушающие кольца страдания и страха;
Затем вернулось и спокойствие, и полновластный взгляд
души.

Пустому ужасу ответил спокойный Свет:
605. В нём Божество проснулось могучее, безмолвное,
Неумирающее, непреложное и не рожденное
И встретило лицом к лицу боль и опасность мира Приро-
ды этой.

Мельком взглянув на них, он подчинил себе все эти отго-
лоски

И встретил обнаженным духом сей неприкрытый Ад.

Конец Песни седьмой

Песнь восьмая

МИР ЛЖИ, МАТЬ ЗЛА И СЫНОВЬЯ ТЬМЫ

Тогда увидел Ашвапати скрытое сердце Ночи:

Работа подсознания окостеневшего Её

Явила нескончаемую страшную Бессмысленность.

Здесь было Бесконечье, содержания лишённое, бездушное;

5. Природа, отрицающая Истину,

С хвастливой и поверхностной свободой мысли

Хотела в этом мире отменить власть Бога и царствовать

одна.

Здесь не было ни Гостя божьего, ни Света души-свидетеля;

Природа создала собственный унылый мир беспомощным.

10. Её большие, но незрячие глаза присматривали за делами демонов,

Её глухие уши слушали неправду, которую произносили её немые губы;

Её огромное и ложное воображение вбирало образы обширные,

При этом глупая её чувствительность дрожала от жестокого тщеславия;

Животный принцип жизни внедряя здесь,

15. Зло и страдание чудовищную душу породили.

Бунтовщики бесформенных глубин, родившиеся здесь,

И титанические сущности, и демонические силы,

Все это мира, терзаемые мыслью, страстной волей, вождением,

Широкие умы и жизни, не имеющие духа внутри себя -

20. Все эти архитекторы жилища заблуждения,

Вожди вселенского невежества и беспорядка

И устроители страдания и смерти

Идеи мрачные глубокой Бездны воплотили.

Неясная субстанция спустилась в пустоту,

25. И в этой неразумной пустоте родились формы смутные, туманные.

Туманностей водовороты сошлись и создали враждебное Пространство,

В чьих черных складках Ад был представлен через Бытие.

Взгляд Ашвапати, пронзая тьму трехслойную,

Отождествил свой взор с незрячим взором этой тьмы,

30. И адаптируясь к той странной тьме, его глаза увидели

Как Нереальность сделала ту Ночь реальной и сознательной.

Неистовый, жестокий, грозный мир -

Утроба древняя грёз гибельных гигантских -

Свернулся, как личинка в темноте,

35. Которая хранит его от острых копий света звезд небесных.

Мир этот был вратами ложной Бесконечности

И принципов зловещих вечности,

И отрицания безмерного духовной сути.

Всё то, что было хоть однажды самоозарённым в духовной сфере,

40. Здесь превратилось в противоположность темную:

Существование сжалось в пустоту бесцельную,

Которая была, однако, прародителем миров;

Сознание превратилось в Несознание, которое построило вселенную

Из собственного сна фатального, мышление космическое поглощая;

45. Блаженство, чувств лишившееся и павшее в глухую кому,

Свернулось внутрь себя и в восхищенье Богом вечное

Из-за неверного, мучительного образа страдания и боли,

Прибитого со скорбью гвоздями к некому кресту,

Вколоченному в землю, немого и неживого мира,

50. Рождение в котором было болью и страданием смертельным,

Чтобы не слишком быстро всё это вновь в блаженство не превратилось.

Мышление сидело жрицей Извращенности

На черном собственном треногом троне Змея трехголового;

Читая знаками превратными писание вечное,

55. Колдунья эта вывернула наизнанку божественный характер жизни.

В проходах темных, наполненных глазами зла, светящи-

мися вместо ламп,

И гибельными голосами, поющими с апсид речитативом
Песнь колдовскую Слова нечестивого,

В странных и мрачных, и дьявольских базиликах

60. Зловещая, проникновенная Колдунья-Посвящённая

Свершила ритуал оккультный своих Мистерий.

Страдание было там Природы ежедневной пищей,

Которая приводит к мукам и плоть, и сердце существа,

А муки были формулой блаженства,

65. Экстаз небесный имитировала боль.

Добро там – вероломный садовник Бога -

Полило добродетелью анчар – дерево мира этого -

И, осторожное во внешних действиях, словах,

Привило лицемерия цветы на зле родном.

70. Там всё высокое было слугой у низкой противополож-

ности:

Обличия Богов поддерживали поклонение дьяволу;

Небесный лик стал маской и ловушкой Ада.

Там в этом сердце тщеславного явления,

В сведенной судорогой сердцеvine чудовищного действия

75. Увидел Ашвапати смутную, огромную Фигуру,

Сидевшую верхом на Смерти, поглощающей все порождения.

Холодное застывшее лицо с ужасными и неподвижными глазами,

Трезубец страшный в руке, объятый мраком и протянутой

вперед -

Она трезубцем этим во все создания вонзала одну конечную судьбу.

80. Когда существовала лишь одна Материя, в которой не было души,

А сердцем Времени была лишь пустота без духа,

Тогда впервые Жизнь прикоснулась к Бездне, чувств не имеющей;

И пробуждая пустоту бесплодную к печали и надежде,

Её луч бледный сразил бездонный Мрак,

85. В котором Бог скрыл самого себя от собственного взгляда.

Во всех явлениях Она искала истину мистическую, дремлющую,

Несказанное Слово, что вдохновляет бессознательные формы;

В его глубинах она искала невидимый Закон,

Нащупывала его Разум в подсознании туманном,

90. Сражалась, чтоб найти какой-то способ существования духа.

Совсем другой ответ пришел из Мрака этого.

В ту форму было вброшено зерно -

Какая-то неясная, немая оболочка извращенной истины,

Какой-то элемент бездушной бесконечности.

95. В Незнании – в мощнейшем эмбрионе самой Природы

Рождение чудовищное создало себе обличие космическое.

Затем в необычайно важный и роковой момент

Какая-то персона, против желанья порожденная немою

Пустотой

И выскользнувшая из Несознания сна бесплодного,

100. Подняла угрожающую голову свою и встала против

звезд;

Гигантским телом Рока своего она отгородила землю от

их тепла -

Заледенели небеса от лика этого зловещего.

Возникла Сила неизвестная, восстала Воля мрачная,

Безмерная и чуждая вселенной нашей.

105. По Замыслу непостижимому, который понять никто

не может,

Обширное Не-Существование одело форму на себя,

А беспредельное Неведение глубин не сознающих

Покрыло вечность их несущественностью.

Так видящую Душу сменил Ум ищущий:

110. Жизнь превратилась в смерть голодную, громадную,

Блаженство Духа заместилось вселенской болью.

Уверившись в нейтралитет закрывшего глаза на это Бога,

Соппротивление мощное отвоевало себе некое Простран-

ство.

Правитель, властью обладающий над горем, ложью, смер-

тью,

115. Господства своего жестокого добился;

Внося несогласованность в гармонию исходного изящества

Архитектуры плана судьбы вселенной,

Он исказил первоначальную космическую Волю

И привязал к борьбе и страшным зловещим

120. Неспешный долгий ход развития неутомимой Силы.

Вживляя в вещество явлений заблуждение,

Из мудрого Закона он сотворил Невежество;

Он помешал прикосновенью верному сокрытого рассудка жизни,

Держал в молчании во сне Материи интуитивного проводника

125. И деформировал инстинкт животных,

И исказил гуманность человека, рожденную печалью.

Тень пала поверх Луча простого:

В пещере сердца угас Свет истины,

Который незамеченным горел в алтарной нише

130. За тихую небесной занавеской тайны,

Сопутствуя в обители той Божеству.

Так рождена была ужасная враждебная Энергия,

Что имитирует могучий образ вечной Матери

И притворяется её пресветлой вечностью

135. В Ночи своим безрадостным и искаженным силуэтом.

Сковав стремления души, взбирающейся ввысь,

Она заставила жизнь двигаться походкой медленной и нерешительной;

Тяжелая рука её, которая с Пути уводит в сторону,

Препятствует напрямую эволюции мистической:

140. Извилистую линию её ума, сбивающую с толку,

Не видят ни бессильный человек, ни Бог;

И, угнетая искру Бога внутри души,

Она давлением этим отбрасывает человека к зверю.

Однако страшным инстинктивным разумом своим

145. Она осознает, как в сердце Времени растет Единый,

И видит сквозь человеческую матрицу сияние Бессмертного.

За власть свою тревожась, исполненная яростью и страхом,

Она неумолимо рыщет вокруг любого света, лучом своим мерцающего

Сквозь темноту из одинокого жилища духа,

150. Надеясь незаметной и неистойвой походкой войти

И в этой колыбели умертвить Дитя божественное.

Неисчислима сила в ней, непредсказуем её обман;

Её прикосновенье колдовское смертельно;

Она уничтожает свою жертву его же собственным восторгом,

155. И даже из Добра она сооружает крюк, чтобы тащить им в Ад.

Из-за неё мир катится к своим мучениям.

Ведь, часто странник, идущий по дороге Вечности,
Что плохо освещается сквозь облака тусклой луной Ума,
Или блуждающий окольными тропинками,

160. Иль потерявшийся в глуши, где никаких путей не

видно,

Ослабевает сломленным её наскоком львиным,

Став в её страшных лапах побежденным пленным.

Тот смертный, кто был однажды компаньоном священно-
го Огня,

Тот, кто теперь стал опьяненным её дыханием горячим

165. И в разрушительную глотку её влюбился вдруг,

Тот смертный погибает и для Света, и для Бога:

Теперь Противник их – Природа, что враждебна Си-
ле-Матери, -

Руководит и его разумом, и сердцем.

«Я» жизни инструменты собственные отдает Титану

170. И представителям враждебным, демоническим,

Которые сверх меры превозносят и искажают земное есте-

ство:

Замаскированный предатель становится проводником
идей;

Его искусный шепот пораженца умерщвляет веру,

А, сообщающее по секрету, засевшее в груди

175. Обманчивое вдохновение, ужасное и темное,

Божественный порядок подменяет новым, темным.

Затем высоты духа окружает молчаливость,
Бог удаляется из скрытого святилища,
Пустой, холодной становится Невесты¹⁹ комната,
180. Теперь уже не виден золотистый Ореол,
И больше не сияет духовный чистый луч,
И навсегда смолкает тайный Голос.
И в это время Ангел на Дозорной Башне
Вычеркивает чье-то имя в регистрационной книге;
185. То пламя, что трепетало в Небесах, погаснув, опадает;

Эпос души кончается крушением.
Трагична смерть духовная,
Когда уходит элемент божественный,
А тело с разумом живут лишь только для того, чтоб умереть.

190. Дух допускает ужасные последствия, -
Ведь, существуют тонкие Энергии с чудовищными свойствами,
Что под покровами Неведения скрывают суть свою.
Потомки бездн, агенты темной Силы,
Покой нетерпящие и ненавидящие свет,
195. Подделываясь под мышление Друга и Руководителя,
Противясь в сердце вечной Воле, -
Они скрывают оккультного Поэта, ведущего к вершинам.

¹⁹ Здесь – психическое существо.

Из путеводных нитей Его мудрости они сплетают нам око-
вы;

Ключами убеждения они замкнули двери Бога

200. И Милость неустанную Его блокируют своим зако-
ном.

Вдоль всех дорог Природы они установили свои посты

И перехватывают караваны Света,

И вмешиваются они везде, где Боги действуют.

Хомут наложен на затуманенное сердце мира,

205. Его биениям недоступно небесное Блаженство,

Закрытые границы светлого Разума

Блокируют подходы тонкие Огня божественного.

Всё время кажется, что побеждают Авантюристы темные;

Они Природу наводняют зла институтами

210. И в пораженья превращают победы Истины,

Законы вечные провозглашают лживыми,

Играют в кости колдовские изменчивой Судьбы;

Они уже проникли в храмы мира и незаконно захватили
их престолы.

С презрением глядя на тающие шансы всех Богов,

215. Они творение объявляют своею покоренной вотчи-
ной

И сами себя зовут железными Богами Времени.

Иллюзий, масок знатоки,

Изобретатели падений и страданий земной Природы -

Они уже соорудили алтари победоносной Ночи

220. В храме для плоти человеческой земного срока жизни.

В пустых пределах, где Огонь священный не горит,
За алтарем в мистическом обряде,
Лицом к завесе тусклой, проникнуть сквозь которую никто не может,

Жрец в митре речитативом исполняет свой мрачный гимн
225. И призывает в грудь свою ужасные присутствия:
Своим молитвам приписывая Имя, перед которым благоговеют,

Он монотонно распевает слова каких-то текстов колдовских

И призывает действо приобщения, причастие невидимое,
Пока всё зло жестокое, которое мир мучает,
230. Не будет перемешено меж фимиамом и бормотанием
молитвы этой

И полностью готово в кубке пенном сердца людских,
И опрокинуто во всех, излившись как священное вино.
Эти жрецы руководят и правят, присваивая имена божественные.

Противники Всевышнего – они пришли сюда
235. Из их миров мысли и силы, не имеющих души,
Чтобы нести вражду космическому плану.
Ночь – их пристанище и стратегическая база.
И укрываясь от Ока просветленного и от Меча пылающего,

Они живут в тяжелых бастионах тьмы без опасений,
240. В тиши, в уединенности, лишенной солнца:

Даже случайный небесный Луч не может туда проник-
нуть.

Укрытые броней и защищенные своими масками леталь-
ными,

Как будто в мастерской у Смерти, творящей это всё,
Сыны-гиганты Тьмы сидят и строят планы некой драмы,
245. Идущей на земле – своих подмостках человеческой
трагедии.

И каждый, кто возвыситься может этот падший мир,

Должен войти под угрожающие своды силы их,

Ибо пятнать жизнь всех детей богов

Их привилегия и право ужасающее.

250. Никто не может достичь небес, пока он не прошел
сквозь ад.

Отважиться на это должен и путешественник по всем ми-
рам.

Воителем борьбы дуэльной, давней

Вошел он – Ашвапати – в Ночь безысходную немую,

Своей душою светлой бросая вызов темноте.

255. Тревожа поступью своею преддверие темноты,
Пришел он в царство, приносящее жестокость и страда-
ния,

Где жили души, никогда не испытывавшие блаженства,

невежды полные,

Как те, кто были рождены слепыми и света никогда не видели.

Они могли бы приравнять злодейства ещё худшие к добру.
260. В глазах их добродетель была каким-то обликом греха,

А зло и горе – состоянием естественным.

Здесь уголовный кодекс зловещего правительства,
Назначившего горести и боль законом общепринятым,
Постановляющим всеобщую печаль,

265. Жизнь превратил в стоический крест,

А пытку – в ежедневный праздник.

Существовал закон неумолимый здесь: карать за счастье;
Были запрещены, как смертные грехи, и смех, и радость:
Нелюбопытный разум оценивался как мудрое довольство,

270. А молчаливая апатия медлительного сердца – как покой.

Сна не было там, и лишь оцепенение приносило отдых,

Смерть приходила, но не приносила ни передышки, ни конца:

Душа жить продолжала и только больше мучилась.

Стал Ашвапати еще глубже исследовать царство страданий это;

275. Вокруг него расползся ужас мира,

Мучения сменялись еще большими мучениями,

И в этом ужасе любое бедствие – своё или других людей -

Встречалось с необъятной злобной радостью.

Здесь сущим наказаньем были и жизнь сама, и размышления о ней,

280. Любой вздох – бременем, а всякая надежда – карой,

Тело людское – полем для мучений, причиной огромных беспокойств,

А передышка была лишь в промежутке между болью и новой болью.

Закон явлений мира этого никто и не мечтал здесь изменить:

Жестокое, безрадостное сердце и разум неулыбчивый, суровый

285. Отвергли счастье, словно надоевшую всем патоку;

Уравновешенность была там скукой и апатией:

Жизнь наполнялась красками в страданиях;

Ей требовались острая приправа в виде боли и соль из слёз.

И если б кто-то всё это прекратил, было б гораздо лучше;

290. Лишь сильные неистовые ощущенья придали живость миру этому:

Ревности ярость, сжигающая терзаемое сердце,

Жало смертельной злобы, ненависти, вожделения,

Молва, которая заманивает в западню, удары вероломства

Пролились пятнами ярчайшими на тусклые часы, наполненные болью.

295. Взгляд непрестанный на несчастья драму,

И на мучения творений под дланью злого рока,
Трагическое созерцание горя в ночи безрадостной
И ужас, и стучащее от страха сердце –
Таковыми были здесь ингредиенты в тяжелой чаше Времени,
ни,

300. Что доставляли радость и помогали наслаждаться
всей горечью такого вкуса.

Ад долгий этой жизни был сделан из вещества жестокого:
Он был опутан темными паучьими сетями,
В которую ловили душу восхищенную и трепетную;
Таков здесь был закон Природы, такова – религия.

305. В молельне беспощадной беззакония, чтоб на колени
встать

И поклониться образу безжалостному черной Силы,
Необходимо было пересечь дворы жестокосердные,
Которые покрыты были каменным настилом злой судьбы.
Здесь каждый камень был острым краем жестокой силы,
310. Облепленным остывшей кровью душ истерзанных;
Сухие сучковатые деревья кругом стояли, словно умирающие люди,

Оцепеневшие в своем страдании;
Из каждого окна глядел жрец грозный, распевающий:
«Тебя, о Боже, славим», – молитвой той венчая жертву -

315. Разрушенные в корне города, дома людские,
Изломанные обгоревшие тела и массовую гибель под бомбежкой.

«Враги все наши пали, пали все», – так нараспев они читали, -

«Все, кто однажды мешали нашей воле, повержены, мертвы;

Как велики мы, как милосерден Ты».

320. Вот, так они мечтали достичь бесстрастного престола Бога,

Приказывать Ему, которому все их деянья противоречат,
Превознося свои поступки, мечтали прикоснуться к небесам Его

И сделать Его сообщником своих преступных действий.

Здесь не могло быть места для милостивой жалости,

325. Здесь правили безжалостная сила и духа расположение жестокое,

Царило вековое полновластье слепого ужаса и тьмы:

Таким предстал пред Ашвпати образ Бога темного,

Превозносимого ничтожным губительным убожеством, им сотворенным,

Державшим в рабстве этот несчастный мир,

330. Где беззащитные сердца, прикованные к нескончаемому горю,

С восторгом целовали ноги, которые их втапывали в грязь.

Это был мир ненависти и страдания,

Страдания с ненавистью за единственную радость

И ненависти с другим страданием, в качестве праздника;

335. Grimасы горькие кривили измученные рты;
Трагическое бессердечие нашло здесь свой зловещий
шанс.

Здесь ненависть была черным архангелом.
Она бриллиантом темным сверкала в сердце,
Погрязнув в жестокой яме своего могущества,
340. И обжигала душу лучами пагубными.

Казалось, что страстями этими дышали даже предметы
здесь,

Ибо мышление злое вливалось также и в неживое,
Которое ответ давало с той же злобой, которую оно и при-
нимало,

Употребляя против пользователей этих всё те же злые си-
лы -

345. Ту боль, назначенную инструментом невидимого ро-
ка

И убивающую странно и внезапно без всяких рук.

Или же это неживое себя преображало в тюремный роко-
вой застенок,

Где людям не давали спать подолгу,

Прошедший каждый час зловещим звоном возвещая.

350. Окружье злое чернило ещё больше злые души:

Всё было здесь сознательным и в то же время извращен-
ным.

Отважился и в этом царстве Ашвапати быть настойчивым
И даже в яме этой глубочайшей, в мрачайшей сердцеви-

не,

Встревожив мрачную его основу, отважился поспорить он
355. И с силой абсолютной, и с правом древним, приви-
легированным:

Он погрузился в Ночь, чтобы познать её внушающее ужас
сердце,

В Аду искал он корни и причину Ада.

В его душе открылись бездны, страдание выражающие;

Он слышал крики, сдавленные болью,

360. Сердцебиение одиночества фатального.

Над ним висела холодная глухая вечность.

В неясных страшных коридорах Рока

Услышал он Глас гоблина, зовущего к смертоубийству,

И повстречал лицом к лицу очарованье дьявольского Зна-

ка,

365. Прошел насквозь засаду Змея-искусителя.

Затем пробрел пустынными путями, в одиночестве

По трактам грозным и мучительным, и полностью безлюд-

ным,

Где Волк враждебности ждет путника возле реки без бро-

да,

И Смерти горные орлы пронзительно клекочут у обрыва,

370. И встретил псов несчастья, которые охотятся за серд-

цем человека,

Преследуя его в степях Судьбы.

В нехоженных полях сражений этой Бездны

Он бился в призрачных боях в безмолвных и слепых глупинах

И выдержал атаки Ада и приступы Титанов,

375. И претерпел жестокие ранения, что долго заживают.

Узник магической, вуалью скрытой Силы,

Затянутый и пойманный Лжи сетью смертоносной

И очень часто схваченный за горло петлею горя

Иль брошенный в жестокую трясиину сомнений разных,

380. Или попавший в западню ошибок и отчаянья, -

Он выпил целиком до дна все эти части яда.

Здесь, в этом мире, где не могло быть ни надежд, ни радостей,

Подвергся он тяжелым испытаньем зла абсолютной власти,

Но сохранил нетронутой сияющую правду собственного духа.

385. Внезапно обездвиженный и обессиленный,

Слепой и заключенный в тюрьму пустого отрицания Материи,

Прижатый черною инерцией основы нашей,

Он как сокровище хранил свою трепещущую душу.

Вот, существо его отважилось войти в тупую Пустоту -

390. В пучины нетерпимые, не знающие ничего о чувствах или мыслях;

Исчезла мысль, пропало чувство, хотя душа всё рассмотрела и узнала.

В деленьях Бесконечности на атомы,
Вблизи начал безмолвных утраченного «Я»

Он ощутил второстепенную курьезную поверхность
395. Творения материальной сути.

Пустынным мраком Несознания придавленный,

Он прозондировал всю эту темную бездонную мистерию
Глубин огромных, лишенных содержания, в которых

Из вселенной мертвой восстала бьющая себе дорогу
жизнь.

400. В той полной идентичности, потерянной для разума,

Он ощутил сокрытый смысл бесчувственного бессозна-

тельного мира

И мудрость молчаливую Ночи незнания.

Проник он в тайну глубочайшую – туда,

Откуда со своей подстилки выглядывает тьма седая, го-
лая,

405. И встал на плане подсознания низшем и закрытом,

Где Жизнь во сне покоится, не созная своих мыслей,

И строит мир, не зная, что же, всё-таки, она возводит.

Там, ожидая часа своего, лежит неведомое будущее,

Там – память о погасших звездах.

410. Во сне вселенской Воли там

Увидел он секретный ключ разнообразия Природы.

Свет был с ним, и невидимая длань

Была возложена на боль и заблуждения,

Пока всё это не стало трепетным экстазом

415. И потрясением от сладостных объятий.

Увидел он, что Ночь – это лишь Вечности туманная вуаль,
Познал, что смерть – подвал, зал самый нижний в доме
жизни,

И ощутил и в разрушении, и в гибели творенья быстрый
шаг,

Увидел, что утрата – определенная цена победы неземной,

420. А ад – путь напрямик к вратам небесным.

Затем на фабрике оккультной Заблуждения,

А также и в магическом печатном доме Несознания

Были разрушены все примитивные шаблоны Ночи

И вдребезги развеяны Неведенья стереотипы.

425. Ожившая, вздохнувшая духовным, идущим из глу-
бин, дыханием,

Природа кодекс свой механистический, окостеневший
удалила,

Перечеркнув статьи контракта души обремененной,

При этом Ложь вернула искаженный ею образ Истине.

Скрижали закона Боли были уничтожены,

430. А на их месте возникли сияющие ярким светом бук-
вы.

Незримый перст искусного Писца чертил

Свою интуитивную каллиграфическую вязь;

Его свидетельства божественные создали земные формы

И мудрость воплощенную, которую открыть не смог бы
ум,

435. А из груди немого мира изгнали Несознание;

Преобразованными стали застывшие строенья умозаключений Мысли.

Сознание пробуждая в инертном существе,

Он наложил на темный атом и скрытую в нем массу,

Алмазным шрифтом Нерушимого

440. Начертанный на темном сердце падших здесь существ,

Хвалебный гимн свободной Бесконечности

И Имя основателя – того, кто создал Вечность,

И начертил на клетках пробужденных и ликующих

Знаками–символами самого Невыразимого

445. Лирический сонет любви, нас ждущей сквозь Века,

И том загадочный Книги Блаженства,

И сообщенье сверхсознательного Света.

Затем в телесной оболочке жизнь непорочная затрепетала;

Луч дьявольский исчез – он больше никого убить не смог бы,

450. Ад раскололся вдоль своего огромного неровного фасада,

И здание магическое это уничтожилось,

Ночь приоткрылась и пропала, как сна водоворот.

В брешь бытия – в пространство, вырытое Ночью и теперь пустое, -

В то место, которое Она заполнила, поскольку Бог тогда

отсутствовал,

455. Пролилась сокровенная пространная блаженная За-
ря,

И исцелилось всё, что сделало терзаемое сердце Времени,

Страдание жить больше не смогло в груди Природы:

Раздоры прекратились, поскольку Бог был там.

Душа своим сиянием озарила сознательное тело,

460. Материя и дух смешались воедино.

Конец Песни восьмой

Песнь девятая

РАЙ БОГОВ ЖИЗНИ

Пришел в то место Ашвапати, где День светился счастьем
и величием,

Сияя блеском Бесконечности блаженной.

День этот нёс в себе – весь в искрах золотых -

Те океаны счастья, что делали свободным сердце.

5. Он напоен был Всевышнего вином

И погружен в божественный извечно Свет.

Место любимое и сокровенное Богов -

Он – этот рай, их указанию подчиняясь,

Распорядителем блаженства собственного был и насла-
ждался этим,

10. Повелевал всем царством своей спокойной силой.
Уверенный, что формы все сотворены для счастья,
Не тронутый ни страхом, ни страданием, ни потрясениями
Судьбы,

Не потревоженный дыханием Времени, быстро летящим,
Не осаждаемый враждебным случаем,

15. Мир этот дышал надежной, беспечной, мягкой непри-
нужденностью

И был свободен от манящей смерти и хрупкости телесной
и весьма далек

От той опасной перспективы, что создает наша ошибки
совершающая Воля.

Он не нуждался в сдерживании своих страстных ритмов;
Он трепетал в объятиях удовлетворенных, теплых чувств,

20. Дрожал от натиска чудес и пламенного зова,
Идущего от чувственного бега мгновений жизни.

Он жил, соразмеряя ритм свой с драгоценной улыбкой Бо-
га,

Расположившись на груди любви вселенской.

Неограниченный, неузвимый Дух Блаженства на этом
пастбище

25. Выгуливал стада своих нарядных солнц, отары лун

Среди не знающих печали ручейков, журчащих звонкой
музыкой,

В благоухании лилий неземных.

Безмолвье счастья окутало небесный свод,

Сияние беззаботное улыбкой осветило горные вершины;
30. Невнятный шёпот восхищенья в ветрах затрепетал
И опустился на заколдованную землю;
В объятиях экстаза, непрестанно повторяя
Свою невольную и сладостную ноту,
Излилось ненадолго рыдание восторга.

35. Под небосводом славы и покоя продвигаясь,
Взойдя на плато вдоль задумчивого гребня,
Как тот, кто смотрит в Зеркало магическое Мира,
Увидел Ашвапати образ чудный бегства-спасения души,
Прошелся по явлениям радости бессмертной
40. И созерцал там бездны красоты и благодати.

Был окружен он солнц сознательных сиянием и радостью
В своих раздумьях от виденья великих символических явлений;

Пред ним равнины яркого спокойствия теснились,
Благодарения лиловые долины и горные массивы,

45. Глубокие лощины радости, поющие негромко водопады,

Леса багряные уединения трепетного;

Под ним, как будто проблески от мыслей драгоценных,
мерцали

Города из сновидений восхищенных царей Гандхарвов²⁰.

Из этого Пространства, насквозь пропитанного тайнами,

50. Прокралась очень осторожно музыка неясная, счаст-

²⁰ Божественные музыканты, творцы жизни.

ливая,

Которую незримый исполнитель направил прямо в сердце
Ашвапати.

Услышал он тогда и арфы плач, идущий от небесных ме-
нестрелей,

И голоса напева неземного,

Что воспевали славу любви всевечной

55. Под бело-голубыми лунными лучами Рая.

Здесь, в сердце этого чудеснейшего мира

Вздымались к Небесам холмы,

Сверкающие при закате солнца экстазом вечера.

Казалось, что холмов этих подножье погружено

60. В еще неведомые никому глубины, в наполненную сча-
стьем тишину;

На склонах слышалось тремоло звуков

От толчеи журчащих ручейков,

Своей счастливой песнью поклоняющихся небу голубому

И вниз сбегających в леса тенистой тайны:

65. Пики холмов стремились ввысь, как будто за пределы
жизни,

В обширную безмолвную мистерию вонзаясь.

Сияющий Эдем богов витальной жизни впустил

В свой мир гармонии бессмертной Ашвапати.

Всё, что цветет во Времени, там было совершенным;

70. Там Красота была естественным шаблоном,

Покой был чистотой, пронзенной чувствами и трепетом.

Любовь осуществляла там свои мечты счастливые, златые,
А Сила – могучие коронные мечтания свои;
Желание росло стремительным и всемогущим пламенем,
75. А удовольствие несло в себе достоинство богов;
Мечта гуляла по большим орбитам звезд;
Обыденные милые явления там превращались в чудеса:
Настигнутая духа колдовством внезапным,
Сраженная алхимией небесной страсти, Боль трансфор-
мировалась

80. В радость сильную по собственному принуждению,
Врачуя противостояние небес и ада.
Высокие виденья жизни все воплотились здесь,
Достигнуты здесь были даже смутные надежды,
И соты золотые вскрыты, и мёд испробован молниенос-
ным языком гурмана;

85. Догадки пламенные превратились в истины прекрас-
ные,

Могучие вибрации бессмертному покою уступили
И полностью раскрепостили безмерные желания.
В том райском царстве совершенных чувств и сердца
Ничто нарушить не могло очарованье вечное

90. Горячей безупречной сладости той Жизни;
Её шаги были направлены всегда к интуитивным устрем-
лениям.

После мучений в результате долгой борьбы души,
В конце концов, обрёл покой небесный и отдых Ашвапа-

ти,

И, окруженные магическим потоком часов беспечных,

95. Израненные части тела его природы исцелились

В руках Энергий, что обнимают ласково его

И не выносят ни единого пятна, и не страшатся своего бла-

женства.

В тех сценах, что запретны нашим слабым чувствам,

Среди чудесных запахов и красок восхитительных,

100. Он встретил формы, что обожествляют видение,

И к музыке прислушался, которая ум в состоянии обес-

смертить,

А сердце распахнуть, чтобы услышать бесконечность

И уловить неслышные каденции,

Что пробуждают оккультный слух:

105. Их чувствуешь в невыразимой тишине,

Они идут вибрациями красоты от бессловесной речи,

мыслей,

Гораздо более великих и глубоких, чтобы высказывать их

голосом, -

Тех мыслей, чье желанье заново воссоздает вселенную.

Глубина чувства, взбравшегося скорым шагом

110. К вершинам счастья невыразимого, излила

Свеченье благодати на ауру мистическую существа его.

И тело Ашвапати тихо замерцало, как свод небесно-голубой;

бой;

Его ворота в мир – все ощущения его – были очищены

морями света.

Его земное тело, в дар получившее небесные способности,
115. Дало приют той силе, которой уже не нужно было
двигаться

Через таможную некую – пересекать закрытую границу ра-
зума и плоти

И контрабандой проносить божественное человечеству.
Оно теперь не уклонялось от высочайшего запроса
Способности неутомимой для счастья, для того могуще-
ства,

120. Которое смогло бы прояснить и собственную беспре-
дельность,

И красоту, и страстность, и отклик из глубин
И не страшиться обморока от радостного тождества,
Когда и плоть, и дух соединяются в экстазе сокровенном,
Размолвку между «я» и формой аннулируя.

125. Оно от зрения и слуха истребовало силу духа,
А чувства сделало дорогой к неосязаемым явлениям:
Оно испытывало трепет к влияниям небесным,
Которые создали существо души гораздо глубже прежне-
го.

Земное тело Ашвапати переродилось, предстало другом
пред небесами.

130. Достойный спутник вневременных Властителей
И равный божествам Солнц существующих
Он частью стал божественной игры Всевечного,

Услышал шепот никому не видимого Игрока
И к голосу Его прислушался – к овладевающему сердце
гласу,

135. Влекущему его к груди желанья Бога,
И ощутил мёд счастья гласа этого,
Текущего по венам, словно реки Рая,
И превращающего тело в чашу нектара Абсолюта.
В мгновениях внезапных сиянья откровения,

140. В частично приоткрытых страстных откликах
Достиг он края неведомых экстазов; его забившееся силь-
но сердце

Прикосновенье высочайшее внезапное сразило.
Он вспомнил об объятии волшебном,
И память эта вниз спустилась блаженством чистым.

145. Под маскою Любви к нему вплотную притянулась
Вечность

И положила свою длань на проявление во Времени.
Лишь малые дары из Необъятностей приходят,
Но радость та, которую они привносят в жизнь, неоцени-
ма;

Всё, что не высказано в Запредельном отражено там.

150. Капля гигантская непостижимого Блаженства,
Что затопила тело Ашвапати и всё вокруг его души,
Безбрежным океаном пламенного счастья стала;

Он шел ко дну, тонув в глубинах сладостных и жгучих:

Он нес в себе восторг, который только боги ощущают, и то

155. Блаженство невозможное, которое способно положить плоть смертную.

Бессмертное соизволение очистило его в сиянии этом
И превратило его силу в неувыдаемую мощь.
Бессмертие пленило Время и захватило Жизнь.

Конец Песни девятой

Песнь десятая

ЦАРСТВА И БОЖЕСТВА НИЗШЕГО РАЗУМА

Рай тот²¹ быть также должен пройден и позади оставлен,
Как все, что пройдено уже, пока не будет обретен Всевыш-
ний,

В котором мир и наше существо не станут истинными, не
обретут единство:

Пока Такое не достигнуто, не может наше путешествие
прерваться.

5. Всегда цель неизвестная зовет нас превзойти пределы
все,

Всегда зигзаг богов ведет к вершине нас,
И указывает ввысь Огонь восходящий духа.

Дыханье многоцветного блаженства и образ чистый
И возвышенный во Времени того восторга бытия,

²¹ Здесь речь идет о царстве, описанном в предыдущей Песне.

10. Который отражают волны счастья безупречного, который

Слышится звучащим громко во всех биениях экстаза,

Частица крошечная духа целого,

Что была поймана в неистовом величии экстремумов, -

В зенит блаженства поднялось то существо, стесненное
ограниченными,

15. Укутанное в небольшое запечатанное бесконечье,

Что наслаждается счастливо лишь только прикоснувшись
к высочайшей сути,

Чей беспредельный мир, который сотворило Время, бросающее
вызов людям,

Является лишь изливанием небольшим бескрайнего восторга
Бога.

Мгновенья растянулись в вечное Сейчас,

20. Часы бессмертия открыли, но, удовлетворенные своим
сиюминутным

Гордым содержанием, на полпути к небесным высям

Они остановились на пиках жизненных, с высот которых

Была видна вершина, на которую взобраться не смогли
они,

И то величие, в чьей атмосфере жить было невозможно
им.

25. Круг тех часов, высокий и изысканный, приманивал к
понятным

И надежным результатам, но то творение,

Которое из-за гарантий безопасности свои ограничения твердо соблюдает,

Вершины те – зов приключений более великих – отклонило.

Тщеславие и сладость удовлетворенного желания

30. Дух приковали к золотым столбам блаженства.

Здесь не смогла бы приютиться широта любой души,

Которой для своего пристанища нужна была вся бесконечность.

Воспоминания неясные, как сон, и мягкие, как травы,

И красота спадающая, и уходящий зов угасли позади,

35. Как угасает, затухая, песня благозвучная вдали

На долгой, ввысь ведущей дороге в Безвременье.

Над этим всем стояла безмятежность чистая и страстная.

Дух размышляющий смотрел на те миры, и там,

Подобно бриллианту, желающему обрести небесную прозрачность,

40. Плывущие сквозь чистоту невидимого Света,

В безмолвии обширные светящиеся царства Разума сияли.

Здесь Ашвапати встретился с пространством серебристо-серым,

Где День и Ночь были повенчаны и стали единым целым:

То было место неясных и случайных проблесков,

45. Что отделяло паренье Мысли от потока ощущений Жизни.

Там временный союз изменчивостей разных
Осуществлял нелегкое правление,
Заранее оставляя почву для сомнений и для догадок раз-
зума,

Для randevу Неведения и Знания.

50. В краю том низшем власть нелегкую держал
Тот разум, что видел плохо и находил ответ с трудом;
Его природа, близкая к земной природе

И родственная нашей ненадежной смертной мысли,
Что смотрит с земли на небо, а с небес на землю,

55. Не зная ни о том, что ниже, ни о том, что выше,

Всего лишь только ощутила сама себя и внешний сущий
мир.

То было средство первое, начальное для восхождения
неспешного

Из того самого полусознания души животного создания,
Живущего стесненным под прессом образов-событий

60. В каком-то царстве, которое оно не может ни понять,
ни изменить;

Оно лишь видит что-то и действует на данной ему сцене,
Недолго ощущает что-то, радуется и страдает.

Идеи, что ведут дух смутный, воплощенный
Дорогами желаний и страданий

65. В том самом мире, что стремится Истину открыть,

Нашли в Природе этой для осуществленья свою энергию
и силу.

Изобретаются здесь формы разные невежественной жизни,

Которая факт эмпирический считает установленным законом

И действует для результата краткого, а не для вечности,

70. И достижениями своими торгует лишь по зову кратковременному:

Ей нужно управлять медлительным развитием материального ума,

Который служит телу, и применять его,

И полагаться ей приходится на чувство, допускающее промах,

Поскольку родилась она в светящейся неясности.

75. Хромающей походкой медленно шагая

И выставляя во главу угла свои теории,

При этом все свои гипотезы своим же аргументом подпирая,

Она о неизвестном рассуждает, ссылаясь на свои малопонятные идеи,

И обустроивает вечно свою непрочную обитель мысли,

80. Уничтожая вечно сеть, которую сама же и сплела. Она – мудрец,

Наполовину пробужденный, которому тень кажется «я» собственным,

Она передвигается от одного короткого мгновения к другому,

Она – правитель, от своих же подданных зависимый,
Который утверждает те декреты, что подают ему его советники-невежды,

85. Она – судья, владеющий лишь половиной доказательств,

Глас шумный постулатов неопределенных

И архитектор знания, но не его источник.

Она – могучий раб своих же инструментов -

Считает место низшее вершиной высочайшей своей Природы,

90. И, забывая о своём уделе в сотворенном существе мире,

Надменно унижаясь в своем тщеславии,

Считает, что родила её грязь изначальная Земли,

И верит, что её причиной являются её творения.

Предназначение наше – возвышение к свету вечному и знанию;

95. Карабкаемся вверх мы из начала голого людского;

Ничтожность тягостную нашу должны сломать мы

И отыскать свою природу с помощью огня духовного:

Медлительность личинки насекомого предпосылает восхитительный полет;

Род человеческий качает в колыбели будущего бога,

100. А хрупкость тела брэнного – силу великую, бессмертную.

Сбегая по широкому мосту, мерцающему в полутьме,

На темя «светлячка» – на темя царств едва светящихся,
Где одеянье яркое зари играло с сумерками местными
И помогало Дню расти, а Ночи ниспадать,

105. Приблизился вплотную Ашвапати к царству Света
раннего,

Взойдя на территорию правленья наполовину показавше-
гося солнца.

Вся сфера нашего ума была порождена лучами этими.

Назначенный и утвержденный Духом всех Миров

Посредничать с глубинами несведущими,

110. Живой первоначальный Разум,

Уравновешенный наполовину на равных крыльях верной
мысли и сомнения,

Протиснулся меж сторонами, скрытыми от глаза суще-
ства.

В волнующем деянии жизни вздохнула Тайна;

Сокрытая кормилица творений удивительных Природы -

115. Она придала форму чудесам той жизни, создав их из
первобытной грязи:

Она скроила образец форм мира сущего,

Она поставила палатку разума в невежественной смутной

Шири.

Руководящий Маг – великий мастер мер и механизмов -

Из повторяющихся форм построил вечность

120. И очевидцу – странствующей мысли -

Место отвёл в театре Несознания.

По воле этого Праразума на всей земле
Бесплотная энергия надела на себя физическую форму;
Протон с фотоном послужили вводу изображения в Глаз
существа,

125. Чтобы явления тонкие переодеть в мир материаль-
ный.

И после этого невидимое проявилось в виде очертания,
Неосязаемое стало ощущаемым по массе:
Магия виденья объекта соединилась с пониманием его
И наделила каждый такой объект своим привычным име-
нем -

130. Понятие о нём было сокрыто в исполнении его.
Так с помощью волшебной мистики законов атомных
Магия эта построила структуру, в которой чувство смогло
сложить

Свою картину, обозначающую всю вселенную.
И даже это чудо было превзойдено.

135. Посредник-свет связал энергию живого тела,
Сновидное существование растительного мира
И восприятие животного, и разум человека
С сиянием Луча, что к ним нисходит.
Живительный дар этот, который подтверждал право Ма-
терии на мысль,

140. Пробыл проходы восприятия для разума телесного
И отыскал способ познания Непознаваемого.
В качестве слов в кроссворды небольшие подставляя

Метафорические заменители реальности,
Мумифицированная мнемоническая азбука

145. Незрячей Силе помогла понять Её деяния.

Сознание похороненное воскресло в Ней -

Теперь она себя воображает пробужденным человеком.

Но всё здесь пребывало еще в Незнании, хоть и менялось;

Божественное Знание спуститься не могло еще и крепко

охватить

150. Гигантское создание это – вселенную, что видел пред собою человек.

Знарок суровой логики машины этой – та самая слепая
Сила

Окутала своим бесхитростным обманом душу;

Помощница изобретательного интеллекта -

Она настригла Истину на нужные отрезки,

155. Чтобы кусочек каждый мог получить свою часть пи-
щи – свою идею,

Затем своим искусством создала новое, задушенное тело
Истины:

Робот притворный, услужливый и верный

Вытеснил тонкий взгляд духа на существующую ситуа-
цию:

Работу бога проделала блестящая на вид машина.

160. Никто не обнаружил истинное тело, его душа, каза-
лось, умерла:

Никто не обладал тем взором внутренним, что видит Ис-

тину, как целое;

Всё прославляло блестящий суррогат.

Затем с высот сокрытых обрушилась волна,

Возник блестящий хаос бунтующего света;

165. Он кинул взгляд наверх, увидел ослепительный пики,

Он заглянул вовнутрь и пробудил там бога спящего.

Воображение призвало свои отряды яркие

Рискнуть на неисследованных сценах,

Где прятались все чудеса, еще никем не познанные:

170. Подняв свою прекрасную и удивительную голову,

Оно с сестрою-вдохновением договорилось

Наполнить небеса мышления мерцающим туманом.

Ошибка яркая покрыла бахромою лжи ткань алтаря мистерии;

Кормилицу для солнечного света Мудрости взрастила
Темнота,

175. А знание вскормил подкрашенным обманом молоком
обычный Миф;

Дитя отринуло грудь тусклую, приникнув к яркой.

Так Сила обработала мир развивающийся этот.

Её меньше ловкое остановило пламя всеохватное;

Детство души Она лелеяла, питая всё своими выдумками,

180. Которые сиропом сладостным гораздо красивей,

Обильней насыщали божественность незрелую,

Чем материал сырой или бесстрастная солома с пашни Ра-
зума:

Корм этот собранный из фактов разных и явлений неисчислимых -

Пища простая, благодаря которой сегодня мы преуспеваем.

185. Так потекли в мир материальный
Из царства Света скороспелого бесплотные концепции;
Их златорогие стада толпою устремились в земную пещеру сердца.

Их ранние лучи приносят свет в наш взор, объятый полумраком,

Их юные формирования воздействуют на разум приземленный,

190. Чтоб он трудился и мечтал, и новое творил,
И чувствовал прикосновенье красоты, и познавал себя и мир:

Дитя Златое стало видеть и размышлять.

В тех царствах ярких Разум делает свои первоначальные шаги.

Во всём невежественный, но стремящийся невежество отринуть,

195. Он начинает там пытливо и неспешно исследовать мир сущий;

И неизменно его поиск хватается за образы вокруг,
И неизменно он надеется понять все высочайшие явления.

Зарниц огнями сверкая страстно,
Живет он в боевой готовности, на грани домысла.

200. Но всё, что делает сейчас он, – на уровне младенче-
ском,

Как если б космос весь игрой ребячьей был,
А жизнь и разум – забавами какого-то дитя Титана.

Он трудится как тот, кто создает какую-то игрушечную
крепость,

Причудливо стабильную ненадолго,
205. Построенную из песка у Времени на берегу,

Близ моря необъятного оккультной вечности.

Великое Могущество избрало этот небольшой и острый
инструмент,

Приятная, но трудная игра его необычайно возбуждает;
И обучать Неведение – его нелегкая обязанность,

210. Его надежда начинается из изначальной, ничего не
ведающей Пустоты,

И то, чему оно нас учит, ему сначала нужно научиться
самому,

Из спячки пробуждая знание.

Ибо то знание к нам не приходит как какой-то гость,
Которого позвали к нам из мира внешнего;

215. Оно и друг, и обитатель существа, сокрытого у нас
внутри,

Оно таилось позади всех наших разумов и пребывало в
спячке,

И от ударов жизни сейчас неторопливо просыпается;
Могучий демон лежит внутри у нас бесформенным при-
датком,

И пробудить его, дать ему форму – задача для Природы.

220. Всё было хаосом из смеси истины и лжи;

Разум вёл поиски среди глубокой мглы Неведения:

Он вглядывался внутрь себя, но Бога там не видел.

Существенная временная дипломатия

Отвергла Истину, чтоб кратковременные истины смогли

бы жить,

225. И скрыла Божество в вероучении и догадках,

Чтоб Мир Неведения смог постепенно становится муд-

рым.

То была путаница, созданная полновластным Разумом,

Который всматривался в Ночь с гряды мерцающей

В те искажения начальные, что Несознание вносило в по-

нимание:

230. Его мрак чужеродный сбивает с толку Её глаза, све-

тящиеся ярко;

Её чувствительные руки должны утихомирить рвение;

Земля способна выдержать лишь постепенное движение

вперед.

Однако её сила не похожа на силу земли незрячей,

Что вынуждена пользоваться временными инструмента-

ми,

235. Изобретаемыми силой жизни и родом человеческим.

Земля мир постигает под действием неясных образов,
Воспринимая всё посредством слабых струек видения -
Едва светящихся огней, зажженных от прикосновений
мысли ищущей.

Внутренним зрением души не обладая,
240. Она осознает порывами, сшивая вместе обрывки зна-
ния,

И превращает Истину в служанку своих потребностей.
Отбрасывая скрытое от глаз единство всей Природы,
Она дробит на части и на массы всё Сущее, что действует
внутри неё;

И рейкой измерительной является ее неведение.
245. В своем владении являясь и провидцем, и понтифи-
ком,

Сила земли, располагая только полусветом,
Работала с ограничениями, но обладала полем деятельно-
сти собственным;

Она мир осознала при помощи силы мышления
И утвердила независимость начальную для видения.
250. В её глазах, пусть окаймленных темнотой, светился
Взор Архангела, который знал деяния вдохновенные свои
И мир формировал в огне этого взора.

В том царстве собственном она не оступает и не осла-
бекает,

А действует в границах тонкой силы,
255. Пройдя через которые, подняться к солнцу сможет

разум.

Как кандидат на место высокого властителя,
Она проход из Ночи к Свету прорубила
И отыскала неохватное Всеведение.

Трехтельный карлик – троица трехтелая была рабом той силы.

260. Одна ветвь этой троицы – хоть наименьшая, но прочная весьма

И примитивная, с отсталой и тяжеловесной речью -
Пигмейское Мышление, стремящееся жить внутри своих границ,

Всегда склоненное, чтоб легче было ему ковать факты и образы.

Стесненное и поглощенное лишь внешним видением,
265. Оно свою позицию считает надежным основанием
Природы.

Оно – отличный техник, но неотесанный мыслитель,
Покорный тирании тупой Материи,
Узник шаблонов, по которым обычно действует и благодаря которым

Приковывает намертво к обыденным привычкам Жизнь человека.

270. Мышление это вяжет себя всем тем, что создает само же.

Рабское тело неизменной груди абсолютных правил

Оно видит Законом привычки мира,

А Истиною видит привычки разума.

В царстве своих конкретных образов, событий,

275. Вращаясь в круге избитых мыслей

И вечно повторяя привычные и старые решения,

Оно живет довольным делами всеми – обыкновенными,

известными.

Оно любит лишь землю ту, что местожительством его была:

Питая подозрение к любому новому открытию

280. И отвращение к изменению, как к дерзкому греху,

Оно лишь осторожно, шаг за шагом продвигается

И неизвестного боится, как смертельной пропасти.

Хранитель осторожный своего невежества -

Оно дрожит от неизвестного, в испуге шурясь на прекрасную надежду,

285. Предпочитая безопасную опору на привычные предметы

Опасному восторгу от каких-то там просторов и высот.

Отгиски мира в его работающем напряженно разуме,

Почти неизгладимые замедленные отпечатки

Усиливают эту ценность своею бедностью;

290. Воспоминания старые, надежные – его главнейший фонд;

Только то чувство, которым можно обладать, оно считает абсолютным:

Оно считает истиной единственной событие внешнее,
Мудрость отождествляет с приземленным взглядом,
А ситуация, давно известная, и действия, уже исполнен-
ные,

295. Являются при его цепком рассмотрении перилами
Для безопасности на лестнице рискованной, протянутой
во Времени.

Вера его – в те только Небеса, которые ведут по древним,
признанным дорогам,

И в непреложные законы, которые никто не вправе изме-
нять,

И в нерушимое наследие великого и умершего прошлого,
300. И в ту одну дорогу, что Бог нам дал для жизни,

В Природы образ прочный, который никогда не будет из-
менен,

В ту часть гигантского порядка, что заведён во всей все-
ленной.

Милость Спасителя Миров давным-давно
Отправила Мышление это – этого косного Хранителя – на
землю,

305. Чтоб всё могло здесь стать неизменяющимся, стой-
ким образцом

И никогда не покидать свою извечную позицию.

И каждый видит, что движение по кругу это своей задаче
служит точно,

И что оно неутомимо в предписанном традициями цикле;

В увядших, распадающихся службах Времени
310. Оно несет охрану строгую перед стеной обычая
Или в окрестностях туманных древней Ночи

В дремоте пребывает на камнях какого-то двора
И лает на любой, ей незнакомый свет,

Как на врага, который может дом её разрушить,

315. Как пёс сторожевой жилища духа, чувством ограж-
денного,

Против гостей незваных из Незримого -

Как пёс, которого вскормили на объедках жизни и костях

Материи

В собачей конуре реально объективной неизбежности.

Однако позади него стоит космическая мощь:

320. Неторопливое Величие хранит свой более глубокий
план,

Непостижимое подобие ритмических рисунков жизни по-
ступи;

Звезд неизменные орбиты морщинами покрыли инертное

Пространство,

И миллионы видов жизни следуют безмолвному единому

Закону.

Мир защищает колоссальная инертность -

325. Ведь, даже в изменении хранится неизменность;

В инерции слабеет революция -

Старое в новом платье играет ту же роль;

Энергия работает, Её печать – стабильность:

У Шивы на груди не прерывается сей грандиозный танец.

330. Вторым из трёх пришел дух огненный.

Горбун-наездник, необузданный упрямец -

Стремительный гривастый Интеллект вниз прыгнул

Из великого мистического Пламени, что окружает те ми-
ры

И разъедает сердце существа своими жуткими остротами.

335. Оттуда появилось также жгучее видение Желания.

Оно носило тысячи обличий и примеряло без числа имён:

Необходимость в неопределенности и множестве явлений

Пришпоривает вечно к поиску Единого

На многочисленных дорогах по просторам Времени

340. Сквозь совокупности различий бесконечных.

Двусмысленный огонь сжигает грудь людскую.

Мерцающим сияньем в потоке тусклом

Огонь устремлялся к небесам, затем, поверженный, тонул

в аду;

Он поднимался, чтобы ввергнуть Истину в болото,

345. Использовал для грязных целей свою сверкающую

Силу;

Хамелеон огромный золотой иль голубой, иль алый,

Меняя цвет на черный, серый или мертвенно-коричне-

вый,

Голодный, пристально глядел он, сидя на пестрой ветке

жизни,

Чтобы схватить все радости, как насекомое – его любимую еду,

350. Сомнительную пищу для богатого остова,

Питающую его красок роскошь пышную.

Змей пламенный с хвостом из облака туманного,

Ведомый роем грёз блестящих мыслей,

Приподнятая голова с трепещущими гребешками всех оттенков, -

355. Тянулся к знанию он языком, дым испускающим.

Водоворот, засасывающий в необитаемую атмосферу,

Он притязания громадные свои основывал на месте на пустом,

В Небытии рожденный он шел в Небытие обратно,

Хотя неволью гнал всё время

360. К сокрытому Чему-то, которое есть Всё.

Горячий, чтоб искать, но неспособный это сохранять, -

Ярчайшее непостоянство было его чертой,

С пути сбиваться – его врожденная особенность, его естественное поведение.

Предрасположенный к бездумной вере, он в то же время

365. Истинным считал всё то, что льстило его собственным надеждам;

Любил он нежно золотые пустяки, рожденные желанием,

Ненастоящее использовал себе для пищи.

Во мраке обнаружил он сияющие формы,

Когда ж всмотрелся в нависающую полутьму,

370. Увидел красочные образы, начертанные фантазией
своей;

Метался он кругами в ночи догадок
И в фотокамеру воображения ловил
Яркие сцены перспективы, ухваченные в мимолетных
вспышках,

Запечатлевал он в жизни воздухе шаги мечтаний усколь-
зающих,

375. Хранил следы случайных Форм и Сил, укрытых тай-
ной,

И образы-мгновения наполовину обнаженных истин.
Нетерпеливо броситься, схватить и овладеть,
Не подчиняясь разуму иль видению души, -
Вот, побуждение единственное естества его.

380. Он безрассудно тратил силу жизни, чтоб невозмож-
ного достичь:

Презрев прямую верную дорогу, он несся по путям изви-
листым

И оставлял всё то, чего добился, ради того, что не испро-
бовал ещё;

Он видел недостигнутые цели безотлагательной судьбы
своей

И выбирал рискованный обрыв для своего прыжка к
небесным сферам.

385. В азартных играх жизни его система – авантюра,
Случайные успехи воспринимал он за надежный резуль-

тат;

Ошибки не смущали самоуверенное представление,
Не знавшее глубокого закона о дорогах бытия,
А неудача не могла замедлить горячей хватки;

390. Один счастливый случай воистину оправдывал всё
остальное.

Попытка, не победа, пленяла жизнь его.

Сомнительные ставки, да и призер сомнительный -
Инстинкт родил его, отцом был разум жизни:

Бежал он в этом состязании и приходил то первым, то по-
следним.

395. И всё-таки его работа была ни мелкой и пустой, ни
не имеющей значения;

Он вскармливал частицу силы Бесконечья

И мог создать всё самое высокое, что пожелала бы его
фантазия;

Его страсть схватывала то, что упускал спокойный ум.

Внезапный импульс озаренья свою способность возлагал
на небеса,

400. Возвышенная Мысль которых была сокрыта в тумане
ослепляющем:

Он уловил мерцания, которые открыли нам солнце скры-
тое,

Исследовал он пустоту и обнаружил там сокровище.

Часть интуиции окрашивала чувство в пурпур;

Метнув молниеносную стрелу, он поразил незримое.

405. Он видел в темноте и слепо щурился при свете,
Полюс его было неведение, неведомое – выигрышем.

Из всех трех Сил самой великой была последняя.
Явившись позже первых двух из дальних планов мысли
В мир Случая, сложившийся и иррациональный,

410. Где всё было вслепую сделано и ощущалось грубым,
И случай этот представлялся неизбежным,
Добрался Разум – мастеровитая божественность, сошед-
шая на землю,

Из дома своего на узком гребне Времени.
Эксперт по планам творческим и чистой выдумке,

415. Лик размышляющий с внимательными строгими гла-
зами -

Она – эта божественность – завоевала себе сразу место
прочное и постоянное -

Сильнейшая, мудрейшая из этой Троицы, подобной трой-
ке троллей.

Вооруженная своею линзой, линейкой измерительной и
пробником,

Она смотрела на вселенную, как на предмет,

420. На массы, что живут и умирают в ней,
На вещество Пространства и убегающую душу Времени
И брала землю, звезды в собственные руки,

Чтобы понять, что может она сделать из этих предметов
странных.

В уме своём могучем, целеустремленном и усердном

425. Изобретая схемы и черты реальности,

И диаграммы правильные плана своего во времени,

Она перемножала срезы эти неторопливые, частичные на

Истину:

К загадкам и неизвестным фактам нетерпимая

И раздраженная всем тем, что уникально и не подчиняется законам,

430. Марш Силы осуждая,

Навязывая ясность самому непостижимому,

Она стремилась мир мистический к определенным правилам свести.

Она не знала ничего, но всё вокруг надеялась познать.

В лишенных мысли темных царствах бессознательных,

435. Командированная высшим Интеллектом,

Чтоб бросить луч свой на Простор туманный,

Несовершенный свет, массу заблудшую ведущий за собой

При помощи идеи, слова, силы чувств,

Она выведывает ход развития Природы, её причину и субстанцию.

440. Чтобы всю жизнь гармонизировать мышлением,

Она сражается с гигантской путаницей;

Невежественная, но наделенная умом пытливым,

Она пришла спасти мир от Неведенья.

Неограниченная труженица во всех веках,

445. Мир сущий этот наблюдая и изменяя его форму,

Она эту тяжелую обязанность самоуверенно взвалила на себя.

Низко склонённая могучая фигура сидит, согнувшись
Под сводом ламп, в своём жилище производственном
Средь грохота и звона своих инструментальных средств.
450. Взор строгий, пристальный её глаз созидательных,
Преобразующий пластичную материю космического Ин-
теллекта, -

Она находки мозга собственного сложные
Внедрила в образ вечной неподвижности:
Индифферентная к немым запросам космоса,
455. Не сознающая ни сердца, голоса лишённого,
Ни мысли, что не высказана, ни реалий скрытых,
Она решается изобретать свои железные законы, свои ми-
ровоззрения

И построения стальные, и формы механические
Для мира сущего всего, чтоб жизнь в них заточить.
460. Для мира, принятого ею, она сплетает мир задуман-
ный:

Она прядет густыми невещественными линиями
Ткань легкую словесную своей абстрактной мысли,
Свои сегментные системы Бесконечья
И богооправдания свои, космогонические схемы
465. И вымыслы, которыми она необъяснимое трактует.
С пробелами, по воле она располагает в тончайшей атмо-
сфере разума,

Подобно картам, висящим в некоей школе интеллекта,
Заталкивая силой Истину широкую в систему узкую,
Свои бесчисленные строгие враждующие философии;
470. Из феномена вещества Природы

Она вырезывает острым краем Мысли линиями строгими,
Похожими на рельсы, по которым движется магического

Мира сила,

Свои науки точные и совершенные.

На колоссальных обнаженных стенах незнания людского,
475. Исписанных сплошь знаками Природы тайными, без-

молвными, глубинными,

Она рисует буквами понятными простыми

Энциклопедию обширную своих соображений;

Она выстраивает алгебру своих математических обозна-
чений

И формулы непогрешимые, и числа,

480. Чтобы объять краткую суть явлений жизни.

Как будто бы по стенам некоей космической мечети,

Вычерчивая письменными строками её законов,

Как арабесками искусными фигурными,

Струится мудрости её искусство, приём искусный её уче-
ности.

485. Искусство это – прием искусный этот – единственная
для неё опора.

В трудах высоких её беспримесного интеллекта,

В её уходе из ловушки чувств

Нет разрушенья стен ума,

Не появляется внезапно раздирающая вспышка абсолютной силы,

490. Не пробуждается свет некой убежденности небесной.

Здесь миллионы лиц рядятся в знания её,

И каждое из них увенчано сомнения тюрбаном.

Всё подвергается сомнению сейчас, всё обращается в ничто.

Когда-то грандиозные по механизму массового действия,

495. Писания мифические древние стираются от времени,

А на их месте возникают жесткие недолговечные свидетельства;

Такое изменение непрерывное в её глазах развитие знаменует:

Её намерение – какой-то бесконечный марш без всякой цели.

Нет той вершины, на которой она может встать

500. И охватить единым быстрым взглядом всё Бесконечье.

Игра незавершенная – труд тяжкий Силы Разума.

Любая сильная идея может использовать её как инструмент свой;

Исследуя любое дело, она ссылается на случай свой.

Она не может знать, как следует открыть идею каждую.

505. Защитник вечный, посаженный на роль судьи, -

Она кольчугой неуязвимой логики всё время покрывает
Массу бойцов за трон сокрытый Истины

И восседает на высоком лошадином крупе аргумента,
Чтоб вечно биться словесной пикой

510. В турнире пародийном, где победить никто не может.

Испытывая ценности мышления своими тестами суровыми,

Она сидит в пустой обширной атмосфере, уравновешенная,

В беспристрастной позе, холодная и чистая.

Её суждения считаются как абсолютные, но нет ни одного бесспорного,

515. И время отменяет все её вердикты при апелляции.

Вид делает она, что знание её идёт с самих небес,

Хотя оно – как лучик жука-светлячка, которым разум наш является,

Его лучи – сияние в Ночи неясного фонарика;

Накидывает сила эта лишь некую блестящую одежду на Неведенье.

520. Только утрачена сейчас её древнейшая державная претензия

Повелевать высоким царством разума по праву абсолютному её,

Повязывать мышление непогрешимой выдуманной цепью логики

Иль видеть правду неприкрытой в абстрактной яркой

дымке.

Хозяйка и раба бесплодного явления -

525. Она передвигается лишь по дорогам ошибочного
взгляда

Иль наблюдает мир механистичный и шаблонный,

Построенный своими инструментами себе самой.

Как вол, который запряжен в телегу перепроверенного
факта,

Она огромные тюки познания тащит сквозь прах Мате-
рии,

530. Чтобы добраться до базара необъятного полезности
и выгоды.

Она из подмастерья превратилась в старую рабочую ло-
шадку;

Обуреваемое чувство – арбитр её стремления.

Она использует его сейчас как пробный камень.

Как будто бы не ведая, что факты лишь шелуха на истине,

535. Она всю шелуху хранит, зерно отбрасывая в сторону.

В минувшем блекнет мудрость древняя,

Праздной историей становится стареющая вера,

Бог исчезает из мысли пробудившейся,

Отброшенные старые мечты отныне не нужны:

540. И всё ж она стремится отыскать механистичные клю-
чи Природы.

Считая неизбежными законы каменные,

Она копает в твердой сокрывающей земле Материи,

Чтоб выявить процессы всех явлений происшедших.

Перед её нетерпеливым и восхищенным взором сейчас же предстает

545. Тяжелый и огромный, самопроизводящий механизм

Замысловатая нелепая машина

Заказанного, рокового и безошибочного Случая:

Искусный, тщательный, детальный

И грубый, и не осознающий, и аккуратный механизм его

550. Развертывается в непогрешимом марше, на карте отмечая безопасный путь;

Планирует он без размышления, без воли действует

И миллиону целей служит безо всякой цели,

И мир разумный строит без разума какого-то.

Нет у него творца, инициатора, идеи: его обширное

555. Самовоздействие осуществляется без видимой причины;

Неодолимо подгоняемая, мертвая Энергия,

Как смерти голова на теле Неизбежности,

Жизнь порождает и считается отцом сознания,

А после удивляется: зачем всё это совершилось, да и откуда что пришло.

560. Все наши мнения – машины необъятной части,

А все раздумья – некое чудачество закона сущности Материи.

Фантазией иль слепотой было мистическое знание.

Сейчас нам больше не нужны ни дух и ни душа:
Материя же стала восхитительной Реальностью,
565. Запатентованным и неизбежным чудом,
Суровой истиной всего вокруг – простой, единственной и
вечной.

Губительный и опрометчивый процесс расходования вещества,

Который мир творит с помощью мистерии своих потерь,
Излил работающие части механизма, рассеяв их в пустом
Пространстве;

570. Позднее саморазрушающая Сила

Сожмёт распространение вселенское, которое сама и со-
творила:

Тогда сей труд бессмысленный, громадный и тяжелый и
закончится -

Останется пустая Пустота незанятая, голая как прежде.

Так подтвержденная, новейшая, законченная Мысль

575. Мир объяснила и подчинила все его законы самой
себе, притронулась

К корням безмолвным и пробудила скрытые громадные
энергии;

Она заставила служить ей неосознающих джиннов,

Которые без пользы спят в невежественном трансе самой
Материи.

Всё было точно, строго, очевидно.

580. Когда же на вековой скале Материи обосновалось

Нечто целое и встало явно, твердо и надежно,
Всё отшатнулось в поток сомнений;
Замысел Её прочный растворился в потоке нескончае-
мом:

Она там встретила бесформенную Мощь творца всех
форм;

585. Внезапно она наткнулась на незримое:

Молния неисследованной Истины

Своим обескураживающим блеском встревожила её
И пропасть создала между Известным и Действительным,
Теперь все знания её невежеством представились.

590. Мир снова стал сплетением чудес,

Течением магии в магическом пространстве,

Неясными глубинами чудесного,

Источник чей потерян в Непередаваемом.

Мы снова чистое Непостижимое встречаем здесь.

595. В крушении ценностей, в гигантском судьбоносном
разрушении,

В рассеянии и распылении этой прорывной работы

Она мир созданный, хранимый ею, потеряла.

Остался танец квантов, движенье хаотическое случая

В огромном быстром завихрении Энергии:

600. Движеньё беспрестанное в безмерной Пустоте

Создало формы безо всякой мысли или цели:

Бесформенную тенью стали Причина и Необходимость;

Материя была случайным эпизодом в потоке бытия,

Закон – привычкой незрячей силы, заведенной как часы.

605. У идеалов, способов движения к цели и этики основы не было,

И вскоре они ослабли и стали существовать без одобрения;

Всё превратилось в хаос, некие потуги и столкновение, и раздор.

Неистовые противоречивые идеи обрушились на жизнь;

Серьезное давление это держало на плаву анархию -

610. Свобода стала лишь именем пустым:

Творение и разрушение вальсировали на груди израненной

Трепещущей земли, в объятия заключив друг друга;

Кружилось всё вокруг, как будто это танцевала Кали.

Так спотыкаясь, падая и простираясь в Пустоте,

615. Хватаясь за подпорки в этом месте, чтобы встать,

Она при этом видела атомистический Простор,

Рассеянные редкие частицы субстрата космоса,

Что держат на себе феноменальный облик мира плотного.

Был там лишь ход движения событий

620. И многогранная пластичная изменчивость Природы,

И смертью подкреплённая способность творить иль убивать,

И сила всемогущая невидимого, расщепленного на части, атома.

Остался шанс, что здесь могла присутствовать энергия,

Способная освободить людей от старых неадекватных средств

625. И сделать человека властелином над всей земной природой.

Тогда бы Разум смог заставить Силу изначальную
Вести свою машину по дорогам времени.

Тогда бы всё могло служить потребностям людским,
При этом Государство совершенное порядок совершенный обретает,

630. И к типовому совершенству приводится всё на земле,
И точно, как машину, строят общество.

При этом разум и наука, не беспокоясь о душе,

Смогут, отбросив трудности, создать спокойный и однообразный мир,

Извечные искания сведутся к внешним истинам,

635. Шаблонное мышление вытеснит разум,

Навязывая логику Материи видению Духа,

Из человека сделает разумное животное,

А из его жизни – однообразную структуру.

И это было бы вершиною Природы на мрачной, темной планете этой,

640. Великим результатом долгой, тяжкой, вековой работы,

Венчающей земную эволюцию и завершающей людскую миссию.

Так в точности могло б случиться, если бы дух впал в

спячку;

Тогда бы человек мог жить в покое и довольстве,
Хозяином Природы, который был однажды её рабом,
645. И цементировать в Закон весь беспорядок мира,
Если б внушающее ужас сердце Жизни не взбунтовалось
бы,

И если б Бог внутри не смог бы нам найти план более великий.

Но многолика космоса Душа;

Одно касание способно изменить застывший план Судьбы.

650. Случится может внезапный поворот, появится дорога некая.

Ум более значительный может узреть некую Истину, важнее прежней,

Или, быть может, мы найдем, когда все остальные будут не в состоянии,

Ключ идеальной перемены, сокрытый в нас самих.

Из грязи поднимаясь, в которой проползают наши дни,

655. Сознание Земли способно обручиться с Солнцем,

Жизнь смертная – скользить на крыльях духа,

А наша ограниченная мысль – общаться с Бесконечьем.

В тех ярких царствах Солнца восходящего

Всё есть рождение во власти света:

660. Всё, что искажено здесь, хранит там свой счастливый

образ,

Всё, что запутано, повреждено здесь, там – чистое и цельное;

Но каждое – лишь некий уходящий шаг, лишь стадия момента.

Осознавая за деяниями своими Истину повыше рангом,
Посредница сидела и смотрела на свои дела,

665. И ощущала чудо в них и силу,

При этом зная истинную мощь, стоящую за ликом Времени:

Она решала некую задачу, послушно повинуюсь данному ей знанию,

Глубины её сердца стремились к грандиозным идеалам,

Из света всматриваясь в свет, гораздо ярче существующего:

670. Ограда яркая вокруг её мощь ограничивала;

Она трудилась, подчиняясь этим ограничениям, при этом зная,

Что самый точный её взгляд был верен лишь наполовину,

А самые мощнейшие дела лишь проходными действиями были.

Ибо не Разумом творение было создано,

675. И не посредством Разума можно увидеть Истину,

Которую сквозь покрывала мысли и ширмы чувства

С трудом способно обнаружить виденье духа,

Ослабленное из-за несовершенства средств.

Наш низший Разум привязан к обстановке низшей,
680. И восприятие его – не что иное, как внешнее прикосновение духа,

Проснувшегося в мире Несознания наполовину лишь;
Он ощущает существа и формы мира, как тот,
Кто вынужден наощупь двигаться в Ночи неведенья.
В этом сравнительном шаблоне родившихся недавно разума и чувства

685. Желание – плач младенческого сердца, рыдающего по блаженству,

Наш разум – мастер по игрушкам,
Творящий правила для незнакомых игр, сбивающих с пути.

Она ж, чьи были карлики-помощники, однако, знала,
Чей взгляд самоуверенный план ограниченный принял за цель дальнюю.

690. Тот мир, что уже создан ею, есть промежуточный отчет

Какого-то скитальца, идущего к полуоткрытой истине явлений

Идвигающегося от незнания к незнанию.

Ибо ничто нам не известно полностью, пока хоть что-то остается скрытым;

Только тогда, когда всё видно нам, известна Истина.

695. Плененная Всем тем, что есть Единый,

Она стремится к свету большему, чем тот, что её принад-

лежит;

Она мельком увидела лик Бога, сокрытого за культами и верами её:

Она осознает, что обнаружила лишь Его форму, одеяние,
Но каждый раз надеется увидеть Его в сердце собственном

700. И ощутить тело реальности Его.

Пока же только маска здесь, а не Его чело,

Хоть, иногда, два скрытых глаза проявляются:

Разум сорвать не может мерцающую эту маску,

Его сила лишь заставляет маску мерцать ещё сильнее;

705. Она пакует Неделимое в пакеты;

Найдя, что её руки слишком коротки, чтобы удержать ширь Истины,

Она крошит на чуждые фрагменты всё Знание

Или высматривает исчезнувшее солнце сквозь облака, бегущие по небу:

Она глядит, того не понимая, что видит -

710. Не понимая мириадом аспектов бесконечности

В обличьях зафиксированных ею конечных проявлений.

Однажды Лик тот должен будет огнем прорваться сквозь маску ту.

Наше невежество, как куколка, рождает Мудрость,

Ошибка наша со знанием новым в союз вступает на своем пути,

715. И темнота её – лишь потемневший узел света;

Мысль об руку танцует с самим Неведеньем
На сером полотне дороги, которая петляет к Солнцу.

Когда же её пальцы неловко обращаются с узлами,

Что связывают их в такое странное содружество,

720. В определенные моменты их семейных ссор

Подчас мелькают вспышки Пламени, свет проливающего

на всё вокруг.

Значительные мысли в это время здесь появляются без
чьей-то помощи:

Они сюда приходят, вооруженные непогрешимым словом

И облаченные в интуитивный свет,

725. Являющий собой согласие, идущее из ока Бога;

Глашатаи далекой Истины – они сверкают,

Прибывая из края Вечности.

Из этих бесконечностей появится огонь,

Великий Гнозис будет мир рассматривать оттуда,

730. Вычеркивая в некоем всеведении далеком

Ярчайшие моря из тихого, но восхищенного событием,

Единог,

Что озарят таинственное сердце сущности явлений.

Вечное знание огонь тот доведет до Разума,

И принесет Неведенью его конец, а жизни – её цель.

735. Вверху, в высокой неподвижной стратосфере,

Бросая тень на тройку наших карликов,

Как претенденты на неограниченное Беспредельное, су-

ществовали

В стенах, небесами ограниченных, Пространства пленни-
ками

В безостановочном круговороте времени,

740. Тоскуя страстно по прямым дорогам вечности,

Взирая со своих высот на мир под ними,

Два солнцееких Духа, свидетельствующих сущее вокруг.

Сила, способная возвысить сей мир медлительный,

Плыла надменно высококрылой и обширной Мыслью

Жизни,

745. Ни разу не ступавшей на твердую незыблемую почву:

Привыкшая жить в синем бесконечьи,

Она парила в небе, залитом солнцем, в котором светились

звезды;

Недостижимый дом Бессмертных видела она вдали

И слышала оттуда голоса Богов.

750. Бунтарь и разрушитель бастионов Времени,

Переходящий все границы, переступающий любое прави-

ло, -

Она те мысли зажигала, что сквозь столетия сверкают,

И побуждала к действиям сверхчеловеческой, огромной

силы.

В тех даях, достичь которых мог сей легкокрылый Дух,

755. Осматривая будущее в поисках великих и блиста-

тельных,

Она разведывала перспективы судьбы своей мечты.

Способная постигнуть и не способная достичь,
Она чертила карты своих идей и планы видений,
Что слишком велики для всей архитектуры смертного
Пространства.

760. А за пределами – в той шири, где нет опоры для ноги,
Имажинист Идеи бестелесной,
Бесстрастный к зову чувства, жизни,
Чистейший Разум Мысли обозревал космическое дей-
ство.

Архангел царства непорочного, переступающий пределы
все,

765. Он наблюдал мир с исключительных высот,
Святящихся в пустой далекой атмосфере.

Конец Песни десятой

Песнь одиннадцатая

ЦАРСТВА И БОЖЕСТВА БОЛЬШЕГО РАЗУМА

Здесь не было ограничений Силы, трудящейся усердно,
Но не исчезло здесь творение и бытие.

Поскольку Мысль выходит за пределы круга разума люд-
ского,

Она, конечно же, значительнее своего земного инструмен-
та:

5. Природа бога, втиснутая в узкую одежду разума,
Стремится выскользнуть из этих рамок в любую сторону
той шири,

Которая является проходом в Бесконечье.

Она без остановок движется в духовном поле,

Как порождение и как служанка силы духа,

10. И как бегунья к дальнему божественному свету.

Бывает, редко, разум возвращается с вершины безымянной.

Вся суть его расширилась и вышла за пределы поля Мысли.

Поскольку вечен дух, и он не сотворен,

То не мышление его величие родило,

15. И знание мышлением этим не обрести.

Он знает самого себя и пребывает в себе самом,

Он движется в тех сферах, где мысли нет и формы нет.

Стопы его спокойно утвердились на ограниченных явлениях,

Крылья его могут без страха пересекать всё Бесконечье.

20. Плывущее в круг знаний Ашвапати волшебное странство

Великих и чудесных встреч звало его туда,

Где Мысль нашла себе опору в Виденьи, что вне пределов мысли,

И мир сформировала из Немыслимого.

На тех вершинах, где воображению места нет,

25. На горизонтах взора неустанного,
Под голубой вуалью вечности
Во всём своем величии виднелся идеальный Разум,
Распространенный за пределы всех границ, известных
нам.

Источник некой малости, которой мы являемся, который
также

30. Преисполнен тем бесконечно большим, чем стать
должны мы после,

Опора некая всего, что совершает сила человека,
Творец надежд, земель ещё не воплощенных, -
Распространяется он за пределы растущей вширь вселен-
ной;

Перелетает Разум через границы любой Мечты,

35. Он – выше потолка парения жизни.

И пробужденный в светлых сферах Мысли,

Открытый к необъятностям всезнающим,

Бросает он в наш мир свои влияния, увенчанные властью,

Свой темп, опережающий неторопливый ход часов,

40. Силу свою, что шествует сквозь Время неодолимо,

И мощь свою, которая перекрывает пропасть меж Богом
и человеком,

И свет, который бой ведет с Неведеньем и Смертью.

В обширной сфере Разума в Пространстве идеальном,

Где рука об руку идут величие и красота,

45. Истины Духа приобретают формы живых Богов,

И каждый из них способен мир построить по праву собственному.

В той атмосфере, где заблужденье и сомненье
Не могут оставить пятен от своего уродства,
В общении с задумчивой уединенностью той истины,
50. Что видит в свете безошибочном,
Где взгляд не дрогнет и мысль не шелохнется,
Свободные от ноши тяжелой слёз нашего мира,
Его творения озаренные, мечтая, созерцают
Те самые Идеи, что населяют вечность.

55. В сверкании солнечном восторга и с мощью совершенной

В краях уверенности озаренной,
В собраньях счастья прочного,
Над нами царствуют Владыки Совершенства.

Те царства далеки от нашего труда, стремленья страстного
и зова:

60. Приют святой и царство совершенства
Закрывается для неясных мыслей и ума людского,
Отделено от поступи неясной смертной жизни.

Поскольку «я» сокровенные – близкие родственники наши,
Дыхание недостигнутой божественности всё ж иногда
приходит

65. На землю, ещё несовершенную, где мы усердно трудимся;

Сквозь золотой, сверкающий эфир

Свет падает на жизни, которые раздражены и недовольны,
Мысль опускается из идеальных царств
И движет даже здесь нас к модели новой,
70. К величия и привлекательности образу
И чуду за пределами надежды смертной.
Среди тяжелого однообразия идущих чередою дней,
Опровергаемая законом человеческим,
Вера в явления, которых нет, но быть должны,
75. Живет как друг блаженства и страданья мира,
Как некое дитя непостижимого запретного желания души

Дитя, рожденное от её тайного романа с вечностью.
Наш дух тогда освобождается от окружения собственного;
Грядущее притягивает ближе свой чудный лик,
80. Его божественность глядит на нас глазами настоящего;
Деяния, которые считали прежде невозможными, вырастают в настоящем;

Мы чувствуем бессмертие героя;
Сила и мужество, к которым смерть не может прикоснуться,

В телах, что смертны, и в сердцах, что слабы, просыпаются;

85. Нас движет скорый импульс воли,
Что презирает медленное трудное течение смертного времени.

Порывы эти приходят не из чуждых сфер:

Мы – граждане родительского Государства,
Мы, как авантюристы, колонизировали ночь Материи.

90. Наши права сейчас отменены, и аннулированы наши
паспорта;

Живем мы добровольными изгнанниками из нашего
небесного жилища.

Луч странствующий Разума бессмертного
Признал земную слепоту и стал
Мышлением человеческим, слугой Неведенья.

95. Изгнанник некий и чернорабочий на этом ненадежном
небесном теле,

Пленённый и ведомый неведающей властью Жизни,
Стесненный нервами коварными и клетками неясными, -
Мечтает он о состояниях счастливых и силах благород-
ных,

Врожденной привилегии богов безгрешных,
100. По-прежнему взывая к независимости старой.

Среди земных туманов, мглы и грязи
Он ещё помнит край собственный, возвышенный,
Высокий город своего прекрасного рождения.

Украдкой приходит память от Истины небес, утраченной
доселе,

105. Обширное освобожденье подступает ближе, Слава
зовёт,

Проглядывает мощь, блаженство отрешенное.
В пленительных потоках света потаенного блуждая

Яркою тенью самого себя,

Этот сомнительный нетерпеливый проводник слепых богов,

110. Этот охранник маленьких лампад, раб и посланник,

Что нанят телом для земного пользования,

Среди реалий грубых забывает о своей работе;

Он восстанавливает право суверенное своё,

Он снова носит мысли мантию пурпурную

115. И познает в себе царя, провидца Идеала,

Причастника, пророка Нерожденного,

Наследника блаженства и бессмертия.

Реально всё, а здесь это – одни мечты: в непознанных глубинах наших

Спит истины резервный фонд – собрание мечтаний.

120. Они царят на недостигнутых высотах и к нам приходят

В мыслях, размышлениях, в привычных облачениях из света.

Но воля наших карликов, холодный и практичный смысл

Не принимают этих гостей небесных:

Эти мечтания, нас ожидающие на пиках Совершенства,

125. Хранимые незримо в сокрытом нашем «я»,

Но иногда, при пробуждении души, мгновенно озаряемые,

Обычно прячут от наших жизней своё величие и красоту, и силу.

Жизнь наша иногда реально ощущает их царское прикосновение,

К светящемуся трону их стремится наше будущее:

130. Они взирают пристально из тайников духовных,

И в коридорах разума мы слышим их бессмертные шаги:

Наша душа может взбираться на сияющие планы их;

Широты, из которых прибыли они, способны стать и нашим домом.

Вернув себе обратно пронизательного взгляда привилегию,

135. Мыслитель прошагал на территорию бессмертных

И снова пил там из могучего и чистого источника.

И оставаясь незатронутым в привычной тишине и радости,

Он превосходно видел в беспредельном свете

Не знавшие паденья страны и миры, что были мыслью сотворены,

140. Где Знание – деяния руководитель,

Материя сотворена из мыслящей субстанции,

А чувство – птица, парящая на крыльях из мечтаний в небесах, -

Внимает зову Истины, как голосу родителей,

И яркое обличие её внезапно появляется из всетворящего луча,

145. Где Воля – это сознательная колесница Бога,

Где Жизнь – струя сверкающая Силы размышляющей -

В себе содержит голоса всех Солнц мистических.

Мысль нам приносит счастье истины, нашептывающей
свои секреты;

Струятся там в её потоке, улещая грудь Пространства,

150. Смех из бессмертного ядра Блаженства,

Восторг неизмеримый от безвременья,

Журчащий голос Мудрости в Непознанном,

Дыхание незримой Бесконечности.

В мерцающей прозрачности той атмосферы аметистовой

155. Свободный и всесильный Дух Разума бессмертного

Сидел и размышлял на лотосе лазурном Замысла.

Божественное золотое солнце непреходящей Истины

Излило тайну вечного Луча

На бесконечный океан открытия

160. Сквозь тишину, трепещущую словом Света.

Соединяющиеся полушария увидел Ашвапати вдалеке.

На возвышающемся гребне транса созерцания

Великие ступени мысли вели вверх круто к вечным вы-
сям,

Где Времени прошедшего хребты касаются небес бес-
смертия,

165. И где Природа разговаривает с духом Абсолюта.

Первым приблизилось тройное царство упорядоченной
мысли -

Начало скромное большого восхождения:

Вверху сияли ярко бесплотные небесные чертоги разума,
Парение нескончаемое, плотное, как если б небеса теснили небеса,

170. На бастионы света опиралось в полной Пустоте;
К добрососедской вечности стремилось высочайшее,
И в бесконечность расширялось широчайшее.

Хоть эти царства и могучи, и бессмертны, и божественны,
Они всё ж родственны, близки людскому разуму;

175. Их божества как раз и формируют пути нашей высокой мысли,

Часть их могущества может принадлежать и нам:

Их широта сравнима с широтою наших душ,

Их высота сравнима с высотой надежды человеческой.

Тройной полет показывал путь к тройственному миру.

180. Для сил обычных дорога вверх трудна, но именно отсюда

Открылся вид прекрасный на уровень земного естества:

Подъем тот не был чрезмерно крут, и можно было

В любой момент вернуться, следуя до самого подножья,

Чтобы вплотную пообщаться с вселенной смертных.

185. Могучие хранители дороги восходящей этой,

Которые поддерживают связь с творящим Словом,

Здесь ждали душу пилигрима, вплотную связанную с небом;

Держа в своих руках ключи от Запредельных Сфер,

Они познания свои тотчас же предложили разуму, стре-

мящемуся вверх,

190. И жизнь наполнили бескрайней Мыслью.

Глашатаи-пророки оккультного Закона

И пламенные иерархи небесной Истины,

И толкователи людского взгляда и взгляда Бога -

Они огонь бессмертный принесли всем смертным людям.

195. Играя всеми красками и воплощая мир незримый,

Хранители пресветлых уровней Предвечного

Стояли перед Солнцем лучезарными фалангами.

Издалека они казались символическими образами,

Источниками озаренными неясно видимого манускрипта,

200. В котором наше видение запечатлевает совершенный

Луч,

Или иконами, которые изображали мистическую Истину,

А ближе виделись Богами и Присутствиями сущими.

Полоска фризов отделяла ступени, вниз идущие;

На небольшом пространстве, причудливо украшенном,

205. Те образы собою представляли всецелый смысл этого

мира:

Здесь символы являли радость от совершенства жизни,

Диковинные звери олицетворяли Природы живые силы;

Разбуженный и удивленный своей ролью, человек

Здесь превратился в неискаженный образ Бога,

210. А разные предметы были изящным штемпелем гос-

подства Красоты;

Все эти барельефы отображали уровни дороги той.

Перед лицом явления бога на Земле те фавориты
Мира вечного блаженства, кто получают удовольствие от
Мира Времени,

Хозяева реалий существующих и времени властители,
215. Товарищи по играм Природы юной и новорожденно-
го Бога,

Творцы Материи при помощи неявного давления Разума,
Чьи мысли тонкие поддерживают бессознательную Жизнь
И направляют игру воображения бесчувственных собы-
тий,

Стояли там и видели, как появилась раса богов молодых и
остро зрящих -

220. Ребенок-царь родился на изначальном плане Мудро-
сти,

Чтоб в Её школе изучать игру мистическую творения ми-
ра.

Небесные масоны вечного Волшебника, создатели
И меры устроители на части разделённого Пространства -
Они свой замысел осуществили, создав

225. Жилой, известный дом незримого царя.

Послушно подчиняясь непостижимому распоряжению
Вечного,

Они построили на материальном плане сущего
Обширный мир – сад детский для обучения юных душ,
Где дух младенческий при помощи ума и чувства науча-
ется

230. Читать по буквам рукопись вселенскую

И изучать предмет космического «я»,

Искать сокрытый смысл всецелого.

Всему, что замышляет Дух, они находят почву;

Склоняя мать-природу к зримым прихотям,

235. Они дают на время конечный образ бесконечной су-

ти.

Любую силу, что проскочила из Непроявленного мира,

Оставив за собой всю широту покоя Вечности,

Они хватают и удерживают по прихоти своей формальной,

И фигуранткой делают космического танца.

240. Они её свободные капризы законами циклическими

сдерживают

И вынуждают принять их линию и положения

В том колдовстве вселенной, упорядоченной ими.

Всесодействующий был в форму заключен,

Единство раздробили на не особенно большие единицы,

245. А бесконечье встроили в космическую сумму:

Разбили беспредельное Пространство на кривые,

Неразделяемое Время разрезали на мелкие минуты,

Всё бесконечно малое собрали в кучу, чтобы надежно со-

хранить Мистерию Бесформенного, вброшенного в форму.

250. Искусство их изобрело для применения

Очарование знаков и магию последовательности чисел;

Сила намерения чудесная была охвачена

И отяжелена значением и красотой;

И по определяющему распоряжению их

255. Число и качество, приравненное к каждому числу,

Соединились в неразрывную тождественность.

К событию любому они приклеили закона разные изгибы,

Ответственность и плату за тяжесть обстоятельств;

Божественный и правилами не стесненный случай

260. Не принуждал к сиюминутному движению души,

Он только удлинял обремененную судьбой таинственную

цепь -

Предвиденный ход действий плана неизменного,

Ещё один шаг долгого развития неотвратимой Неизбежности.

Для каждой Силы был установлен непреложный срок воздействия,

265. Чтобы сдержатъ Её желание установить контроль над миром,

Деяниям и силовым воздействиям предписано конкретное течение,

А каждому мгновению – заранее назначенное место,

Вполне определенное в спиральной

Временной петле, из вечности сбежавшей.

270. Их мысли неизбежные, подобные связующим цепям

Судьбы,

Причиной непреложной стали и навлекли несокрушимые

последствия

На изменение внезапное, молниеносную реакцию ума,
На хрупкое случайное течение жизни
И на свободу мира сущего – того, что состоит из атомов.

275. Мысль отделилась от пластичной бесконечности,
В которой родилась и из которой сейчас наметила
Отдельные короткие шаги по некому сюжету:

Бессмертное когда-то, а ныне связанное смертью и рождением,

Оторванное от прямоты не содержащего ошибок виденья,
280. Познание было встроено из некого набора умозаключений

В основу жесткую, непрочную и брэнную;

Оно возросло в тех рамках, но сохранится не смогло и, разрушаясь,

Освободило место для тела нового мышления.

Так клетка с большеглазым серафимом мыслей Бесконечья

285. Была крест-накрест заколочена законами земного мира,

И радужное видение Невыразимого

Огородили ограниченной дугой людского горизонта.

Непреходящий Дух был превращен в раба часов,

И сам Несвязанный был брошен в тюрьму рождения,

290. Чтоб сделать мир таким, в котором постигать и править будет Разум.

На той земле, которая смотрела на миллионы солнц,
Они к конечным рамкам, датам, нормам привязали
Движение бесконечных таинств самого Единого,
Чтоб сотворенный Им взрасти властителем Природы
смог,

295. Чтоб полнота Материи была озарена душой.

Вверху шеренгой выстроилась раса архангелов искусных
И широко открытым взором следила за незримым.

Сквозь бездны темные горел в их взгляде

Свет знания, освобождающего мир;

300. Они были разумны и знали правду изнутри;

Взгляд углубленный, сосредоточенный в их сердце,

Мог проникать за ширму результатов Времени,

Вовнутрь образа явлений видимых.

Всё, что избегло узкой западни понятий,

305. Охватывало и распознавало видение; способность

видеть мысли

Дополняла то, что пропускало ищущее чувство.

И архитекторы возможного, что наблюдают свыше,

И инженеры невозможного,

И геометры безграничного,

310. И теоретики непостижимых истин -

Они все выражают постулаты формулами загадки некой,

Соединяя неизвестное с мирами очевидными.

Прислужники – они прислуживают непреходящей Силе,

Прослеживают круг Её работ;

315. Пройдя через Её ограду бессловесной уединенности,
Их разум способен постигать Её оккультный разум
И строить схему Её сокрытых мыслей;

Они прочли все коды, шифры, что Она плотно запечатала,
Они скопировали планы все, что Ею охраняются,
320. Поскольку каждый поворот Её таинственного курса
Определял причину некую и неизменный принцип.

Невидимое стало видимым глазам учащегося
И объяснило замысел громады Подсознания,
И показало дерзкие границы в Пустоте;

325. Так Бесконечье было сведено к квадрату, к кубу.

В порядок устанавливая знак и точное его значение,
Вычерчивая четкую кривую трансцендентной Силы,
Они сформировали кабалу вселенского Закона,
Открыли нить равновесия способа Жизни

330. И создали структуру её мистерии и магии.

Накладывая системы знания на Необъятность,
Они скрепили хитрыми ходами конечной мысли
Свободную логичность бесконечного Сознания
И формализовали ритмы тайные Природы танца,

335. Критически осмыслили интригу драмы всех миров,
Число и цифру сделали ключом к тому, что существует:

Наметили психоанализ космического «Я»,
И проследили все его секреты, и прочли
Неведомую патологию этого Уникального.

340. Чтоб подсчитать неисчисляемый итог Реального,
Извлечь Необходимость из таблицы логарифмов
И в форму поместить тройное действие Единого,
Оценку дали вероятностной системе
От риска исчезающих возможностей.

345. Открытая внезапно, невидимая масса сил,
Потоком уносимая из пригоршней Случая,
Казалось, подчинилась некому глубокому приказу:
Сил этих путанные побуждения образовали некое един-
ство.

Мудрость прочла их направление, неведомое им самим,
350. Их беспорядок был втиснут в формулу,
И из гигантского случайного характера Воздействия,
Которое привычно следует по разным направлениям,
Обособляя каждую неясную черту сокрытого намерения,
Не допускающего перемен,

355. Из хаоса причуд Незримого,
Выведено было исчисление Судьбы.
И с гордостью горячее за универсальное учение
Познание Разума затмило мощь Всеведущего:

Крылатые орлиные могущества Всевечного,

360. Парящими застигнутые в небесах нехоженных,
Вниз устремились, чтобы взмах Мысли этот подчинить:
Взмах каждый затискивал таинственного Бога в обличье
откровения,

Приписывая Его определенные ходы игре Природы -

Ходы, зигзагом следующие по жесту Воли-шахматиста
365. На шахматной доске космической Судьбы.

В ряду обширном предсказанных шагов Необходимости
Мысль Бога и деяние каждое Его -

Их ценность, взвешенная Разумом-бухгалтером,
Проверенная его математическим могуществом, -
370. Утратили божественный вид чуда

И стали некою фигурой в космическом итоге.
Молниеносные капризы и причуды могучей Матери,
Которые возникли в её груди приветливой и страстной
Из-за несдержанного наслаждения,

375. Прикованные к цели и причине, лишились своих чу-
дес;

Идол из бронзы заместил образ мистический Её,
Который пленяет движения космических просторов;
В наброске идеального лица его
Забыто очертание её бровей,

380. Несущее в своём изгибе мечты о бесконечьи,
Утрачено пленяющее чудо глаз;

Могущества Всевечного связали с теоремой упорядочен-
ных ритмов

Биения пульса её глубокого как море сердца:

Те тайные намерения, что были скрыты ею от себя,

385. Склонились самооткровением в исповедалине их.

Они же зафиксировали дату рождения и смерти всех ми-
ров,

Очерчен был и Бесконечности диаметр,
Измерена далекая дуга высот незримых,
И видимыми сделались неразличимые бездонные глубины,

390. Чтобы известным стало всё, что только может быть во времени.

Всё было обозначено числом, наделено названием и формой;

Сказано было всё, и всё подсчитано.

Однако мудрость эта кружилась попусту: они смогли найти и

Сохранить все истины, но не нашли той, что была Единой Истиной:

395. Непознаваемым для них остался Высочайший.

И зная слишком многое, они то целое, что должно знать, не уловили:

Глубокое безмерно сердце мира осталось неразгаданным,
И Трансцендентное свою секретность сохранило.

В возвышенном и дерзновенном восхождении

400. По триединой лестнице к далекой высшей точке

Ступени голые, зовущие наверх, отсвечивали золотом,

Сверкая на пути, ведущему к божественному небу.

Достойные и суверенные Монархи Мысли

Внимание своё, всевидящее пристальное, обратили на Пространство,

405. Обозревая грандиозную работу Времени:

Всесодержашего Сознания широта

Поддерживала Бытие в тиши объятий.

Они – посредники блестящего Незримого -

Проводят по переходу долгому в наш мир

410. Распоряжения «Я»-творца,

Что подчиняют небесам сознательным несведущую зем-

лю;

Их мысли – соучастники в обширном этом руководстве.

Там властвует великое Сознание,

А Разум служит высшей Силе, не ведая об этом;

415. Он – лишь канал, а не источник знания.

Вселенная не есть несчастный эпизод во Времени;

Есть некий смысл в любой игре Случайности,

Свобода существует в каждом облике Судьбы.

Премудрость знает этот мир загадочный и управляет им,

420. Взор Истины в нём формирует существа, события;

Слово, родившее себя на небесах творения,

Вечности Голос в сферах бранных,

Пророчество видений Абсолюта – всё это

Сеет в Форму смысл такого Взгляда Истины,

425. И из такого семени произрастает Времени распро-

странение.

На неких небесах, вне кругозора нашего, сидит Премудрость:

Единственный непогрешимый взгляд приходит с этих вы-

сей;

Безмолвное прикосновение небесной атмосферы
Будит в деяниях неведения, в его туманных безднах
430. Тайное знание силы, которая сокрыта в этой глубине,
И заставляет на поверхность выбраться обманутое Божество,

Необходимость побуждая к танцу неприкрытому,
Когда Оно проходит сквозь кругооборот часов
И от преследования взора смертного скрывается внизу -
435. В кружащих вереницах Времени веков.

Космического вихря силы необъятные
Несут в своих вакхических стремлениях стабильность
Изначального предвидения, которое и есть Судьба.
Неведение Природы является лишь инструментом Исти-

ны;

440. Наше желающее что-то сделать эго не может это изменить:

Но в нас сила сознательная действует,
Зерно идеи порождает наши действия,
А также и судьбу – дитя непризнанное Воли.

Под пристальным, руководящим взглядом Истины, непогрешимо

445. Творения здесь вынуждено раскрывают свои тайны,
Чтоб стать той самой сутью, что они в себе содержат.

Поскольку Он, кто изначально Существует, растит явление годами,

То Божество, что в клетке заперто,
Взбирается к бессмертию из протоплазмы неторопливо.

450. Но скрыта, неохватна для понимания смертного,

Таинственна, невыразима Истина божья,

И уловить её лишь можно только глазом духа.

Разум, лишенный эго и обнаженный, внимает Голосу;

Сквозь свет он смотрит на другой, ярчайший, величай-

ший свет

455. И видит Вечность, заключающую Жизнь в себе.

Эта возвышенная Истина чужда для наших мыслей -

Они выискивают принцип там, где Мудрость независимая

действует;

Мы видим только или легконогую игру Случайности

Или работу принудительную, тяжкую, в цепях закона са-

мой Природы -

460. Абсолютизм беззвучного, бездумного Могущества.

Бесстрашные от ощущения силы, порожденной Богом,

Те мысли осмелились взять в толк понятие абсолютной

Истины;

Абстрактной чистотой не верящего в бога взгляда

И голым восприятием, по форме нетерпимым,

465. Они, надеясь покорить небесную основу Истины,

То довели до Разума, что Разум никогда постичь не смо-

жет.

Сухое повеление, сказанное понятной фразой и выражен-

ное

По форме деловито и непререкаемо,

Перевело всё то немислимое в мысль:

470. Огонь сереброкрылый чувства тонкого, нагого,

Слух разума, избавленный от внешних рифм,

Нашли источник звуков Слова вечного,

Услышали и ритм, и музыку, создавшую миры,

В явлениях ощутили обезличенную Волю к существова-

нию.

475. Они измерили линейкой чисел Безграничное,

Придумали простую формулу для ограниченных творений,

Бессрочность истин воплотили в системах очевидных,

А Вечность сделали служанкой, подотчетной Времени,

И несоизмеримому Всевышнему оценку дали.

480. Чтобы огородить непонятые безграничности,

Они воздвигли стены безусловные из размышлений и речей

И сотворили пустоту, чтобы удерживать внутри неё Единого.

Но по ошибке двигались они к пустой вершине -

Могучему пространству холодного, пронизанного солнцем воздуха.

485. Чтобы объединить решение задачи, исключаящей земную жизнь,

Которая смириться с обнаженностью Простора никак не может,

Они оцифровали множество,
В пустом нашли значение Всего,
В ничто – реальность несомненную.

490. Один единственный закон для простоты убрал космический вопрос,

Сжимая всю Природу в формулу какую-то;
Работа титаническая их всё сделала единым знанием,
Ментальной алгеброй движений Духа,
Понятием пустым, сухим живой Божественности.

495. Здесь мудрость разума остановилась – решила, что достигла полноты,

Ибо ей стало нечего обдумывать и познавать:
На трон она восселась, обладая нулевой духовностью,
И выдала своё глубокое молчанье за Невыразимое.

Это была игра сообразительных богов Мышления.

500. Притягивая непреходящий свет во Время

И вечность заключая в его часах,

Они затеяли поймать в ловушку поступь Истины -

Поймать Её в золотую сеть понятия и фразы

И там, к восторгу некого мыслителя, держать как пленницу

505. В его миру, построенном с мечтами о бессмертии:

Там пребывать должна она, вмурованной навечно в разум

Царица, заключенная в жилище подданного существа,

Безмолвная и почитаемая в его сердце,
Сверкающая собственность, желанная и обособленная
510. Стеной молчания его заветных размышлений,
Безукоризненная в чистой непорочности своей,
Навек всё та же и навек одна.

Она – его Богиня неизменно чтимая во всех веках,
Но также и супруга разума его,
515. Согласно с его характером и волей.

Она санкционирует деяния и вдохновляет речи,
Звучание которых сама же продлевает сквозь года
Как спутница и летописец жизни,
Которую пересекают мыслей яркие тропинки,
520. Сработанные Временем извечным.

Свидетель своей звезды сверкающей,
Божественный служитель царственной Идеи -
Он будет властвовать над миром, распростертым перед
ним;

Она – гарант деяний и суждений – всецело подтверждает
525. Его божественное право вести вперед и направлять,
И, как возлюбленная, обнимает своего любимого.

Богиня его жизненных желаний и преклонений,
Единственный кумир служенья собственного сердца -

Она сейчас принадлежит ему и жить должна для одного
его:

530. Она наполнила его в своих объятиях счастливых
Блаженством неожиданным, неистощимым удивлением

От чуда восхитительного, силы притягательной.

Теперь, после погони долгой, увлеченной он требует её -
Единственную радость его души и тела:

535. Её божественная притягательность – неотвратима,
А хладнокровное владение собой внушает бессмертный
трепет

И упоение, и вдохновение:

Страсть её самораскрывающихся настроений,
Божественная слава и разнообразие решений

540. Способны делать её тело, на взгляд его, всё время
новым

Иль повторять очарованье первого прикосновения

И озаряющий восторг её мистической души,

И трепет её живого тела от биения

Самораскрытия нового, которым несть числа.

545. Начало новое наполнено словами, шутками,

А новое очарованье воскрешает старый поразительный
восторг:

Он потерялся в ней, она – здесь небеса его.

И улыбнулась Истина игре благоприятной и прекрасной.

И, высунувшись из своих пределов вечных,

550. Великая и безграничная Богиня притворилась,

Что уступает сладость солнечную всех своих секретов.

И отдавая красоту свою, она в коротком поцелуе

Его коснулась своими бессмертными губами и, обнимая,

Эту осчастливленную голову прижала к груди своей:

555. Своим жилищем она землю сделала, ибо небес ей было слишком мало.

Так появилось в человеческой груди её оккультное присутствие;

Он её образ вырезал из собственного «я».

Она сформировала тело для объятья разума

И сразу же вошла в пределы мысли узкие

560. И пострадала тотчас же, ибо её величие втиснули

В убогое жилище одной Идеи -

Закрытую палату понимания одного мыслителя.

Она свои высоты опустила, примериваясь к росту наших душ,

Чтобы небесный взгляд ее не ослеплял взор человека.

565. При этом каждый смертный удовлетворен своим высоким достижением

И думает, что осчастливлен больше всех других,

Что он – царь истины, сидящий на своём особом троне.

Тому, кто обладает ею на поле Времени,

Отдельный отблеск её величия, скорее, представляется

570. Истинным светом – ярчайшей полнотой всей красоты её.

Но мысль и слово не могут охватить всю Истину:

Весь мир живет в одном единственном луче её звезды.

В закрытом, тесном, освещенном лампой, доме нашего мышления

Тщета нашего смертного зажатого ума

575. Воображает, что цепи мысли уже сделали её своей;
Но мы с нашими яркими оковами играем лишь;
Притягивая вниз её, мы связываем самих себя.

Под действием гипноза от одной блестящей точки
Не видим мы, сколь малым образом её мы обладаем;

580. Не ощущаем мы её все-вдохновляющую необъят-
ность,

Не разделяем её бессмертную свободу.

Так это происходит даже с мудрецами и провидцами;
Ибо всё человеческое ограничивает всё божественное:

От наших мыслей нужно перепрыгнуть к видению,

585. Нужно вдохнуть её божественной и безграничной ат-
мосферы,

Признать господство её явное, обширное

Отважиться и сдаться полноте её.

Тогда сам Непроявленный отобразит своё обличье

В покое разума, как зеркале живом,

590. Непреходящий Луч сойдет в наши сердца,

И в вечность вознесем мы.

Ведь, Истина гораздо шире и больше, чем её форма.

Из неё сделали тысячу икон

И её находят в идолах, которым поклоняются.

595. И всё же Истина сама собою остается и бесконечной.

Конец Песни одиннадцатой

Песнь двенадцатая

НЕБЕСА ИДЕАЛА

Всегда издалека манил нас верх совершенства – Идеал.

Проснувшись от прикосновения Незримого

И оставляя позади границы все, достигнутые нами,

Стремилась дальше Мысль – неутомимый, сильный первооткрыватель, -

5. Мир новый яркий постигая с каждым новым шагом.

Она оставила

Известные вершины ради ещё непознанных: охваченная страстью,

Она искала Истину, которую осуществить еще не смог никто,

Она стремилась к Свету, не знающему ни рождения, ни смерти.

Каждый подъем неблизкий её души осуществлялся

10. Неизменно в небесах, присутствующих здесь всегда.

И с каждым шагом удивительного путешествия

По лестнице Существования формировалась

Новая ступень восторга и изумления -

Великая широкая ступень, огнем дрожащим озаренная,

15. Как если бы горящий дух там трепетал,

Поддерживая пламенем своим бессмертную надежду,

Как будто некий лучезарный Бог в нём свою душу отдавал,

Чтоб ощутить шаги паломника,
Который в спешке к дому Вечности взбирается.

20. С любого края всех светившихся ступеней
Сквозь синюю прозрачность плывущего Пространства
Был виден свод небесный подлинного Разума,
Похожий на сверкающие ленты, прильнувшие к луне.
Оттенки всех цветов, мерцая, наплывали друг на друга

25. В великолепии утренней зари, нахлынувшей на душу,
С восторгом трепетным сердечной интуиции,
С блаженством самопроизвольным, что приносит красота

Очаровательные царства бессмертной Розы.

Над духом, помещенным в смертное сознание,

30. Проглядывали сверхсознательные царства небесного

покоя,

Под ним – неясная угрюмая пучина Несознания,

Меж ними – за жизнью нашей – бессмертной Розы царства.

Дух дышит тайным воздухом:

Основа он вселенской радости и красоты,

35. Незримый, неразгаданный миром страдающим, слепым;

Взбирающийся из глубин Природы, хранящих его преданное сердце,

Он вечно расцветает у ног Всевышнего,

Питаясь таинствами жертвенными жизни.

Его бутон уже рожден и в человеческой груди;

40. Теперь прикосновением или присутствием его

Мир в землю храма превращен,

И всё вокруг нам открывает незнакомого Возлюбленного.

Во вспышке легкости и радости небесной

Жизнь уступает внутренней божественности

45. И в жертву небесного восторга приносит суть свою,

А душу открывает к счастью.

При этом видится блаженство, которое не прекратится

никогда, -

Нежданная мистерия непостижимой Милости,

Позолотившая цветами наш мир багряной страсти.

50. Высшие боги, которые скрывали раньше свои лица

От страстных и порочных ритуалов людских надежд,

Теперь нам открывают имена свои и силы свои вечные.

Невозмутимое спокойствие в нас пробуждает клетки спя-

щие,

Страсть плоти одухотворяя,

55. И, наконец, осуществляется то чудо,

Ради которого и создали жизнь нашу.

Под куполом безмолвным, белым виднеется сияние

И блики света вечного,

Ярчайшие лучи которого не знают ни рождения, ни смер-

ти,

60. И грудь, что вскармливает солнечного первенца,

И крылья, что теснят безмолвья мысли страстные,

И широко открытые глаза, глядящие в духовное Пространство.

Сокрытые в нас центры силы неземной
Развернуты, как все цветы, навстречу небесам;
65. Разум, пронзенный трепетом Луча небесного, смолкает,

И даже тело преходящее может почувствовать тогда
И идеальную любовь, и счастье безупречное,
И радость от сердечного восторга и сердечной нежности,
Свободную от грубой и трагичной власти Времени,
70. И красоту часов размеренного хода жизни.
Всё это в царствах высших касается бессмертной сути;
Что здесь ещё в бутоне, там расцвело уже.

Там – святость Дома Пламени,
Яркий огонь богоподобной мысли и счастливого блаженства,

75. Восторженный идеализм небесных чувств;
Там – голоса чудесные, смех солнечный,
Журчащие водовороты в реках божьего восторга,
Таинственные виноградники золотого, лунного вина,
Вся сладость и огонь, тень пусть и блеклая которых

80. Жизнь смертную едва ли посещает.
Радости Времени там наблюдают также,
И ощущают прикосновение Бессмертного, сжимающее
грудь,
И слушают игру на флейте Бесконечного.

Здесь, на земле бывают пробужденья ранние, случаются
85. И те мгновения, что вызывают трепет в воздухе божественном,

И взгляд приходит устремленный, пристальный
На золотую Вечность солнечных цветов – земных созданий:

Это и есть непреходящее блаженство.

Тысячью лотосов, колеблющихся на едином стебле,
90. Мир приукрашенный, притворный и мир уже в экстазе
Карабкаются к некому далекому незримому богоявлению.
А на другом конце той самой вечной лестницы
Царства могучие бессмертного Огня достичь стремятся
Неограниченных и совершенных ценностей все-Бытия.

95. Из темноты и горя мира,

Из тех глубин, где жизнь и мысль погребены,
Восходит одиноко к небесам Огонь бессмертный.
В священных тайниках Природы скрытой,

Горит извечно Он на алтаре сакральном Разума;

100. Его жрецы – души богов,

А человечество – дом жертвоприношения Ему.

Однажды разожженный, Он не погаснет никогда.

Огонь, пылающий вдоль тайных троп Земли,

Восходит и насквозь пронзает смертный мир,

105. Пока, несомый гонцами Дня и Сумерек,

Он не войдет в оккультный вечный Свет

И не взберется, раскаляясь добела, на Трон невидимый.

Его миры – ступени восходящей Силы:

Мечты гигантского размаха и титанических масштабов,

110. Дома непогрешимого и озаренного Могущества,

Царства Добра, не знавшего рожденья, неизменного и чи-

стого,

Вершины горние величья Истины вечного света -

Они все начинают проявляться в небе символическом,

А наши души – призываться в его безбрежье.

115. Там, на своих вершинах они поддерживают охранительное

Пламя;

Мечтая о непостижимом Запредельном,

Что оставляет позади дороги все Судьбы и Времени,

Они своими указателями направляют на высоты над со-

бой,

Сквозь бледно-голубой эфир божественного разума

120. К какому-то златому откровенью Бесконечья.

Как гром, который раздаётся на вершинах Бога,

Неутомим и грозен их сильный Глас:

Превосходя земную жизнь, они нас призывают превзойти

самих себя

И предлагают непрестанно взбираться ещё выше.

125. Вершины эти – слишком далеки от нас

И слишком высоки для наших смертных сил; на них вос-

ходят

Только при поддержке сильной и очевидной воли духа

И с напряжением и упоением страстным от тяжкого труда.

Неумолимые, суровые вершины истребуют от нас
130. Усилий слишком долгих для наших смертных нервов

Сердца наши не согласятся с этим, а плоть просто не выдержит;

Лишь сила Вечного способна нас подвигнуть
К приключению огромному на этом восхождении
И к жертве нашей всего того, что дорого нам здесь.

135. Всё наше человеческое знание – зажженная свеча
На тусклом алтаре глубокой светлой Истины,
А добродетель человека – платье грубо сшитое и пригнанное плохо,

В которое облачены безжизненные образы Добра;
Слепая, страстная, запачканная, кровоточащая

140. Его энергия плетется к бессмертной Силе, всё время спотыкаясь.

Несовершенство не дает покоя нашей высшей силе;
Частичные и бледные раздумья – вот наша участь.

Счастливы те миры, которые ещё не ощутили нашего падения,

Где Воля едина с Истиной, Добро едино с Силой;

145. Не доведенные до нищеты нуждою разума земного,
Они хранят в себе природное дыхание могуществ Бога,
Его простые скорые спонтанные глубины;

Там существует «Я» великое – Его открытое для всех зеркало,

А в «Я» – автократия суверенная Его блаженства,
150. Частью которой обладают существа бессмертные -
Наследники и соучастники божественности этой.

Сквозь царства Идеала прошел свободно Ашвапати,
Признал их красоту и вынес тяжесть их величия,
Отведал славы их полей чудесных

155. И пересек без остановки господство их великолепий.
Всё было там значительным, но светом обладало лишь ча-
стично.

В Идее каждой, окрыленной серафимом, высоколобой,
Объединяющей всё знание одною главной мыслью,
Склоняющей все действия лишь к одному, но золотому,
Смыслу,

160. Все силы подчинились одиночной силе
И мир создали, где царить могла она одна -
Жилище совершенное беспримесного идеала.

В знак их победы и веры их
Они преподнесли при входе Путешественнику

165. Негаснущее пламя – неувядаемый цветок -
Эмблему привилегии этого царства высшего.

Сияющий чудесный Ангел этого Пути
Вручил стремлению души

Идеи свежесть и могущество, считая каждую из них

170. Источником глубоким и силой наивысшей Истины,
Сутью значения вселенной,

Ключом бесспорным к совершенству и пропуском в ворота Рая.

Там также были области, где встретились все идеалы абсолютные,

И круг блаженства образовали, скрепив его руками;
175. Свет светом здесь объят был, огонь огнем увенчан,
Но ни один из них не потерял основу Ашвапати,
Чтоб его душу не потерять в единой мировой Душе,
В размноженном восторге бесконечности.

Затем он в круг божественнее прежнего вошел:

180. Там, в нём, объединенные в величьи общем, свет и блаженство,

Все силы высшие, прекрасные, желанные,
Забывшие свои различия и царствие своё отдельное,
Стали одним многообразным целым.

Там, на распутьях Времени,

185. Вне полного Безмолвия и Слова многократного
В нетронутой и неизменной Истине,
На высоте духовной, где все едины,
Объединенные навечно и неделимые,
Сияющие дети Вечности живут.

Конец Песни двенадцатой

Песнь тринадцатая

В СУЩЕСТВЕ РАЗУМА

Туда, где лишь Безмолвие прослушивало Глас вселенский,

Но все неисчислимыя призывы оставляло без ответа,
В конце концов, пришло бесстрастное, пустое небо;
Души вопрос извечный не вызвал никакого отклика.

5. Нежданный результат убил все страстные надежды:
Полнейшее отсутствие движения любого в могучей тишине

Напоминало молчаливого покоя пустоту -
Конечную строку на заключительной странице мысли.
Миров иерархия здесь восхождение остановила.

10. Остался Ашвапати на выгнутой дугою вершине
Наедине с гигантским Существом космического Разума,
Которое всю жизнь держало в углу своих просторов.
Всесильное и неподвижное, и отчужденное

Оно участия не принимало в мире, возникшем из самого него:

15. Оно не вслушивалось в песнь победы
И было безразлично к собственному пораженью.
Оно услышало крик горя, но внимания на это не обратило;
Был беспристрастным взгляд его на зло и на добро,
Оно увидело, что разрушение пришло, но не пошевелилось.

20. Равновеликая Причина сущего, Провидец одинокий

Свидетель-Властелин бесчисленных воздействий самой
Природы,

Дающий разрешение движениям её Силы,

И Мастер многообразия форм -

Оно не действовало, но несло в себе все мысли и деяния.

25. И разум Ашвапати отражал безбрежье этого покоя.

Молчание свидетеля – основа потаенная Мыслителя:

Любое слово образуется в сокрытой тишине глубин,

Любое действие приходит в действующий мир,

В громкоголосый разум из скрытой тишины;

30. Секретностью окутаны те семена,

Что Вечность сеет в Тишину – мистическую родину души.

В непреходящем, высшем, замкнутом в себя молчаньи Бо-

га

Существование видящее повстречало Силу эффектив-
ную;

Так Тишина познала самоё себя, и мысль приняла форму:

35. Двойная сила возродила создавшее само себя творе-

ние.

В безмолвном этом существе жил Ашвапати, а в нём жило
оно;

Ему принадлежали и безбрежье, и спокойствие,

И молчаливые глубины, что слушают мир с давних пор;

Он выпестовал с ним существо единое, свободное и мощ-

ное.

40. Несвязанный и отстраненный Ашвапати смотрел на

всё, что создал он.

Как тот, кто строит то, что сочиняет сам,
И в том, что видит, не теряет самого себя,
Как зритель драмы, выдуманной им самим,
Он посмотрел на мир, увидев его мысли побудительные,
45. Несущие в себе груз ясного пророчества,
Увидел силы с их основой из огня и ветра,
Возникшие из полного безмолвия в его душе.

Казалось, он сейчас всё знал и понимал;

Не стало побуждения и никакого порыва воли не было -

50. Великий возмутитель отставил в сторону свою задачу;

Не было больше ни желанья, ни причины спрашивать.

Он мог там оставаться, став победителем и Существа, и

Тишины:

Его душа нашла покой, познав космическое Целое.

Затем внезапно проявился яркий перст и указал

55. На всё, что видимо, доступно осязанию и слышимо, и

ощутимо,

И показал уму, что ничего познать нельзя;

Постигнуть знание необходимо там, откуда оно к нам при-

ходит.

Луч недоверчивый разрушил всё, что представлялось яв-

ным,

Ударил в корень истинный мыслей и чувств,

60. Которые выросли в мире Неведенья.

Играя под дождем и светом с божественных небес

И устремляясь к сверхсознательному Солнцу,
Они не могут победить, какой бы не достигли высоты,
Каким бы ни был острым их язык при этом.

65. Сомнение разъело даже способ мыслить,
И недоверие было заброшено на инструменты Разума;
Всё то, что Он считал блестящими монетами реальности -
Доказанные факты, вывод зафиксированный, ясность заключения,

Понятный смысл и прочная теория -

70. Представилось фальшивками в кредитном банке Времени или

Активами, которые негодны и ничего не стоят в казначействе Истины.

Неведение, сидящее на неудобном троне,

Своей случайной властью исказило

Фигуру знания, одетую в сомнительную речь

75. И в показные мыслеформы, явно ей несоразмерные.

Оно – как тот

Идущий в темноте, которого внезапно ослепили слабым светом:

Что знал он, было лишь образом в разбитом зеркале,

Что видел он, было реальным, но взгляд его был ложным.

Идеи все в его обширнейшем репертуаре

80. Были похожи на далекие раскаты грома в проходящей туче,

Которая гремела громко, но никакого следа не оставила.

Это был дом хрупкий, висящий в воздухе изменчивом,
Ненадолго подвешенный на дерево вселенной

На тонкой и искусной паучьей нити, вокруг которой он
вращается,

85. Которую он после втягивает внутрь себя. Дом этот –
разум наш -

Был лишь ловушкой, чтобы поймать еду для насекомых
жизни -

Крылатых мыслей, которые едва порхают при недолгом
свете,

Но умирают, если попадутся во фразы жесткие ума

Иль станут целью слабой, но принимающей огромные раз-
меры

90. По человеческим масштабам, мерцаниями яркой дым-
ки воображения

И убеждениями нежизненными, опутанными нитью той.

Магическая хижина уверенностей, собранных до кучи

И созданных из болтовни пустой и пыли яркой,

В которой разум наш хранит свой образ существующей
Реальности,

95. Обрушилась в Незнание, откуда родилась.

Остался только отблеск фактов знаковых,

Накинувший покров на тайну, спрятанную в свете их,

И ложь, основанная на реалиях сокрытых,

Которыми они живут, пока им не настанет Время.

100. Наш разум – это дом, терзаемый сраженным про-

шлым,

Идеями мумифицированными, призраками старых истин,
Бога спонтанными движениями, формальностей цепями
связанными

И упакованными в долгий ящик нарядного стола рассу-
дка,

Или могила для великих и упущенных возможностей,
105. Или контора для обращения дурного с душой и жиз-
нью,

И всеми небесными дарами, что люди превращают в му-
сор,

И с тем, что они разбазаривают из кладовых Природы.
Иль разум – это театральные подмостки комедии Невеже-
ства.

Мир представлялся сценой долгих бесконечных неудач:
110. Бесплодным стало всё, основы безопасной не оста-
лось.

И атакованный стрелою осуждающего света,
Строитель-Разум потерял свою уверенность
В удачной ловкости и верном повороте мысли,
Что превращает душу в пленницу словесной фразы.
115. Ведь мудрость высшая её сверкала лишь предпо-
ложениями,

Её организованная мощная наука о мирах была
Лишь мимолетным светом, пролитым на поверхность су-
щества.

И не было там ничего – была лишь схема, нарисованная
чувством,

Был суррогат мистерий вечных,

120. Небрежный внешний вид реальности,

План и высотная отметка, наложенная Словом-архитек-
тором

На внешнее обличье Времени.

Само существование было омрачено сомнением;

Оно всем представлялось неким листом лотоса,

125. На голой заводи вселенского Небытия.

А тот великий наблюдатель и созидатель Разума

Нам представлялся лишь посланником чего-то наполови-
ну видимого,

Покровом, что висит между душой и Светом,

Каким-то идолом, а не живущим телом Бога.

130. И даже дух безмолвный, глядящий на свои дела,

Предстал каким-то бледным ликом Непознаваемого;

Обширная всевидящая Сущность казалась просто тенью,

Её спокойствие освободительное и недвижимое -

Пустым отходом от существа, живущего во Времени,

135. А не её собственным видением Вечности.

Там был покой глубокий, но не было невыразимой Силы:

И не было там нашей доброй и могучей Матери,

Которая к своей груди собирает жизни своих детей,

И рук Её, сжимающих весь мир в своих объятиях

140. В бездонном восхищении Бесконечного, не ощуща-

лось,

Блаженства не было – прекрасного зерна творения -
Страстности чистой экстаза Бога, смеющегося
В ярком пламени сердца Любви бескрайней.

Ответить на вопросы Ашвапати должен Дух,
145. Который больше был Существа Разума.

Ибо здесь не было ни путеводной нити, ни верного пути;
Ведущие наверх тропинки исчезли в неизвестном направ-
лении;

Виденье творческое сотворило Запредельное

С противоречащими образами и несовместимыми оттен-
ками;

150. Частичный опыт Целое на части раздробил.

Он посмотрел наверх – там было тихо и пустынно:

Сапфирный небесный свод абстрактной Мысли

Растаял в Пустоте бесформенной.

Он вниз взглянул – безмолвие и темнота царили там.

155. Посередине слышался шум мысли и молитвы,

Борьбы, труда без остановки, без конца;

Невежественный тщетный поиск возвысил голос свой.

Какой-то шепот, шум от движения, зов чей-то,

Бесчисленные крики – пена звуков

160. Катилась непрестанно по волнам океана Жизни

Вдоль побережий смертного Невежества.

Там на груди этой огромной, неуравновешенной

Идеи, формы, существа и силы, как волны, набегая друг

на друга,

Толкались ради впечатлений и верховенства:

165. Всплывали и тонули, и опять во Времени всплывали;

На самом дне бессонной этой суеты

Небытие – родитель рвущихся наверх миров,

Творящая и разрушающая Смерть, мистическая Пустота,

-

Небытие, которое поддерживает вечно даже неразумный

крик

170. И вечно не выпускает божественное Слово,

Недвижное и отвергающее и вопросы, и ответы,

Покоилось под этим развитием событий и голосами этими

Немою неопределенностью смутного Бессознательного.

Две тверди – небо света и небо темноты

175. Определили пределы для прогулки духа;

Он скрыто выдвинулся из бесконечья Существа

В мир преходящих событий и существ,

Где должно умирать, чтоб жить, и жить, чтоб умирать.

Бессмертный через возрожденье после смерти

180. Блуждал дух по спирали своих деяний

Или бесцельно бегал кругами своей мысли,

При этом оставаясь тем же самым изначальным суще-

СТВОМ

И зная ровно столько же, сколько в самом начале знал.

Быть было здесь тюрьмой, а умирание – спасением.

Конец Песни тринадцатой

Песнь четырнадцатая

ДУША МИРА

Стремление Ашвапати привело к ответу, скрытому таинственной вуалью.

На заднем плане пространства Разума, мерцающем вдали,
Виднелся шахтный ствол – его зев пламенеющий разверстый;

Казался он воротами в приют уединения, в котором созерцают радость,

5. Каким-то входом в некую мистерию, в обитель тайную.
Из этого поверхностного и вечно озабоченного мира
Дорога уводила в недра к неизвестному, к источнику,
В туннель, связующий с глубинами Всевышнего.

Она нырнула вниз мистическим ручьем надежды

10. Сквозь множество слоев бесформенного и немого «я»,
Чтоб в этом сердце мира достигнуть максимальной глубины,

Чтобы оттуда хлынул бессловесный зов,

Прозящий Разум, пока ещё невосприимчивый,

Зов, выражающий незримое и страстное желание.

15. Свет шахты был как будто бы перстом какой-то тайны,
манящей внутрь,

Перстом, пронзившим атмосферу этих недр хрустально чистую,

Чтоб обратиться к Ашвапати из некой близкой потаённой глубины:

Как если бы послание от скрытой души мира

И импульс радости там притаившейся,

20. Излившийся из чаши погруженного в раздумья счастья,

Мерцали в зеве этой шахты, украдкой продвигая в Разум Света восторг безмолвный и трепещущий,

Изысканность и страсть огня, похожего на розу.

Как тот, кого манит приют духовный, некогда утраченный,

25. И тот, кто ныне ощущает близость ожидающей любви,

Вошел он, звуками таинственными привлекаемый,

В зев тот неясный и дрожащий,

Который сразу же объял его и спрятал от погони дня и ночи.

Возник какой-то голос приглушенный, многозвучный -

30. Все звуки следовали друг за другом и в то же время повторялись.

Зов этот к наслаждению неподвижному, тайный

В призывном голосе кого-то давно известного и горячо любимого,

Но имя чьё, уж, позабыто умом непомнящим,

Вёл сердце праздное к восторгу и экстазу.

35. Бессмертный зов очаровал плененный слух.

Затем, звучание мистерии властительной снижая,
Он стих до шепота, звучащего вокруг души.

Казался он томленьем пылким одинокой флейты,
Чей звук струится по берегам воспоминаний,
40. Слезами страстной радости глаза переполняя.

Он оттенял безлунную ночную тишину назойливой мелодией,

Похожей на щелчки сверчка с его высокой односложной нотой,

И бил по нервам мистического сна

Своим настойчивым магическим сигналом к пробуждению.

45. Звук мягкий, как у колокольчиков ножных браслетов,
Наполнил серебром дороги сердца уединенного;
И танец этот скрасил одиночество непреходящее:

Забывая, оставшаяся в прошлом, сладость пришла с рыданиями радости.

Звук временами представлялся доносящимся издалека

50. Позвякиванием мерным мелодичным каравана длинного

Шагающих верблюдов иль гимном безбрежья леса,

Торжественным напоминанием, идущим от храмового гонга,

Гудением пчел, которые напились меда в полях, залитых солнцем,

В страстном экстазе полуденного лета,

55. Иль отдаленным гулом странствующих волн морских.
В дрожащем воздухе разлился фимиам,
В груди затрепетало мистическое счастье,
Как если бы невидимый Возлюбленный пришел,
И проявилось вдруг очарование Его лица,

60. И радостные руки прикоснулись к ногам искателя,
И изменился мир от красоты Его улыбки.

Так Ашвапати оказался в царстве удивительном бесплотных тел:

То было обиталище чувств интенсивных без наименований и голосов.

Здесь ощутил он глубину, что удовлетворяла высоте любовью,

65. И обнаружил тот укромный уголок, который все миры мог заключать в себе,

То место, что являлось средоточием сознательным Пространства,

Коротким промежутком вечности в сердце у Времени.

Безмолвная Душа этого мира там пребывала:

Там пребывало Существо – Присутствие и Сила -

70. Одна особенная Ипостась, которая была собою и всем на свете,

Которая лелеяла Природы милые и сопряженные с опасностью пульсации,

Преобразуя их в чистейшие небесные биения.

Та Ипостась, которая могла любить любовью безответной,

Встречая наихудшее и обращая это самое плохое в наилучшее,

75. Та самая, что исцеляла горькую безжалостность земли,
Преобразуя всякий опыт в наслаждение;
Она качала колыбель вселенского Дитя,
В плачевные пути рожденья вмешиваясь,
И унимала слёзы руками радости;

80. Она зло приводила к потаённому добру
И ложь, в себе уверенную, обращала в радостную правду;
И её силой стало обнаружение божественности.
Разума Бога сверстница и безграничная, -
Она внутри себя несёт и яркий свет, и семя:

85. То семя, которое вновь порождает Вечного,
Тот яркий свет, который отменяет в смертных смерть.
Всё стало ко всему родным и сущностным, и близким,
И близость Бога была везде;

Не ощущалось ни завесы, ни грубого инертного барьера,

90. И Время не могло здесь изменить, и расстояние – разделить.

В глубинах духа горело пламя страсти,

И все сердца объединяло неизменное прикосновенье благоденствия,

Пульс одного блаженства от поклонения единого
В небесной выси неумирающей любви.

95. Во всём здесь пребывающее внутреннее счастье
И ощущение космических гармоний,

Неизмеримая и полная покоя вечность

Добра и радости, и красоты, и истины соединились воедино.

Здесь было быющее ключами сердце конечной жизни;
100. Здесь дух, лишенный формы, стал душой формы.

Всё было здесь душой иль сделано лишь только из вещества души;

Непостижимая земля души была укрыта небесами этой же души.

Всё познавалось здесь духовным чувством:

Здесь не присутствовала мысль, и только собственное знание – одно оно

105. Овладевало всем при помощи отождествления, побуждаемого духом,

При помощи родства душ «я» с другими «я»,

Прикосновения сознания к сознанию

И взгляда существа на существо с вниманием глубочайшим,

И сердца обнаженного, открытого к другому сердцу без стен словесных,

110. Единодушия разумов, способных видеть в мириадах форм

Свет изливающий единства с Богом.

Здесь не присутствовала жизнь, но сила страстная,

Наичистейшая и глубочайшая,

Осознавалась и ощущалась как тонкая духовная энергия,
115. Что с трепетом передавалась от души к внимающей
душе,

Воспринималась как влияние сокрытое, движение мисти-
ческое,

Свободное, счастливое и интенсивное сближение
Существ любых без масок и проверок.

Без этой силы не смогла бы никогда существовать жизнь
и любовь.

120. Тела здесь тоже не было, ибо телá здесь не нужны,
Душа сама была своею собственной бессмертной формой,
Способной в одночасье ощущать связь с душами другими
Теснейшую, конкретную, блаженную, невероятно истин-
ную.

Как тот, кто продвигается во сне сквозь ясные видения

125. И истинную значимость всех этих внешних форм
осознает,

Здесь, где реальность стала своим собственным видением,

Осознавал явления Ашвапати по их душе, а не по наблю-
даемому образу:

Как тот, кто долго жил в любви единым существом с дру-
гими,

И не нуждался ни в словах, ни в знаках при контактах
сердца с сердцем,

130. Общался он безмолвно со всеми существами,
Не скрытыми материальной оболочкой.

То было место обитания самой души:

Очарование озёр, ручьев и красота холмов собой являли

Текучесть и неподвижность душевного пространства,

135. Равнины и долины – разнообразные участки радости

души,

Сады, что были духа цветочными полянами,

Здесь представляли медитации о мечтаниях звонких,

А воздух был дыханием чистой бесконечности.

Благоухание блуждало разноцветной дымкой,

140. Как если б аромат и колорит цветов душистых

Смешали, чтобы повторить божественную атмосферу.

Взывая не к глазам, а лишь к душе,

Как в доме собственном, жила здесь красота.

Всё было здесь прекрасно по праву собственному

145. И не нуждалось в одеждах пышных.

Все формы были похожи на тела Богов -

То был духовный образ, что окружает душу,

Поскольку мир вокруг и сущность индивида здесь были одной реальностью.

В сияющих покоях сна духовного сидели здесь те существа,

150. Что на земле до этого были одеты в форму тела человека, а ныне,

Между рождениями своими, в беззвучном трансе находились.

Вехи рождения и смерти остались позади,
Остались позади и сцена краткая трудов земных,
И долгие дороги с их счастьем небесным и адскими стра-
даньями;

155. Они вернулись в мир души глубинный.

Собрали их для отдыха перед рождением новым: и лич-
ность,

И характер претерпевали здесь измененье в оцепенении
сонном.

Они перебирали в трансе этом в обратном направлении
«я» пережитые свои,

На фоне этих воспоминаний в раздумьях каждой новой
личности

160. Предвидящих, пророческих

Сформировалась карта курса той судьбы, что предстояла
каждому из них:

Адепты собственного прошлого, первопроходцы соб-
ственного будущего,

И избиратели той участи, что сами предрекли себе -

Они все ожидали здесь пришествия на землю для новой
жизни.

165. Та Личность, что сохраняется при разрушении ми-
ров,

И остается вечно той же самой в самых разных образах,

Неразличимых внешним разумом,

И принимающая в странах нам неведомых неведомые

имена,

Сквозь Время на прошедшей земной странице след оставляет

170. Возрастающей фигуры своей сущности сокрытой
И учится на опыте тому, что дух уже познал,
Пока она не сможет увидеть Бога и свою истину ожившую.
Они должны еще раз встретиться с игрой-проблемой нового рождения,

С экспериментами души – восторгом и страданием,
175. И мыслью, и побуждением, что свет бросает на деяния слепые,

И предприятием рисковом, ведущим «я» сквозь формы мира сущего

По всем дорогам обстоятельств,
По внешним сценам и по внутренним движениям.

Так Ашвапати в центр творения пришел.

180. Дух, странствующий от состояния к состоянию,
Находит здесь, в своей начальной точке, успокоение
В аморфной силе и безмолвной неподвижности,
Вынашивая страстное волнение мира Души.
Всё то, что было создано и некогда разрушено,
185. Спокойная настойчивая прозорливость неизменного

Единого

Неумолимо пересоздает и оживляет заново:

Все убеждения, силы, жизни, существа

На время в эту неподвижность помещаются;
Им придают там цель иную и направление новое
190. И перестроили их образ и природу их.

Они всё время изменяются, и изменение всё время нарастает,

И проходя сквозь фазу смерти плодотворную,
И после сна их долгого и заново воссоздающего
Они вновь получают своё место в процессии Богов,

195. Пока не завершится работа эта во Времени вселенском.

Здесь было место, в котором формируются миры.

Был промежуток здесь между поступком и поступком новым,

Между рождением и возрождением, меж сном и бодрствующим сном,

Тот промежуток, что силу придает творению и бытию.

200. Вне этого пространства лежали области блаженства и покоя,

Безмолвные места рожденья света и надежды, и любви,
Истоки божественной гармонии, небесного экстаза.

В оцепенении голосов этого мира

Без размышленья Ашвапати осознал мгновение вечности;

205. Его познание, избавленное от нарядов чувства,

Осознавало без слов и мыслей при помощи отождествления;

И существо его увидело себя без покровов своих,
Из бесконечья духа спустилась жизни линия.

Вдоль по дороге света внутреннего, чистого

210. Среди громад Присутствий, в одиночестве,
Под наблюдающими взглядами неназванных Богов

Его душа, как одинокая сознательная сила, проследовала
К завершению пути, который вечно снова начинается,

Сквозь тихую немую неподвижность приближаясь

215. К источнику всех сущностей – божественных и человеческих.

Там он увидел в равновесии могучего единства

Бессмертную фигуру Два-в-Одном – некое существо,

Что слилось воедино из двух тел, обнимающих друг друга,

Фигуру двоевластия из двух объединенных душ,

220. Которая была поглощена глубоким творческим вос-
торгом;

Транс этого блаженства поддерживал мир человеческий
изменчивый.

За этими Двумя стояла в сумерках рассвета Божественная
Мать,

Которая их породила из Непознаваемого.

Всегда сокрытая, она ждала дух ищущий;

225. Хранитель высших, недостижимых пиков,

Ведущий путника незримыми путями, -

Она стоит на страже аскетического подступа к Единому.

Властителем первопричины любого плана необъятного,
Пропитывающим своею мощью космические солнца,
230. Является Она. Она же – и вдохновитель этих много-
численных работ,

И тот мудрец, который расставил знаки на этой сцене.
Над всем этим стоит Она, которая и подпирает это всё, -
Единоличная всеильная Богиня, всегда сокрытая вуалью
тайны,

Чей мир есть маска непостижимая Её;

235. Века – лишь поступь Её шагов,

А их события есть Её мыслей воплощение,

А всё творение есть нескончаемое действие Её.

Дух Ашвапати стал сосудом Её силы;

Безмолвный, с бездонной страстью своего желания

240. Он к Ней простёр сложенные для молитвы руки.

Его трепещущему сердцу явился жест тогда -

Величественный отклик, отодвигающий в сторону миры:

Из этой блистающей мистерии Её рука в приветствии

Взметнулась, отбросившая наполовину извечную вуаль Её
одежд.

245. Свет появился тихий и непреходящий.

Увидел он загадочное очертание Её лица,

Пленился светлыми обширными глубинами

Той восхитительной мистерии, что создал взор Её.

Ошеломленный Её неумолимым светом и блаженством,

250. Став Её безграничной сущности частицей,

Навеки покорённой молниеносностью и сладостью Её энергии,

Бросаемой на берега экстаза необъятного,
До дна напившийся вина духовного,
Он влил в разорванную тишину своей души

255. Крик обожания и страсти,
И безграничного предания и собственного разума,
И сердца молчаливого всем повелениям Её
И потерял сознание, и распростерся у ног Её.

Конец Песни четырнадцатой

Песнь пятнадцатая

ЦАРСТВО БОЛЬШЕГО ЗНАНИЯ

Неизмеримый миг явления Души растаял,
Вновь возвращаясь в прежние поверхностные сферы
Из тех глубин, куда он погружался, и Время где не наблюдалось,

Услышал Ашвапати снова неторопливый ход часов.
5. Всё то, что было пережито и осознано, осталось позади;
Сам самому себе он стал единственной сценой.
Стоял он в царстве безграничного безмолвия,
Поднявшись над Свидетелем²² и над его вселенной,

²² Здесь Свидетель это Пуруша.

Там ожидая Гласа, что отозвался и создал те миры.

10. Свет окружал его глубокий, совершенный -

То был взгляд вечности с его алмазной чистотой;

Было пустым, лишенным образов, сознание -

Свободным, бессловесным, не понуждаемым ни прави-

лом, ни знаком,

Всевечно удовлетворенным лишь блаженством и существованием;

15. Существование чистое в покое пребывало

В основе голой и бескрайней духа одинокого.

Над сферой Разума поднялся Ашвапати,

Оставив царство красок и теней Природы;

Остановился он в лишенной цвета чистоте собственной сущности.

20. Это была грань духа неопределенного,

Которая могла быть и нулём, и суммою значительной -

Тем состоянием, в котором всё закончилось или всё началось.

Всё было тем, что представляет Абсолют, -

Вершиной высочайшей, откуда дух мог видеть все миры,

25. Обширным явлением покоя, безмолвным домом мудрости,

Уединенной станцией Всеведения,

Трамплином силы Вечности,

Пространством чистым в доме Все-Блаженства.

Здесь появилась мысль, которая выходит за пределы

Мысли,

30. И тихий Глас, который наше ухо не может слышать,
И Знание, благодаря которому сам познающий знанием
становится,

И та Любовь, в которой любящий с возлюбленным есть
одно целое.

Всё пребывало в изначальной полноте, утихшим
И осуществившимся, пред тем, как сотворить смогло бы
35. Прекрасную мечту своих всеобщих действий;
Здесь начиналась жизнь духовного рождения,
Заканчивался здесь для конечного всего неторопливый
ход к Бесконечью.

Дороги тысячами вращались в Вечность
Или с напевом устремлялись Туда, чтобы встретить лик
Бога неприкрытый.

40. И Знание это освободило Ашвапати от оков;
Он постучался во врата Непознаваемого.
Оттуда, вглядываясь безграничным взором,
Единым с взором сущности его, в глубины собственные
чистые,

Увидел он сверкание царств духа,
45. Величие и чудо его творений безграничных,
Силу и страсть, проистекающую из его безмолвия,
Восторг его покоя и его движения и чудо сладкое и в то
же время

Интенсивное той жизни, что превосходит бытие простое,

Охват многосторонний нераздельный

50. Предвиденья единого огромного Всего,

Неистошимые деяния духа в непреходящем Времени и том пространстве,

Которое есть его собственная бесконечность.

Чудесное многообразие одной лучистой Сущности,

Что отвечает радостью на радость и любовью на любовь, -

55. Все представляли там собой подвижные обители бла-

женства Бога;

Извечные и уникальные – Единым Целым они жили.

Там силы длительными вспышками небесной Истины яв-

ляются,

А все объекты – чистыми духовными обличьями Её,

Дух – более не скрыт от взора собственного,

60. Способность ощущать приносит море счастья,

А всё творение является деянием света.

Из полностью нейтрального молчания своей души

Вошел в поля могуществ и покоя Ашвапати

И там увидел Силы, что стоят над миром,

65. И царства пересек Идеи высочайшей,

И разыскал вершину сотворенного

И всемогущую первопричину космического изменения.

Там Знание его призвало к тем своим мистическим вер-

шинам,

Где мысль содержится в глубоком сокровенном ощуще-

нии,

70. И ощущение это плывет через моря покоя,
И видение становится вне досягаемости Времени.
Приравненный к провидцам изначального творца,
Сопровождаемый всеобщим откровением Света,
Прошел он через царства трансцендентной Истины

75. Неизмеримой, обращенной внутрь, безоговорочно
единой.

Тот путь был его собственного духа протяжением;
Избавленный от вымыслов ума, теперь ход в будущее вре-
мя

Из прошлого сквозь настоящее не озадачивал его;
И этот Времени поток неотвратимый и непрерывный -

80. Течение долгое Его проявленного направления – хра-
нился

Во взгляде духа одном, обширном и внимательном.
Космическая красота свой лик явила:

Наполненные глубиной, невидимые смыслы,
Нашедшие приют за нечувствительною маской формы,

85. Раскрыли Ашвапати свою бессмертную гармонию
И дали ключ к волшебной книге обыденных явлений.

В своём объединяющем законе открыто проявились:
Многообразии масштабов силы всетворящей,

Технические методы, употребляемые Геометром Мира,

90. То волшебство, которое поддерживает ткань вселен-
ной,

И магия, лежащая в основе всех образов обычных.

На тех высотах, где Тишина с безмолвным сердцем слушает

Циклические ритмы катящихся миров,
Он службу тройственному Пламени провёл.

95. На стыке сна и транса находясь,
Услышал он невысказанный вечный глас Реальности,
Который пробудил зов откровения мистический,
И место отыскал, где Слово родилось нежданное и безошибочное,

И пребывал, в лучах небесной интуиции купаясь.

100. Избавленный от рабских связей сна и смерти,
Он оседлал молниеносные моря космического Разума
И пересек могучий океан первоначальной звуковой вибрации²³;

Приблизившись в конце концов к небесному началу,
Пройдя по узкой кромке, вплотную с угасанием,

105. Вблизи границ высоких вечности,
Взошел на гребень золотистый мира сновидений он
Между погибельным огнем и пламенем спасительным;
Затем добрался он до полосы той Истины, что неизменна,
К границам прикоснулся Света несказанного

110. И трепет ощутил в присутствии Невыразимого.
Увидел над собою он, как пламенеют Иерархии,
И крылья, что объяли сотворенное Пространство,
Хранителей с глазами-солнцами и золотого Сфинкса,

И восходящих уровней ряды, и непреложных Повелителей-Богов.

115. Там мудрость заседала в ожидании Всеведения,
Безмолвная, в пассивности глубокой;

Она не отмеряла, не судила и не стремилась разбираться,
Но лишь выслушивала пеленою скрытую, всевидящую

Мысль

И тот рефрен, что нёс спокойный трансцендентный Глас.

120. Достиг вершины Ашвапати всего, что познано быть
может:

Его взгляд охватил без колебаний и основание, и верх творения;

И тройственные²⁴ небеса ему явили свои пылающие солнца,

А темный первозданный Хаос уклад свой безобразный обнажил.

Всё, кроме окончательной Мистерии, стало его полем деятельности,

125. Непознаваемое немного приоткрыло ему свой край.

В нём стали проявляться безграничья его сущности,

К нему воззвали скрытые вселенные;

И вечности воззвали к вечностям,

Издали передавая своё послание безгласное.

130. Возникшие из чудодейственных глубин,

Воспламенившиеся на сверхсознательных высотах,

²⁴ Воплощающие Сат-Чит-Ананду.

Струившиеся кольцами горизонтальными огромными,
Миллионы сил соединились, становясь Единым.

Всё, что измерить было невозможно, влилось в единственное море:

135. Живые виды стали состоять из крошечных Его жилищ²⁵.

Теперь Панергия²⁶, которая гармонизировала жизнь,
Держало существо любое под полным управлением своим;

Стал Ашвапати частью этой всеобщей абсолютной Силы.
Он жил по воле собственной в Луче сознания, не забывающем об Истине.

140. В том царстве, где неправда не может появиться,
Где всё – различно, и всё – едино,
В безбрежном океане самого Безличного
На мирового Духа якорю стояла Личность;
Она испытывала трепет от могучих действий Силы Мира,
145. Её деяния дружескими были безграничному спокойствию Всевышнего.

Здесь тело, являясь знаком земного существа и приложением величья,

²⁵ Таковыми стали атомы, из которых состоят все земные тела.

²⁶ Панергия (термин, введенный Шри Ауробиндо) – самосуществующая всеобщая и абсолютная Сила, которая может нести в себе космические энергии и является их причиной.

Власть передало самой душе -

Энергии бессмертной средоточие, устойчивая форма

Обширной и бесформенной волны космичности,

150. Сознательное острие всей мощи Трансцендентного,

Которое из материала мира высекает совершенство,

Оно в себе отображало смысл вселенной.

Сознание напоминало ткань переплетенную, единую;

Далекое и близкое было единым целым в пространстве ду-

ха,

155. Мгновения порождали время.

Мысль вскрыла маску сверхсознания,

Идея двигала симфониями взгляда,

А взгляд стал вспыхнувшим броском отождествления;

Жизнь человека стала чудесной прогулкой духа,

160. А чувство – некою волной вселенского Блаженства.

И в это царство силы и света Духа

Вошел он заново рожденным, младым, не знающим гра-

ниц,

Как если б прибыл из лона бесконечья

И вырос с мудростью извечного Дитя;

165. Он стал неким простором, который вскоре превра-

тился в Солнце.

Безмолвие великое, наполненное светом, шептало что-то

его сердцу;

Его познание сути собственной смысл уловило непости-

жимый,

А внешний взор его не ограничился недолгим кругозором:

Во всём он обнаружил и ощутил себя, его взгляд силу получил.

170. Он пообщался с Непередаваемым;

Его друзьями стали существа с сознанием шире его собственного,

И ближе ему стали формы, сделанные глубже, тоньше,

И вне покрова Жизни с ним побеседовали Боги.

И существо его взросло вблизи вершин Природы.

175. Первоначальная Энергия его в свои объятия заключила;

Его мозг был окутан неодолимым светом,

А его сердцем овладело всеобъемлющее знание:

Земной ум овладеть не мог той мыслью, что возникла в нём,

Взыграли в нём такие Силы, что нервы смертного не выдержат.

180. Он разглядел Сверхразума секреты

И испытал восторг божественной Души.

Как житель царства, граничащего с царством Солнца,

Приученный к гармониям небесным,

Творение связал он со сферою Предвечного.

185. Конечные аспекты его природы приблизились к высотам абсолютным,

Его деяния в себе отобразили движения Богов,

А его воля ухватила вожжи вселенской Силы.

Конец Песни пятнадцатой

Конец Книги второй